

ние сочинений в шести томах. Том 1. Стихотворения 1828–1831. Михаил Юрьевич Лермонтов Termontovmikhaila
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://lermontovmikhail.ru/> приятного чтения!

Собрание сочинений в шести томах. Том 1. Стихотворения 1828–1831. Михаил Юрьевич Лермонтов

От редакции

Настоящее собрание сочинений великого русского поэта М. Ю. Лермонтова содержит критически установленный текст произведений поэта и полный свод вариантов к ним.

Все произведения и письма, вошедшие в издание, проверяются и печатаются по наиболее точным печатным текстам, автографам и авторитетным копиям.

Тексты сопровождаются краткими примечаниями, заключающими в себе сведения об источниках текста, о первом появлении в печати, о дате создания и краткие фактические разъяснения, необходимые для понимания произведения.

В собрание входят все художественные произведения, планы, наброски и письма поэта.

Собрание состоит из 6 томов:

Томы 1 и 2 – Стихотворения.

Томы 3 и 4 – Поэмы и повести в стихах.

Том 5 – Драмы.

Том 6 – Проза и письма, даты жизни и творчества Лермонтова, указатели.

Внутри каждого тома произведения располагаются в хронологическом порядке. Этот порядок определяется датой написания или, за ее отсутствием, датой выхода в свет произведений Лермонтова. Раздел «Другие редакции и варианты» помещается вслед за основным текстом.

Стихотворений, принадлежность которых Лермонтову не может быть неопровержимо доказана, даются в приложениях (в разделе «Произведения, приписываемые Лермонтову»). Тетради, содержащие конспекты лекций, прослушанных Лермонтовым в Школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров, и так называемые «юнкерские поэмы» в собрание не включаются.

Значительно увеличен раздел вариантов и других редакций. Основным принципом воспроизведения вариантов является наиболее полный и точный свод всех разночтений и ранних редакций, отличающихся от окончательных чтений основного текста; этим достигается возможно более полная документальная характеристика творческой работы Лермонтова над созданием своих произведений.

Перед разделом «Примечания» дается краткий обзор источников и пояснение условных обозначений.

В подготовке текстов стихотворений и комментировании их участвовали: Т. П. Голованова (стихотворения 1831, 1830–1831 и разных годов), Г. А. Лапкина (стихотворения 1828, 1830, 1836–1840 годов и приложения I и II), А. Н. Михайлова (стихотворения 1829 года; <А. А. Олениной> 1839; пятнадцать стихотворений 1841 года – <В альбом С. Н. Карамзиной> и все стихотворения из записной книжки Одоевского; стихотворения без дат – «Тебе, Кавказ, суровый царь земли», I и II), Л. Н. Назарова (стихотворения 1832–1834 годов; стихотворения 1841 года, за исключением вышеуказанных; стихотворения разных годов), А. И. Перепеч (приложение III – Стихотворения, приписываемые Лермонтову).

Стихотворения, 1828–1831

1828

Осень*

Листья в поле пожелтели,

и кружатся и летят;

Лишь в бору поникши ели

Зелень мрачную хранят.

Под нависшею скалою

Уж не любит, меж цветов,
Пахарь отдыхать порою
От полуденных трудов.
Зверь, отважный, поневоле
Скрыться где-нибудь спешит.
Ночью месяц тускл, и поле
Сквозь туман лишь серебрит.
Заблуждение Купидона*

Однажды женщины Эроса отодрали;
Досадой раздражен, упрямое дитя,
Напрягши грозный лук и за обиду мстя,
Не смея к женщинам, к нам ярость острой стали,
Не слушая мольбы усерднейшей, стремится.
Ваш подлый род один! – безумный говорит.
* * *

С тех пор-то женщина любви не знает!..
И точно как рабов считает нас она..
Так в наказаниях всегда почти бывает:
Которые смиренней, на тех падет вина!..
Цевница*

На склоне гор, близ вод, прохожий, зрел ли ты
Беседку тайную, где грустные мечты
Сидят задумавшись? Над ними свод акаций:
Там некогда стоял алтарь и муз и граций,
И куст прелестных роз, взлелеянных весной
Там некогда, кругом черемухи млечной
Струя свой аромат, шумя, с прибрежной ивой
Шутил подчас зефир и резвый и игривый.
Там некогда моя последняя любовь
Питала сердце мне и волновала кровь!..
Сокрылось всё теперь: так, поутру, туманы
От солнечных лучей редуют среди поляны.
Исчезло всё теперь; но ты осталось мне,
Утеха страждущих, спасенье в тишине,
О милое, души святое воспоминанье!
Тебе ж, о мирный кров, тех дней, когда страданье
Не ведало меня, я сохранил залог,
Который умертвить не может грозный рок,
Мое веселие, уж взятое гробницей,
И ржавый предков меч с задумчивой цевницей!
Поэт*

Когда Рафаэль вдохновенный
Пречистой девы лик священный
Живою кистью окончал:
Своим искусством восхищенный
Он пред картиною упал!
Но скоро сей порыв чудесный
Слабел в груди его молодой,
И утомленный и немой
Он забывал огонь небесный.
Таков поэт: чуть мысль блеснет,
Как он пером своим прольет
Всю душу; звуком громкой лиры
Чарует свет, и в тишине
Поет, забывшись в райском сне,
Вас, вас! души его кумиры!
И вдруг хладеет жар ланит,
Его сердечные волненья
Всё тише, и призрак бежит!
Но долго, долго ум хранит
Первоначальны впечатленья.
1829

К П***ну*

Забудь, любезный П<етерсо>н,
Мои минувшие сужденья;
Нет! недостойн бедный свет презренья,
Хоть наша жизнь минута сновиденья,
Хоть наша смерть струны порванной звон.

Мой ум его теперь ценить иначе станет.
Навряд ли кто-нибудь из нас страну узрит,
Где дружба дружбы не обманет,
Любовь любви не изменит.
Зачем же всё в сем мире бросить,
Зачем и счастья не найти:
Есть розы, друг, и на земном пути!
Их время злобное не все покосит!..
Пусть добродетель в прах падет,
Пусть будут все мольбы творцу бесплодны,
Навеки гений пусть умрет, –
Везде утехи есть толпе простонародной;
Но тот, на ком лежит уныния печать,
Кто, юный, потерял лета златые,
Того не могут услаждать
Ни дружба, ни любовь, ни песни боевые!..
К Д***ву*

Я пробегал страны России,
Как бедный странник меж людей;
Везде шипят коварства змии;
Я думал: в свете нет друзей!
Нет дружбы нежно-постоянной,
И бескорыстной, и простой;
Но ты явился, гость незванный,
И вновь мне возвратил покой!
С тобою чувствами сливаюсь,
В речах веселых счастье пью;
Но дев коварных не терплю, –
И больше им не доверяюсь!..
Посвящение. N. N.*
Вот, друг, плоды моей небрежной музы!
Оттенки чувств тебе несу я в дар.
Хоть ты презрел священной дружбы узы,
Хоть ты души моей отринул жар..
Я знаю всё: ты ветрен, безрассуден,
И ложный друг уж в сеть тебя завлек;
Но вспоминай, что путь ко счастью труден
От той страны, где царствует порок!..
Готов на всё для твоего спасенья!
Я так клялся и к гибели летел;
Но ты молчал и, полный подозренья,
Словам моим поверить не хотел..
Но час придет, своим печальным взором
Ты всё прочтешь в немой душе моей;
Тогда: – беги, не трать пустых речей, –
Ты осужден последним приговором!..

Пир*
Приди ко мне, любезный друг,
Под сень черемух и акаций,
Чтоб разделить святой досуг
В объятых мира, муз и граций.
Не мясо тучного тельца,
Не фрукты Греции счастливой
Увидишь ты; не мед, не пиво
Блеснут в стакане пришлеца;
Но за столом любимца Феба
Пирует дружба и она;
А снедь, кусок прекрасный хлеба
И рюмка красного вина.
Веселый час*

(Стихи в оригинале найдены во Франции на стенах одной государственной темницы)
Зачем вы на меня,
Любезные друзья,
В решетку так глядите?
Не плачьте, не грустите!
Пускай умру сейчас,
Коль я в углу темницы
Смочил один хоть раз

Слезой мои ресницы!..
Ликуйте вы одне
И чаши осушайте,
Любви в безумном сне
Как прежде утопайте;
Но в пламенном вине
Меня вспоминайте!..
Я также в вашу честь,
Кляня любовь былую,
Хлеб черствый стану есть
И воду пить гнилую!..
Пред мной отличный стол,
И шаткий <и> старинный;
И музыкой ослиной
Скрыпит повсюду пол.
В окошко свет чуть льется;
Я на стене кругом
Пишу стихи углем,
Браню кого придется,
Хвалю кого хочу,
Нередко хохочу,
Что так мне удастся!
Иль если крыса, в ночь,
Колпак на мне сгрызает,
Я не гоняю прочь:
Меня увеселяет
Ее бесплодный труд.
Я повернусь–и тут!..
Послыша глас тревоги –
Она–давай бог ноги!..
Я сторожа дверей
Всегда увеселяю,
Смешу – и тем сытей
Всегда почти бываю.

. . .
. . .

Тогда я припеваю

. . .
. . .

«Тот счастлив, в ком ни раз
Веселья дух не гас.
Хоть он всю жизнь страдает,
Но горесть забывает
В один веселый час!..»
К друзьям*

Я рожден с душою пылкой,
Я люблю с друзьями быть,
А подчас и за бутылкой
Быстро время проводить.

* * *

Я не склонен к славе громкой,
Сердце греет лишь любовь;
Лиры звук дрожащий, звонкой
Мне волнует также кровь.

* * *

Но нередко средь веселья
Дух мой страждет и грустит,
В шуме буйного похмелья
Дума на сердце лежит.

Эпиграмма («Дурак и старая кокетка – все равно...»)*

Дурак и старая кокетка–всё равно:
Румяны, горсть белил–всё знание его!..

Мадригал*

«Душа телесна!» ты всех уверяешь смело:

□□□□я соглашусь, любовию дыша:

Твое прекраснейшее тело

□□□□Не что иное как душа!..

Романс («Коварной жизнью недовольный...»)*

Коварной жизнью недовольный,
Обманут низкой клеветой,
Летел, изгнанник самовольный,
В страну Италии златой.
«Забуду ль вас, сказал он, други?
Тебя, о севера вино?
Забуду ль, в мирные досуги
Как веселило нас оно?
* * *

«Снега и вихрь зимы холодной,
Горячий взор московских дев,
И балалайки звук народный,
И томный вечера припев?
Душа души моей! тебя ли
Заглядят в памяти моей
Страна далекая, печали,
Язык презрительных людей?
* * *

«Нет! и под миртом изумрудным,
И на Гельвеции скалах,
И в граде Рима многолюдном
Всё будешь ты в моих очах!»
* * *

В коляску сел, дорогой скучной,
Закрывшись в плащ, он поскакал;
А колокольчик однозвучный
Звенел, звенел и пропадал!
Портреты*

1
Он некрасив, он невысок,
Но взор горит, любовь сулит,
И на челе оставил рок
Средь юных дней печать страстей.
Власы на нем как смоль черны,
Бледны всегда его уста,
Открыты ль, сомкнуты ль они,
Льют без слов язык богов.
И пылок он, когда над ним
Грозит бедой перун земной.
Не любит он и славы дым.
Средь тайных мук, свободы друг,
Смеется редко, чаще вновь
Клянет он мир, где вечно сир,
Коварность, зависть и любовь,
Всё бросил он как лживый сон!
Не знал он друга меж людей,
Везде один, природы сын.
Так жертву среди сухих степей
Мчит бури ток сухой листок.

2
Довольно толст, довольно тучен
Наш полновесистый герой.
Нередко весел, чаще скучен,
Любезен, горд, сердит порой.
Он добр, член нашего Парнаса,
Красавицам Москвы смешон,
На крыльях дряхлого Пегаса
Летает в мир мечтанья он.
Глаза не слишком говорливы,
Всегда по моде он одет.
А щечки – полненькие сливы,
Так говорит докучный свет.

3
Лукав, завистлив, зол и страстен,
Отступник бога и людей;
Холоден, всем почти ужасен,
Своими ласками опасен,
А в заключение – злодей!..

4

Всё в мире суета, он мнит, или отрава,
Возвышенной души предмет стремленья – слава.

5

Всегда он с улыбкой веселой,
Жизнь любит и юность румяну,
Но чувства глубоко питает, –
Не знает он тайны природы.
Открытен всегда, постоянен;
Не знает горячих страстей.

6

Он любимец мягкой лени,
Сна и низких всех людей;
Он любимец наслаждений,
Враг губительных страстей!
Русы волосы кудрями
Упадают средь ланит.
Взор изнежен, и устами
Он лишь редко шевелит!..

К гению*

Когда во тьме ночей мой не смыкаясь взор
Без цели бродит вокруг, прошедших дней укор
Когда зовет меня, невольно, к воспоминанью:
Какому тяжкому я предаюсь мечтанью!..
О сколько вдруг толпой теснится в грудь мою
И теней, и любви свидетелей!.. Люблю!
Твержу забывшись им. Но полный весь тоскою
Неверной девы лик мелькает предо мною..
Так, счастье ведал я, и сладкий миг исчез,
Как гаснет блеск звезды падучей средь небес!
Но я тебя молю, мой неизменный Гений:
Дай раз еще любить! дай жаром вдохновений
Согреться миг один, последний, и тогда
Пусть остынет пыл сердечный навсегда.
Но прежде там, где вы, души моей царицы,
Промчится звук моей задумчивой цевницы!
Молю тебя, молю, хранитель мой святой,
Над яблоней мой тирс и с лирой золотой
Повесь и начерти: здесь жили вдохновенья!
Певец знавал любви живые упоенья..
..И я приду сюда, и не узнаю вас,
О струны звонкие!..

. . .
. . .

Но ты забыла, друг! когда порой ночной
Мы на балконе там сидели. Как немой,
Смотрел я на тебя с обычно печалью.
Не помнишь ты тот миг, как я, под длинной шалью
Скрывши голову, на грудь твою склонял –
И был ответом вздох, твою я руку жал–
И был ответом взгляд и страстный и стыдливый!
И месяц был один свидетель молчаливый
Последних и невинных радостей моих!..
Их пламень на груди моей давно затих!..
Но, милая, зачем, как год прошел разлуки,
Как я почти забыл и радости и муки,
Желаешь ты опять привлечь меня к себе?..
Забудь любовь мою! покорна будь судьбе!
Кляни мой взор, кляни моих восторгов сладость!..
Забудь!.. пускай другой твою украсит младость!..
Ты ж, чистый житель тех неизмеримых стран,
Где стелется эфир, как вечный океан,
И совесть чистая с беспечностью драгою,
Хранители души, останьтесь ввек со мною!
И будет мне луны любезен томный свет,
Как смутный памятник прошедших, милых лет!..
Покаяние*

Дева

– Я пришла, святой отец,
Исповедать грех сердечный,
Горесть, роковой конец
Счастья жизни скоротечной!..

Поп

– Если дух твой изнемог,
И в сердечном покаяньи
Излишь свои страданья:
Грех простит великий бог!..

Дева

– Нет, не в той я здесь надежде,
Чтобы сбросить тягость бед:
Всё прошло, что было прежде, –
Где ж найти уплывших лет?

Не хочу я пред небесным
О спасеньи слезы лить
Иль спокойствием чудесным
Душу грешную омыть;
Я спешу перед тобою
Исповедать жизнь мою,
Чтоб не умертвить с собою
Всё, что в жизни я люблю!
Слушай, тверже будь... скрепился,
Знай, что есть удар судьбы;

Но над мною не молися:
Не достойна я мольбы.
Я не знала, что такое
Счастье юных, нежных дней;
Я не знала о покое,
О невинности детей:
Пылкой страсти вожделенью
Я была посвящена,
И геенскому мученью
Предала меня она!..

Но любви тайна сладость
Укрывалася от глаз;
Вслед за ней бежала младость,
Как бежит за часом час.

Вскоре бедствие узнала
И ничтожество свое:
Я любовью торговала;
И не ведала ее.

Исповедать грех сердечный
Я пришла, святой отец!
Счастья жизни скоротечной
Вечный роковой конец.

Поп

Если таешь ты в страданья,
Если дух твой изнемог,
Но не молишь в покаяньи:
Не простит великий бог!..

Письмо*

Свеча горит! дрожащею рукою
Я окончал заветные черты,
Болезнь и парка мчались надо мною,
И много в грудь теснилось – и ты
Напрасно чашу мне несла здоровья,
(Так чудилось) с веселием в глазах,
Напрасно стала здесь у изголовья,
И поцелуй любви горел в устах.

Прости навек! – Но вот одно желанье:
Приди ко мне, приди в последний раз,
Чтоб усладить предсмертное страданье,
Чтоб потушить огонь сомкнутых глаз,
Чтоб сжать мою хладеющую руку...

Далеко ты! не слышишь голос мой!
Не при тебе узнаю смерти муку!
Не при тебе оставлю мир земной!

Когда ж письмо в очах твоих печальных
Откроется... прочтешь его... тогда
Быть может я, при песнях погребальных,
Сойду в мой дом подземный навсегда!..
Но ты не плачь: мы ближе друг от друга,
Мой дух всегда готов к тебе летать
Или, в часы беспечного досуга,
Сокрыты прелести твои лобзать...
Настанет ночь; приедешь из собрания
И к ложу тайному придешь одна;
Посмотришь в зеркало и жар дыханья
Почувствуешь, и не увидишь сна,
И пыхнет огонь на девственны ланиты,
К груди младой прильнет безвестный дух,
И над главою мелькнет призрак забытый,
И звук влетит в твой удивленный слух.
Узнай в тот миг, что это я, из гроба
На мрачное свиданье прилетел:
Так, душная земли немой утроба
Не всех теней презрительный удел!..
Когда ж в санях, в блистательном катаньи,
Проедешь ты на паре вороных;
И за тобой в любви живом страданьи
Стоит гусар безмолвен, мрачен, тих;
И по груди обоих вас промчится
Невольный хлад, и сердце закипит,
И ты вздохнешь, гусара взор затмится,
Он черный ус рукою закрутит;
Услышишь звук военного металла,
Увидишь бледный цвет его чела:
То тень моя безумная предстала
И мертвый взор на путь ваш навела!..
Ах! много, много я сказать желаю;
Но медленно слабеет жизни дух.
Я чувствую, что к смерти подступаю,
И – падает перо из слабых рук...
Прости!.. Я бегал за лучами славы,
Несчастливо, но пламенно любил,
Всё изменило мне, везде отравы,
Лишь лиры звук мне неизменен был!..
Война*

Зажглась, друзья мои, война;
И развились знамена чести;
Трубой заветною она
Манит в поля кровавой мести!
Простите, шумные пиры,
Хвалы достойные напевы,
И вакха милые дары,
Святая Русь и красны девы!
Забуду я тебя, любовь,
Сует и юности отравы,
И полечу, свободный, вновь
Ловить венок небренной славы!
Русская мелодия*

1

В уме своем я создал мир иной
И образов иных существованье;
Я цепью их связал между собой,
Я дал им вид, но не дал им названья;
Вдруг зимних бурь раздался грозный вой, –
И рушилось неверное созданье!..

2

Так перед праздною толпой
И с балалайкою народной
Сидит в тени певец простой,
И бескорыстный и свободный!..

3

Он громкий звук внезапно раздает,

ние сочинений в шести томах. Том 1. Стихотворения 1828–1831. Михаил Юрьевич Лермонтов Termontovmika
и песен не было с тех пор!

Первая

И вот где он: там пир горой,
Толпа увеселений:
И прочь, как с крыльями, покой
Быстрей умчался тени.
Не знал безумец молодой,
Что деньги ведьмы-прах пустой!
Вторая и третья

Не знал, глупец, среди тех минут,
Что наши деньги в ад ведут!..
Первая

Но бедность скоро вновь бежит,
Друзья исчезли ложны;
Он прибегал, чтоб скрыть свой стыд,
К врагу людей, безбожный!
И на дороге уж большой
Творил убийство и разбой...
Я ныне близ реки иду,
Свободною минутой:
Там он сидел на берегу,
Терзаясь мукой лютой!..
Он говорил: «Мне жизнь пуста!
Вы отращений полны,
Блаженства, злата!.. вы мечта!..»
И забелели волны.

К Нине*

(Из Шиллера)

Ах! сокрылась в мрак ненастный
Счастья прошлого мечта!..
По одной звезде прекрасной
Млею, бедный сирота.
Но как блеск звезды моей,
Ложно счастье прежних дней.
Пусть, навек с златым мечтаньем.
Пусть тебе глаза закрыть,
Сохраню тебя страданьем:
Ты для сердца будешь жить.
Но увы! ты любишь свет:
И любви моей как нет!
Может ли любви страданье,
Нина! некогда пройти?
Бури света волнованье
Чувств горячих унести?
Иль умрет небесный жар,
Как земли ничтожный дар?...
К Н. Н. («Ты не хотел! но скоро волю рока...»)*
Ты не хотел! но скоро волю рока
Узнаешь ты и в бездну упадешь;
Проколет грудь раскаяния нож.
Предстану я без горького упрека,
Но ты тогда совсем мой взор поймешь;
Но он тебе как меч, как яд опасен;
Захочешь ты проступку вновь помочь;
Нет, поздно, друг, твой будет труд напрасен:
Обратно взор тебя отгонит прочь!..
Я оттолкну униженную руку,
Я вспомню дружбу нашу как во сне;
Никто со мной делить не будет скуку;
Таких друзей не надо больше мне;
Ты хладен был, когда я зрел несчастье
Или удар печальной клеветы;
Но придет час: и будешь в горе ты,
И не пробудится в душе моей участие!..
Эпиграммы*

1

Есть люди странные, которые с друзьями
□□□Обходятся как с сертуками:
Покуда нов сертук: в чести – а там
□□□Забыт и подарен слугам!..

2

Тот самый человек пустой,
кто весь наполнен сам собой.

3

□□□Поэтом (хоть и это бремя)
Из журналиста быть тебе не суждено;
ругать и льстить, и лгать в одно и то же время,
□□□Признаться, – очень мудрено!

4. Г-ну П...

Аминт твой на глупца походит,
когда за счастьем бежит;
А под конец так крепко спит,
что даже сон другим наводит.

5

стыдить лжеца, шутить над дураком
и спорить с женщиной, – всё то же,
□□□что черпать воду решетом:
от сих троих избавь нас, боже!..

6

Дамон, наш врач, о друге прослезился,
когда тот кончил жизнь; поныне он грустит;
(но не о том, что жизни друг лишился)
Пять раз забыл он взять билеты за визит!...
к Грузинову*

Скажу, любезный мой приятель,
ты для меня такой смешной,
ты муз прилежный обожатель,
им даже жертвуешь собой!..
напрасно, милый друг! коварных
к себе не приманишь никак;
ведь музы женщины – итак,
кто ж видел женщин благодарных?...
Наполеон*

□□□Где бьет волна о брег высокой,
где дикий памятник небрежно положен,
в сырой земле и в яме неглубокой –
там спит герой, друзья! – Наполеон!..
вещают так: и камень одинокой,
и дуб возвышенный, и волн прибрежных стон!..
но вот полночь свинцовый свой покров
по сводам неба распустила,

и влагу дремлющих валов
с могилой тихою Диана осребрила.
над ней сюда пришел мечтать
певец возвышенный, но юный;
воспоминания стараясь пробуждать,
он арфу взял, запел, ударил в струны...
«не ты ли, островок уединенный,
свидетелем был чистых дней
героя дивного? не здесь ли звук мечей
гремел, носился глас его священный?
нет! рок хотел отсюда удалить
и честолюбие, и кровь, и гул военный;
а твой удел благословенный:
принять изгнанника и прах его хранить!
«зачем он так за славою гонялся?
для чести счастье презирал?
с невинными народами сражался?
и скипетром стальным короны разбивал?
зачем шутил граждан спокойных кровью,
презрел и дружбой и любовью
и пред творцом не трепетал?...
«ему, погибельно войною принужденный,

Почти весь свет кричал: ура!
При визге бурного ядра
Уже он был готов-но... воин дерзновенный!..
Творец смешал неколебимый ум,
Ты побежден московскими стенами..
Бежал!.. и скрыл за дальними морями
Следы печальные твоих высоких дум.
. . .

«Огнем снедаем угрызений,
Ты здесь безвременно погас:
Покоен ты; и в тихий утра час,
Как над тобой порхнет зефир весенний,
Безвестный гость, дубравный соловей,
Порою издает томительные звуки,
В них слышны: слава прежних дней,
И голос нег, и голос муки!..
«Когда уже едва свет дневный отражен
Кристальною играющей волною
И гаснет день: усталую стопую
Идет рыбак берегов на тихий склон,
Несведущий, безмолвно попирает,
Таща изорванную сеть,
Ту землю, где твой прах забытый истлевает,
Не перестав простую песню петь...»
. . .

Вдруг!.. ветерок... луна за тучи забежала..
Умолк певец. Струится в жилах хлад;
Он тайным ужасом объят..
И струны лопнули... и тень ему предстала.
«Умолкни, о певец! – спешి отсюда прочь, –
□□□С хвалой иль язвою упрека:
Мне всё равно; в могиле вечно ночь.
Там нет ни почестей, ни счастья, ни рока!
Пускай историю страстей
И дел моих хранят далекие потомки:
Я презрю песнопенья громки;–
Я выше и похвал, и славы, и людей!..»
Пан*

(В древнем роде)
Люблю, друзья, когда за речкой гаснет день,
Укрывшись лесов в таинственную сень
Или под ветвями пустынных рябины,
Смотреть на синие, туманные равнины.
Тогда приходит Пан с толпою пастухов;
И пляшут вокруг меня на бархате лугов.
Но чаще бог овец ко мне в уединенье
Является, ведя святое вдохновенье:
Главу рогатую ласкает легкий хмель,
В одной руке его стакан, в другой свирель!
Он учит петь меня; и я в тиши дубравы
Играю и пою, не зная жажды славы.
Жалобы турка*

(Письмо. К другу, иностранцу)
Ты знал ли дикий край, под знойными лучами,
Где роши и луга поблекшие цветут?
Где хитрость и беспечность злобе дань несут?
Где сердце жителей волнуемо страстями?
□□□□□И где являются порой
Умы и хладные и твердые как камень?
Но мощь их давится безвременной тоской,
И рано гаснет в них добра спокойный пламень.
Там рано жизнь тяжка бывает для людей,
Там за утехами несется укоризна,
Там стонет человек от рабства и цепей!..
□□□□□Друг! этот край... моя отчизна!
* * *

P. S. Ах! если ты меня поймешь,
□□□□□Прости свободные намеки;

Пусть истину скрывает ложь:

Что ж делать? – Все мы человеки!..

К Н. Н. *** («Не играй моей тоской...»)*

Не играй моей тоской,

И холодной, и немой.

Для меня бывает время:

Как о прошлом вспомню я,

Сердце (бог тому судья)

Жмет неведомое бремя!..

* * *

Я хладею и горю,

Сам с собою говорю;

Внемлю смертному напеву;

Я гляжу на бег реки,

На удар моей руки,

На поверженную деву!

* * *

Я ищу в ее глазах,

В изменившихся чертах,

Искру муки, угрызенья;

Но напрасно! злобный рок

Начертать сего не мог,

Чтоб мое спокоеить мщенье!..

Черкешенка*

Я видел вас: холмы и нивы,

Разнообразных гор кусты,

Природы дикой красоты,

Степей глухих народ счастливый

И нравы тихой простоты!

Но там, где Терек протекает,

Черкешенку я увидел, –

Взор девы сердце приковал;

И мысль невольно улетает

Бродить средь милых, дальных скал...

Так дух раскаяния, звуки

Послышав райские, летит

Узреть еще небесный вид:

Так стон любви, страстей и муки

До гроба в памяти звучит.

Ответ*

Кто муки знал когда-нибудь,

И чьи к любви закрылись вежды,

Того от страха и надежды

Вторично не забьется грудь.

Он любит мрак уединенья,

Он больше незнаком с слезой,

Пред ним исчезли упоенья

Мечты бесплодной и пустой.

Он чувств лишен: так пень лесной,

Постигнут молнией, догорает,

Погас – и скрылся жизни сок,

Он мертвых ветвей не питает, –

На нем печать оставил рок.

Два сокола*

Степь синяя расстилалась

Близ Азовских берегов;

Запад гас, и ночь спускалась;

Вихрь скользил между холмов.

И, тряхнувшись, в поле диком

Серый сокол тихо сел;

И к нему с ответным криком

Брат стрелю прилетел.

«Братец, братец, что ты видел?

Расскажи мне поскорей».

– Ах! я свет возненавидел

И безжалостных людей.

«Что ж ты видел там худого?»

– Кучу каменных сердец:

Деве смех тоска милого,
Для детей тиран отец.
Девы мукой слез правдивых
Веселятся как игрой;
И у ног самолюбивых
Гибнут юноши толпой!..
Братец, братец! ты что ж видел?
Расскажи мне поскорей!
«Свет и я возненавидел
И изменчивых людей.
Ношею обманов скрытых
Юность там удручена;
Вспоминаний ядовитых
Старость мрачная полна.
Гордость, верь ты мне, прекрасной
Забывается порой;
Но измена девы страстной
Нож для сердца вековой!..»

Грузинская песня
ГРУЗИНСКАЯ ПЕСНЯ*

Жила грузинка молодая,
В гареме душном увядая;
□□□□□□Случилось раз:
□□□□□□Из черных глаз
Алмаз любви, печали сын,
□□□□□□Скатился;
Ах! ею старый армянин
□□□□□□Гордился!..
Вокруг нее кристалл, рубины;
Но как не плакать от кручины
□□□□□□У старика?
□□□□□□Его рука
Ласкает деву всякий день:
□□□□□□И что же?
Скрываются красы как тень.
□□□□□□О боже!..
Он опасается измены.
Его высоки, крепки стены;
□□□□□□Но всё любовь
□□□□□□Презрела. Вновь
Румянец на щеках живой
□□□□□□Явился.
И перл, между ресниц, порой,
□□□□□□Не бился...
Но армянин открыл коварность,
Измену и неблагодарность
□□□□□□Как перенести!
□□□□□□Досада, месть,
Впервые вас он только сам
□□□□□□Изведал! –
И труп преступницы волнам
□□□□□□Он предал.
Мой демон (1829)*
Собранье зол его стихия.
Носясь меж дымных облаков,
Он любит бури роковые
И пену рек, и шум дубров.
Меж листьев желтых, облетевших,
Стоит его недвижимый трон;
На нем, средь ветров онемевших,
Сидит уныл и мрачен он.
Он недоверчивость вселяет,
Он презрел чистую любовь,
Он все моленья отвергает,
Он равнодушно видит кровь,
И звук высоких ощущений
Он давит голосом страстей,
И муза кротких вдохновений

Страшится неземных очей.
Жена Севера*
Покрыта таинств легкой сеткой,
Меж скал полуночной страны,
Она являлася нередко
В года волшебной старины.
И Финна дикие сыны
Ей храмины сооружали,
Как грозной дочери богов;
И скальды северных лесов
Ей вдохновенье посвящали.
Кто зрел ее, тот умирал.
И слух в угрюмой полуночи
Бродил, что будто как металл
Язвили голубые очи.
И только скальды лишь могли
Смотреть на деву издали.
Они платили песнопеньем
За пламенный восторга час;
И пробужден немим виденьем
Был строен их невнятный глас!..
К другу («Взлелеянный на лоне вдохновенья...»)*
Взлелеянный на лоне вдохновенья,
С деятельной и пылкою душой,
Я не пленен небесной красотой;
Но я ищу земного упоенья.
Любовь пройдет, как тень пустого сна.
Не буду я счастливым близ прекрасной;
Но ты меня не спрашивай напрасно:
Ты, друг, узнать не должен, кто она.
Навек мы с ней разлучены судьбою,
Я победить жестокость не умел.
Но я ношу отказ и месть с собою;
Но я в любви моей закоренел.
Так вор седой загложив дубравы
Не кается еще в своих грехах;
Еще он путников, соседей страх,
И мил ему товарищ, нож кровавый!
Стремится медленно толпа людей,
До гроба самого от самой колыбели,
Игралищем и рока и страстей
К одной, святой, неизъяснимой цели.
И я к высокому, в порыве дум живых,
И я душой летел во дни былые;
Но мне милей страдания земные:
Я к ним привык и не оставлю их...
Элегия («О! Если б дни мои текли...»)*
□□□□□О! Если б дни мои текли
На лоне сладостном покоя и забвенья,
□□□□□Свободно от сует земли
□□□И далеко от светского волненья,
Когда бы, усмиря мое воображенье,
Мной игры младости любимы быть могли,
□□□Тогда б я был с весельем неразлучен,
□□□□□Тогда б я верно не искал
Ни наслаждения, ни славы, ни похвал.
□□□Но для меня весь мир и пуст и скучен,
Любовь невинная не льстит душе моей:
□□□Ищу измен и новых чувствований,
Которые живят хоть колкостью своей
Мне кровь, угасшую от грусти, от страданий,
□□□□□От преждевременных страстей!..
«Забывши волнения жизни мятежной...»*
Забывши волнения жизни мятежной,
Один жил в пустыне рыбак молодой.
Однажды на скале прибрежной,
□□□Над тихой прозрачной рекой,
□□□□□Он с удой беспечно

□□□□□□□□ Сидел

□□□□□□□□ И думой сердечной

□□□□□□□□ К протекшему счастьем летел.

К *** («Глядися чаще в зеркала...»)*

Глядися чаще в зеркала,

Любуйся милыми очами,

И света шумная хвала

С моими скромными стихами

Тебе покажутся ясней...

Когда же вздох самодовольный

Из груди вырвется невольно,

Когда в молодой душе своей

Самолюбивые волненья

Не будешь в силах утаить:

Мою любовь, мои мученья

Ты оправдаешь, может быть!..

В день рождения N. N.*

□□□□□□□□ Чего тебе, мой милый, пожелать?

□□□□□□□□ Учись быть счастливым на разные манеры

□□□□□□□□ И продолжай беспечно пировать

□□□□□□□□ Под сенью Марса и Венеры...

К *** («Мы снова встретились с тобой...»)*

Мы снова встретились с тобой...

Но как мы оба изменились!..

Года унылой чередой

От нас невидимо сокрылись.

Ищу в глазах твоих огня,

Ищу в душе своей волненья.

Ах! как тебя, так и меня

Убило жизни тяготенье!..

Монолог*

Поверь, ничтожество есть благо в здешнем свете.

К чему глубокие познания, жажда славы,

Талант и пылкая любовь свободы,

Когда мы их употребить не можем?

Мы, дети севера, как здешние растения,

Цветем недолго, быстро увядаем...

Как солнце зимнее на сером небосклоне,

Так пасмурна жизнь наша. Так недолго

Ее однообразное течение...

И душно кажется на родине,

И сердцу тяжело, и душа тоскует...

Не зная ни любви, ни дружбы сладкой,

Средь бурь пустых томится юность наша,

И быстро злобы яд ее мрачит,

И нам горька остылой жизни чаша;

И уж ничто души не веселит.

Встреча*

(Из Шиллера)

1

Она одна меж дев своих стояла,

Еще я зрю ее перед собой;

Как солнце вешнее, она блистала

И радостной и гордой красотой.

Душа моя невольно замирала;

Я издали смотрел на милый рой;

Но вдруг как бы летучие перуны

Мои персты ударились о струны.

2

Что я почувствовал в сей миг чудесный,

И что я пел, напрасно вновь пою.

Я звук нашел дотоле неизвестный,

Я мыслей чистую излил струю.

Душе от чувств высоких стало тесно,

И вмиг она расторгла цепь свою,

В ней вспыхнули забытые виденья

И страсти юные и вдохновенья.

Баллада («Над морем красавица-дева сидит...»)*

Над морем красавица-дева сидит;
И к другу ласкаясь, так говорит:
«Достань ожерелье, спустися на дно;
Сегодня в пучину упало оно!
Ты этим докажешь свою мне любовь!»
Вскипела лихая у юноши кровь,
И ум его обнял невольный недуг,
Он в пенную бездну кидается вдруг.
Из бездны перловые брызги летят,
И волны теснятся, и мчатся назад,
И снова приходят и о берег бьют,
Вот милого друга они принесут.
О счастье! он жив, он скалу ухватил,
В руке ожерелье, но мрачен как был.
Он верить боится усталым ногам,
И влажные кудри бегут по плечам..
«Скажи, не люблю иль люблю я тебя,
Для перлов прекрасной и жизнь не щадя,
По слову спустился на черное дно,
В коралловом гроте лежало оно.
Возьми!» – и печальный он взор устремил
На то, что дороже он жизни любил.
Ответ был: «О милый, о юноша мой!
Достань, если любишь, коралл дорогой».
С душой безнадёжной молодой удалец
Прыгнул, чтоб найти иль коралл иль конец.
Из бездны перловые брызги летят,
И волны теснятся и мчатся назад,
И снова приходят и о берег бьют,
Но милого друга они не несут.
Перчатка*

ПЕРЧАТКА (Из Шиллера)

Вельможи толпою стояли
И молча зрелища ждали;
Меж них сидел
Король величаво на троне;
Кругом на высоком балконе
Хор дам прекрасный блестел.
Вот царскому знаку внимают.
Скрыпучую дверь отворяют,
И лев выходит степной
Тяжелой стопой.
И молча вдруг
Глядит вокруг.
Зевая лениво,
Трясет желтой гривой
И, всех обозрев,
Ложится лев.
И царь махнул снова,
И тигр суровый
С диким прыжком
Взлетел опасный
И, встретясь с львом,
Завыл ужасно;
Он бьет хвостом,
Потом
Тихо владельца обходит,
Глаз кровавых не сводит..
Но раб пред владыкой своим
Тщетно ворчит и злится:
И невольно ложится
Он рядом с ним.
Сверху тогда упади
Перчатка с прекрасной руки
Судьбы случайной игрою
Между враждебной четюю.
И к рыцарю вдруг своему обратясь,
Кунигунда сказала, лукаво смеясь:

«Рыцарь, пытать я сердца люблю.
Если сильна так любовь у вас,
Как вы твердите мне каждый час,
То подымите перчатку мою!»
И рыцарь с балкона в минуту бежит,
И дерзко в круг он вступает,
На перчатку меж диких зверей он глядит
И смелой рукой подымает.

* * *

И зрители в робком вокруг ожиданье,
Трепеща, на юношу смотрят в молчанье.
Но вот он перчатку приносит назад.
Отвсюду хвала вылетает,
И нежный, пылающий взгляд –
Недальнего счастья заклад –
С рукой девицы героя встречает.
Но досады жестокой пылая в огне,
Перчатку в лицо он ей кинул:
«Благодарности вашей не надобно мне!»
И гордую тотчас покинул.

Дитя в люльке*

(Из Шиллера)

Счастлив ребенок! и в люльке просторно ему: но дай время
Сделаться мужем, и тесен покажется мир.

К * (Из Шиллера)*

Делись со мною тем, что знаешь,
И благодарен буду я.

Но ты мне душу предлагаешь:

На кой мне чорт душа твоя!..

Молитва («Не обвиняй меня всесильный...»)*

Не обвиняй меня, всесильный,

И не карай меня, молю,

За то, что мрак земли могильный

С ее страстями я люблю;

За то, что редко в душу входит

Живых речей твоих струя,

За то, что в заблужденьи бродит

Мой ум далеко от тебя;

За то, что лава вдохновенья

Клокочет на груди моей;

За то, что дикие волненья

Мрачат стекло моих очей;

За то, что мир земной мне тесен,

К тебе ж проникнуть я боюсь,

И часто звуком грешных песен

Я, боже, не тебе молюсь.

Но угаси сей чудный пламень,

Всесожигающий костер,

Преобрати мне сердце в камень,

Останови голодный взор;

От страшной жажды песнопенья

Пускай, творец, освобожусь,

Тогда на тесный путь спасенья

К тебе я снова обращаюсь.

1830

Кавказ*

Хотя я судьбой на заре моих дней,

О южные горы, отторгнут от вас,

Чтоб вечно их помнить, там надо быть раз.

Как сладкую песню отчизны моей,

□□□Люблю я Кавказ.

В младенческих летах я мать потерял.

Но мнилось, что в розовый вечера час

Та степь повторяла мне памятный глас.

За это люблю я вершины тех скал,

Люблю я Кавказ.

Я счастлив был с вами, ущелия гор;

Пять лет пронеслось: всё тоскую по вас.

Там видел я пару божественных глаз;
И сердце лепечет, вспомя тот взор:
Люблю я Кавказ!..
К *** («Не говори: одним высоким...»)*
Не говори: одним высоким
Я на земле воспламенен,
К нему лишь, с чувством я глубоким,
Бужу забытой лиры звон;
Поверь: великое земное
Различно с мыслями людей.
Сверши с успехом дело злое –
Велик; не удалось – злодей;
Среди дружин необозримых
Был чуть не бог Наполеон;
Разбитый же в снегах родимых
Безумцем порицаем он;
Внимая шум воды прибрежной,
В изгнании дальнем он погас –
И что ж? – Конеч его мятежный
Не отуманил наших глаз!..
Опасение*
Страшись любви: она пройдет,
Она мечтой твой ум встревожит,
Тоска по ней тебя убьет,
Ничто воскреснуть не поможет.
Краса, любимая тобой,
Тебе отдаст, положим, руку...
Года мелькнут... летун седой
Укажет вечную разлуку...
И беден, жалок будешь ты,
Глядящий с кресел иль подушки
На безобразные черты
Твоей докучливой старушки,
Коль мысли о былых летах
В твой ум закрадутся порою,
И вспомнишь, как на сих щеках
Играло жизнью молодою...
Без друга лучше дни влачить
И к смерти радостней клониться,
Чем два удара выносить
И сердцем о двоих крушиться!..
Стансы («Люблю, когда, борясь с душою...»)*
Люблю, когда, борясь с душою,
Краснеет девица моя:
Так перед вихрем и грозой
Красна вечерняя заря.
Люблю и вздох, что ночью лунной
В лесу из уст ее скользит:
Звук тихий арфы златострунной
Так с хладным ветром говорит.
Но слаще встретить средь моленья
Ее слезу очам моим:
Так, зря спасителя мученья,
Невинный плакал херувим.
Н. Ф. И***вой*
Любил с начала жизни я
Угрюмое уединенье,
Где укрывался весь в себя,
Бояся, грусть не утая,
Будить людское сожаленье;
Счастливы, мнил я, не поймут
Того, что сам не разберу я,
И черных дум не унесут
Ни радость дружеских минут,
Ни страстный пламень поцелуя.
Мои неясные мечты
Я выразить хотел стихами,
Чтобы, прочтя сии листы,

Меня бы примирила ты
С людьми и с буйными страстями;
Но взор спокойный, чистый твой
В меня вперился изумленный,
Ты покачала головой,
Сказав, что болен разум мой,
Желаньем вздорным ослепленный.
Я, веруя твоим словам,
Глубоко в сердце погрузился,
Однако же нашел я там,
Что ум мой не по пустякам
К чему-то тайному стремился,
К тому, чего даны в залог
С толпою звезд ночные своды,
К тому, что обещал нам бог
И что б уразуметь я мог
Через мышления и годы.
Но пылкий, но суровый нрав
Меня грызет от колыбели...
И в жизни зло лишь испытал,
Умру я, сердцем не познав
Печальных дум, печальной цели.
«Ты помнишь ли, как мы с тобою...»*
Ты помнишь ли, как мы с тобою
Прощались позднею порою?
Вечерний выстрел загредел,
И мы с волнением внимали...
Тогда лучи уж догорали,
И на море туман густел;
Удар с усилием промчался
И вдруг за бездною скончался.
Окончив труд дневных работ,
Я часто о тебе мечтаю,
Бродя вблизи пустынных вод,
Вечерним выстрелам внимаю.
И между тем, как чередой
Глушит волнами их седьми,
Я плачу, я томим тоской,
Я умереть желаю с ними...
Весна*
Когда весной разбитый лед
Рекой взволнованной идет,
Когда среди полей местами
Чернеет голая земля,
И мгла ложится облаками
На полуюные поля,
Мечтанье злое грусть лелеет
В душе неопытной моей.
Гляжу, природа молодеет,
Но молодеть лишь только ей;
Ланит спокойных пламень алый
С собою время уведет,
И тот, кто так страдал, бывало,
Любви к ней в сердце не найдет.
Ночь. I*
Я зрел во сне, что будто умер я;
Душа, не слыша на себе оков
Телесных, рассмотреть могла б яснее
Весь мир – но было ей не до того;
Боязненное чувство занимало
Ее; я мчался без дорог; пред мною
Не серое, не голубое небо
(И мнилось, не небо было то,
А тусклое, бездушное пространство)
Виднелось; и ничто вокруг меня
Различных теней кинуть не могло,
Которые по нем мелькали;
И два противных диких звуков,

Два отголоска целья природы,
Боролись – и ни один из них
Не мог назваться побежденным. Страх
Припомнить жизни гнусные деянья,
Иль о добре свершенном возгордиться,
Мешал мне мыслить; и летел, летел я
далеко без желанья и цели –
И встретился мне светозарный ангел;
И так, сверкнувши взором, мне сказал:
«Сын праха – ты грешил – и наказание
должно тебя постигнуть как других;
Спустишь на землю – где твой труп
зарыт; ступай и там живи, и жди,
Пока придет спаситель – и молись...
Молись – страдай... и выстрадай прощенье...»
И снова я увидел край земной;
Досадой вид его меня наполнил,
И боль душевных ран, на краткий миг
лишь заглушенная боязнью, с новой силой,
Огнем отчаянья возобновилась;
И (странно мне), когда увидел ту,
которую любил так сильно прежде,
я чувствовал один холодный трепет
досады горькой – и толпа друзей
ликующих меня не удержала,
С презрением на кубки я взглянул,
Где грех с вином кипел – воспоминанье
в меня впилось когтями, – я вздохнул,
Так глубоко, как только может мертвый –
и полетел к своей могиле. Ах!
Как беден тот, кто видит наконец
свое ничтожество, и в чьих глазах
всё, для чего трудился долго он –
на воздух разлетелось...
И я сошел в темницу, узкий гроб,
где гнил мой труп – и там остался я;
здесь кость была уже видна – здесь мясо
кусками синее висело – жилы там
я примечал с засохшею в них кровью...
С отчаяньем сидел я и взирал,
как быстро насекомые роились
и поедали жадно свою пищу;
червяк то выползал из впадин глаз,
то вновь скрывался в безобразный череп,
и каждое его движенье
меня терзало судорожной болью.
я должен был смотреть на гибель друга,
так долго жившего с моей душой,
последнего, единственного друга,
делившего ее земные муки –
и я помочь ему желал – но тщетно –
уничтоженья быстрые следы
текли по нем-и черви умножались;
они дрались за пищу остальную
и смрадную сырую кожу грызли,
остались кости-и они исчезли;
в гробу был прах... и больше ничего...
одною полон мрачною заботой,
я припадал на бранные останки,
стараясь их дыханием согреть...
о сколько б я тогда отдал земных
блаженств, чтоб хоть одну – одну минуту
почувствовать в них теплоту. – Напрасно,
они остались хладны-хладны-как презренья!..
тогда я бросил дикие проклятья
на моего отца и мать, на всех людей, –
и мне блеснула мысль: – (творенье ада)
что если время совершит свой круг

И погрузится в вечность невозвратно,
И ничего меня не успокоит,
И не придут сюда простить меня?...
– И я хотел изречь хулы на небо –
Хотел сказать:...

Но голос замер мой – и я проснулся.
Разлука*

Я виноват перед тобою,
Цены услуг твоих не знал.
Слезами горькими, тоскою
Я о прощеньи умолял,
Готов был, ставши на колени,
Проступком называть мечты:
Мои мучительные пени
Бессмысленно отвергнул ты.
Зачем так рано, так ужасно
Я должен был узнать людей,
И счастьем жертвовать напрасно
Холодной гордости твоей?...
Свершилось! вечную разлуку
Трепеща вижу пред собой...
Ледяную встречаю руку
Моей пылающей рукой.
Желаю, чтоб воспоминанье
В чужих людях, в чужой стране,
Не принесло тебе страданье
При сожаленьи обо мне...

Ночь. II*

Погаснул день! – и тьма ночная своды
Небесные как саваном покрыла.
Кой-где во тьме вертелись и мелькали
Светящиеся точки,
И между них земля вертелась наша;
На ней, спокойствием объята тихим,
Уснуло всё – и я один лишь не спал.
Один я не спал... страшным полусветом,
Меж радостью и горестью серединой,
Мое теснилось сердце – и желал я
Веселие или печаль умножить
Воспоминаньем о убитой жизни:
Последнее, однако, было легче!..
Вот с запада Скелет неизмеримый
По мрачным водам начал подниматься
И звезды заслонил собою...
И целые миры пред ним уничтожались,
И всё трещало под его шагами, –
Ничтожество за ними оставалось!
И вот приблизился к земному шару
Гигант всеильный – всё на ней уснуло,
Ничто встревожиться не мыслило – единый,
Единый смертный видел, что не дай бог
Созданию живому видеть...
И вот он поднял костяные руки –
И в каждой он держал по человеку,
Дрожащему – и мне они знакомы были –
И кинул взор на них я – и заплакал!..
И странный голос вдруг раздался: «Малодушный!
Сын праха и забвения, не ты ли,
Изнемогая в муках нестерпимых,
Ко мне взывал – я здесь: я смерть!..
Мое владычество безбрежно!..
Вот двое. – Ты их знаешь – ты любил их...
Один из них погибнет. – Позволяю
Определить неизбежимый жребий...
И ты умрешь, и в вечности погибнешь –
И их нигде, нигде вторично не увидишь –
Знай, как исчезнет время, так и люди,
Его рожденье – только бог лишь вечен...

– Решись, несчастный!..»

Тут невольный трепет

По мне мгновенно начал разливаться,

И зубы, крепко застучав, мешали

Словам жестоким вырваться из груди;

И наконец, преодолев свой ужас,

К скелету я воскликнул: «Оба! оба!..

Я верю: нет свиданья–нет разлуки!..

Они довольно жили, чтобы вечно

Продлилось их наказание. –

Ах! – и меня возьми, земного червя –

И землю раздробь, гнездо разврата,

Безумства и печали!..

Всё, всё берет она у нас обманом

И не дарит нам ничего – кроме рожденья!..

Проклятье этому подарку!..

Мы без него тебя бы не знали,

Поэтому и тщетной, бедной жизни,

Где нет надежд – и всюду опасенья. –

Да гибнут же друзья мои, да гибнут!..

– лишь об одном я буду плакать:

Зачем они не дети!..»

И видел я, как руки костяные

Моих друзей сдавили – их не стало –

Не стало даже призраков и теней..

Туманом облачился образ смерти,

И – так пошел на север. Долго, долго,

Ломая руки и глотая слезы,

Я на творца роптал, страшась молиться!..

«В старинны годы жили–были...»*

В старинны годы жили–были

□□□Два рыцаря друзья;

Не раз они в Сион ходили,

□□□Желанием горя,

С огромной ратью, с королями

□□□Его освободить

И крест священный знаменами

□□□Своими осенить..

Had we never loved so kindly[1]*

Если б мы не дети были,

Если б слепо не любили,

Не встречались, не прощались,

Мы с страданьем бы не знались.

Незабудка*

(Сказка)

В старинны годы люди были

Совсем не то, что в наши дни;

(Коль в мире есть любовь) любили

Чистосердечнее они.

О древней верности, конечно,

Слыхали как–нибудь и вы,

Но как сказания молвы

Всё дело перепортят вечно,

То я вам точный образец

Хочу представить наконец.

У влаги ручейка холодной,

Под тенью липовых ветвей,

Не опасаясь злых очей,

Однажды рыцарь благородный

Сидел с любезною своею..

Тихонько ручкой молодой

Она красавца обняла.

Полна невинной простотою

Беседа мирная текла.

«Друг: не клянися мне напрасно,

Сказала дева: верю я,

Ясна, чиста любовь твоя,

Как эта звонкая струя,

Как этот свод над нами ясный;
Но как она в тебе сильна,
Еще не знаю. – Посмотри-ка,
Там рдеет пышная гвоздика,
Но нет: гвоздика не нужна;
Подалее, как ты унылый,
Чуть виден голубой цветок...
Сорви же мне его, мой милый:
Он для любви не так далек!»
Вскочил мой рыцарь, восхищенный
Ее душевной простотой;
Через ручей прыгнув, стрелой
Летит он цветик драгоценный
Сорвать поспешною рукой...
Уж близко цель его стремленья,
Как вдруг под ним (ужасный вид)
Земля неверная дрожит,
Он вязнет, нет ему спасенья!..
Взор кинув полный весь огня
Своей красавице безгласной,
«Прости, не позабудь меня!»
Воскликнул юноша несчастный;
И мигом пагубный цветок
Схватил рукою безнадежной;
И сердца пылкого в залог
Его он кинул девице нежной.
Цветок печальный с этих пор
Любови дорог; сердце бьется,
Когда его приметит взор.
Он незабудкою зовется;
В местах сырых, вблизи болот,
Как бы страшась прикосновенья,
Он ищет там уединенья;
И цветом неба он цветет,
Где смерти нет и нет забвенья...
Вот повести конец моей;
Судите: был иль небылица.
А виновата ли девица –
Сказала, верно, совесть ей!
Совет*
Если, друг, тебе сгрустнется,
Ты не дуйся, не сердись:
Всё с годами пронесется –
Улыбнись и разгрустись.
Дев измены молодые
И неверный путь честей
И мгновенья скуки злые
Стоят ли тоски твоей?
Не ищи страстей тяжелых;
И покуда бог дает,
Нектар пей часов веселых;
А печаль сама придет.
И, людей не презирая,
Не берись учить других;
Лучшим быть не воображая,
Скоро ты полюбишь их.
Сердце глупое творенье,
Но и с сердцем можно жить,
И безумное волненье
Можно также укротить...
Беден! кто, судьбы в ненастье
Все надежды испытал,
Наконец находит счастье,
Чувство счастья потеряв.
Одиночество*
Как страшно жизни сей оковы
Нам в одиночестве влачить.
Делить веселье–все готовы –

Никто не хочет грусть делить.
Один я здесь, как царь воздушный,
Страдания в сердце стеснены,
И вижу, как, судьбе послушно,
Года уходят будто сны;
И вновь приходят, с позлащенной,
Но той же старую мечтой,
И вижу гроб уединенный,
Он ждет; что ж медлить над землей?
Никто о том не покрушится,
И будут (я уверен в том)
О смерти больше веселиться,
Чем о рождении моем...
В альбом («Нет! – я не требую вниманья...»)*

1

Нет! – я не требую вниманья
На грустный бред души моей,
Не открывать свои желанья
Привыкнул я с давнишних дней.
Пишу, пишу рукой небрежной,
Чтоб здесь чрез много скучных лет
От жизни краткой, но мятежной
Какой-нибудь остался след.

2

Быть может, некогда случится,
Что, все страницы пробежав,
На эту взор ваш устремится,
И вы промолвите: он прав;
Быть может, долго стих унылый
Тот взгляд удержит над собой,
Как близ дороги столбовой
Пришельца – памятник могилы!..
Гроза*
Ревет гроза, дымятся тучи
Над темной бездною морской,
И хлещут пеною кипучей
Толпяся волны меж собой.
Вкруг скал огнистой лентой вьется
Печальной молнии змея,
Стихий тревожный рой мятется –
И здесь стою недвижим я.
Стою – ужель тому ужасно
Стремленье всех надземных сил,
Кто в жизни чувствовал напрасно
И жизнь обманут был?
Вокруг кого, сей яд сердечный,
Вились сужденья клеветы,
Как вкруг скалы остроконечной,
Губитель-пламень, вьешься ты?
О нет! – летай, огонь воздушный,
Свистите, ветры, над главою;
Я здесь, холодный, равнодушный,
И трепет не знаком со мной.

«Гроза шумит в морях с конца в конец...»*

Гроза шумит в морях с конца в конец.
Корабль летит по воле бурных вод,
Один на нем спокоен лишь пловец,
Чело печать глубоких дум несет,
Угасший взор на тучи устремлен –
Не ведают, ни кто, ни что здесь он!..
Конечно, он живал между людей
И знает жизнь от сердца своего;
Крик ужаса, моленья, скрип снастей
Не трогают молчания его.
Звезда («Светись, светись, далекая звезда...»)*
Светись, светись, далекая звезда,
Чтоб я в ночи встречал тебя всегда;
Твой слабый луч, сражаясь с темнотою,

Несет мечты душе моей большой;
Она к тебе летает высоко;
И груди сей свободно и легко...
Я видел взгляд, исполненный огня
(Уж он давно закрылся для меня),
Но как к тебе к нему еще лечу;
И хоть нельзя, – смотреть его хочу...
Еврейская мелодия («Я видал иногда, как ночная звезда...»)*

Я видал иногда, как ночная звезда
□□□В зеркальном заливе блеснит;
Как трепещет в струях, и серебряный прах
□□□От нее рассыпаясь бежит.
Но поймать ты не льстись и ловить не берись:
□□□Обманчивы луч и волна.

Мрак тени твоей только ляжет на ней –
□□□Отойди ж – и заблещет она.
Светлой радости так беспокойный призрак
□□□Нас манит под хладною мглой;
Ты схватить – он шутя убежит от тебя!
□□□Ты обманут – он вновь пред тобой.

Вечер после дождя*
Гляжу в окно: уж гаснет небосклон,
Прощальный луч на высоте колонн,
На куполах, на трубах и крестах
Блеснит, горит в обманутых очах;
И мрачных туч огнистые края
Рисуются на небе как змея,
И ветерок, по саду пробежав,
Волнует стебли омоченных трав...
Один меж них приметил я цветок,
Как будто перл, покинувший восток,
На нем вода блистаючи дрожит,
Главу свою склонивши, он стоит,
Как девушка в печали роковой:
Душа убита, радость над душой;
Хоть слезы льет из пламенных очей,
Но помнит всё о красоте своей.

Наполеон*

(Дума)
В неверный час, меж днем и темнотою,
Когда туман синеет над водой,
В час грешных дум, видений, тайн и дел,
Которых луч узреть бы не хотел,
А тьма укрыть, чья тень, чей образ там,
На берегу, склонивши взор к волнам,
Стоит вблизи нагбенного креста?
Он не живой. Но также не мечта:
Сей острый взгляд с возвышенным челом
И две руки, сложенные крестом.

* * *

Пред ним лепечут волны и бегут
И вновь приходят и о скалы бьют;
Как легкие ветрилы, облака
Над морем носятся издалека.
И вот глядит неведомая тень
На тот восток, где новый брезжит день:
Там Франция – там край ее родной
И славы след, быть может скрытый мглой;
Там, средь войны, ее неслись дни...
О! для чего так кончились они!..

* * *

Прости, о слава! обманувший друг.
Опасный ты, но чудный, мощный звук;
И скиптр... о вас забыл Наполеон;
Хотя давно умерший, любит он
Сей малый остров, брошенный в морях,
Где сгнил его и червем съеден прах,
Где он страдал, покинут от друзей,

Презрев судьбу с гордыней прежних дней,
Где стаивал он на берегу морском,
Как ныне грустен, руки сжав крестом.

* * *

О! как в лице его еще видны
Следы забот и внутренней войны,
И быстрый взор, дивящий слабый ум,
Хоть чужд страстей, всё полон прежних дум;
Сей взор как трепет в сердце проникал,
И тайные желанья узнавал,
Он тот же всё; и той же шляпой он,
Сопутницею жизни, осенен.
Но – посмотри – уж день блеснул в струях...
Призрака нет, всё пусто на скалах.

* * *

Нередко внемлет житель сих берегов
Чудесные рассказы рыбаков.
Когда гроза бунтует и шумит,
И блещет молния, и гром гремит,
Мгновенный луч нередко озарял
Печальную тень, стоящую меж скал.
Один пловец, как не был страх велик –
Мог различить недвижный смуглый лик,
Под шляпою, с нахмуренным челом,
И две руки, сложенные крестом.

Эпитафия Наполеона*

□□□Да, тень твою никто не порицает,
Муж рока! ты с людьми, что над тобою рок;
Кто знал тебя возвесть, лишь тот низвергнуть мог:

□□□Великое ж ничто не изменяет.

К глупой красавице*

Тобой пленяться издали
Мое всё зрение готово,
Но слышать, боже сохрани,
Мне от тебя одно хоть слово.
Иль смех, иль страх в душе моей
Заменит сладкое мечтанье,
И глупый смысл твоих речей
Оледенит очарованье...
Так смерть красна издалика;
Пускай она летит стрелою.
За ней я следую пока;
Лишь только б не она за мною...
За ней я всюду полечу
И наслажуся в созерцанье.
Но сам привлечь ее вниманье
Ни за полмира не хочу.

Очи N. N.*

Нет смерти здесь; и сердце вторит нет;
Для смерти слишком весел этот свет.
И не твоим глазам творец судил
Гореть, играть для тленья и могил...
Хоть всё возьмет могильная доска,
Их пожалеет смерти злой рука;
Их луч с небес, и, как в родных краях,
Они блеснут звездами в небесах!

Кавказу*

Кавказ! далекая страна!
Жилище вольности простой!
И ты несчастьями полна
И окровавлена войной!..
Ужель пещеры и скалы
Под дикой пеленою мглы
Услышат также крик страстей,
Звон славы, злата и цепей?...
Нет! прошлых лет не ожидай,
Черкес, в отечество свое:
Свободе прежде милый край

Приметно гибнет для нее.

Утро на Кавказе*

Светает – вьется дикой пеленой
Вокруг лесистых гор туман ночной;
Еще у ног Кавказа тишина;
Молчит табун, река журчит одна.
Вот на скале новорожденный луч
Зарделся вдруг, прорезавшись меж туч,
И розовый по речке и шатрам
Разлился блеск и светит там и там:
Так девушки купаясь в тени,
Когда увидят юношу они,
Краснеют все, к земле склоняют взор:
Но как бежать, коль близок милый вор!..
«Прости, мой друг!.. как призрак я лечу...»*
Прости, мой друг!.. как призрак я лечу
В далекий край: печали я ищу;
Хочу грустить, но лишь не пред тобой.
Ты можешь жить, не слыша голос мой;
Из всех блаженств, отнятых у меня,
Осталось мне одно: видать тебя,
Тот взор, что небо жалостью зажгло.
Всё кончено! – ни бледное чело,
Ни пасмурный и недовольный взгляд
Ничем, ничем не омрачат!..
Меня забыть прекрасной нет труда, –
И я тебя забуду навсегда;
Я мучусь, если мысль ко мне придет,
Что и тебя несчастье убьет,
Что некогда с ланит и с уст мечта
Как дым слетит, завянет красота,
Забьется сердце медленней, свинец
Тоски на нем-и что всему конец!..
Однако ж я желал бы увидеть
Твой хладный труп, чтобы себе сказать:
«Чего еще! желанья отняты,
Бедняк-теперь совсем, совсем оставлен ты!»
Челнок («Воет ветер и свистит пред недалёкой грозой...»)*
Воет ветер и свистит пред недалёкой грозой;
□□□По морю, на темный восток,
Озаряемый молнией, кидаем волной,
□□□Несется неверный челнок.
Два гребца в нем сидят с беспокойным челом
И что-то у ног их под белым холстом.
* * *

И вихорь сильней по волнам пробежал,
□□□И сорван летучий покров.
Под ним человек неподвижно лежал
□□□И бледный, как жертва гробов;
Взор мрачен и дик, как сражения дым,
Как тучи на небе иль волны под ним.
* * *

В чалме он богатой, с обритой главой,
□□□И цепь на руках и ногах,
И рана близ сердца, и ток кровяной
□□□Не держит опасности страх;
Он смерть равнодушнее спутников ждет,
Хотя его прежде она уведет.
* * *

Так с смертью вечно: чем ближе она,
□□□Тем менее жалко нам свет;
Две могилы не так нам страшны, как одна,
□□□Потому что надежды здесь нет.
И если б не ждал я счастливого дня,
□□□давно не дышала бы грудь у меня!..
Отрывок («На жизнь надеяться страшась...»)*
На жизнь надеяться страшась,
Живу, как камень меж камней,

Излить страдания скупясь:
Пускай сгниют в груди моей.
Рассказ моих сердечных мук
Не возмутит ушей людских.
Ужель при шибке камней звук
Проникнет в середину их?

* * *

Хранится пламень неземной
Со дней младенчества во мне.
Но ведено ему судьбой,
Как жил, погибнуть в тишине.
Я твердо ждал его плодов,
С собой беседовать любя.
Утихнет звук сердечных слов:
Один, один останусь я.

* * *

Для тайных дум я пренебрег
И путь любви и славы путь,
Всё, чем хоть мало в свете мог
Иль отличиться, иль блеснуть;
Беднейший среди существ земных,
Останусь я в кругу людей,
Навек лишась достоинств их
И добродетели своей!

* * *

Две жизни в нас до гроба есть,
Есть грозный дух: он чужд уму;
Любовь, надежда, скорбь и месть:
Всё, всё подвержено ему.
Он основал жилище там,
Где можем память сохранять,
И предвещает гибель нам,
Когда уж поздно избегать.

* * *

Терзать и мучить любит он;
В его речах нередко ложь;
Он точит жизнь как скорпион.
Ему поверил я – и что ж!
Взгляните на мое чело,
Всмотритесь в очи, в бледный цвет;
Лицо мое вам не могло
Сказать, что мне пятнадцать лет.

* * *

И скоро старость приведет
Меня к могиле – я взгляну
На жизнь – на весь ничтожный плод –
И о прошедшем вспомню:
Придет сей верный друг могил,
С своей холодной красотой:
Об чем страдал, что я любил,
Тогда лишь будет мне мечтой.

* * *

Ужель единый гроб для всех
Уничтожением грозит?
Как знать: тогда, быть может, смех
Полмертвого воспламенит!
Придет веселость, звук чужой
Поныне в словаре моем:
И я об юности златой
Не погорю пред концом.

* * *

Теперь я вижу: пышный свет
Не для людей был сотворен.
Мы сгинем, наш сотрется след,
Таков наш рок. таков закон;
Наш дух вселенной вихрь умчит
К безбрежным, мрачным сторонам.
Наш прах лишь землю умягчит

Другим, чистейшим существам.

* * *

Не будут проклинять они;
Меж них ни злата, ни честей
Не будет. – Станут течь их дни,
Невинные, как дни детей;
Меж них ни дружбу, ни любовь
Приличья цепи не сожмут,
И братьев праведную кровь
Они со смехом не прольют!..

* * *

К ним станут (как всегда могли)
Слетаться ангелы. – А мы
Увидим этот рай земли
Окованы над бездной тьмы.
Укоры зависти, тоска
И вечность с целию одной:
Вот казнь за целые века
Злодейств, кипевших под луной.
«Оставленная пустынь предо мной...»

1

Оставленная пұстынь предо мной*
Белеется вечернею порой.
Последний луч на ней еще горит;
Но колокол растреснувший молчит.
Его (бывало) заунывный глас
Звал братий к всенощне в сей мирный час!
Зеленый мох, растущий над окном,
Заржавленные ставни – и кругом
Высокая полынь, – всё, всё без слов
Нам говорит о таинствах гробов
. . .

Таков старик, под грузом тяжких лет
Еще хранящий жизни первый цвет;
Хотя он свеж, на нем печать могил
Тех юношей, которых пережил.

2

Пред мной готическое зданье
Стоит как тень былых годов;
При нем теснится чувствованье
К нам в грудь того, чему нет слов,
Что выше теплого участия,
Святей любви, спокойней счастья.
Быть может, через много лет
Сия священная обитель
Оставит только мрачный след.
И любопытный посетитель
В развалинах людей искать
Напрасно станет, чтоб узнать,
Где образ божеской могилы
Между златых колонн стоял,
Где теплились паникадилы,
Где лик отшельников звучал
И где пред богом изливали
Свои грехи, свои печали.
И там (как знать) найдет прошлец
Пергамент пыльный. Он увидит,
Как сердце любит по конец
И бесконечно ненавидит,
Как ни вериги, ни кlobук
Не облегчают наших мук.
Он тех людей узрит гробницы,
Их эпитафии пройдет,
Времен тогдашних небылицы
За речи истинны почтет,
Не мысля, что в сем месте сгнили
Сердца, которые любили!..
К... («Простите мне, что я решился к вам...»)*

«Простите мне, что я решился к вам
Писать. Перо в руке – могила
Передо мной. – Но что ж? всё пусто там.
Всё прах, что некогда она манила
К себе. – Вокруг меня толпа родных,
Слезами жалости покрыты лица.
И я пишу – пишу – но не для них.
Любви моей не холодит гробница.
Любви – но вы не знали мук моих.
Я чувствую, что это труд ничтожный:
Не усладит последних он минут.
Но так и быть – пишу – пока возможно –
Сей труд души моей любимый труд!
Прими письмо мое. – Твой взор увидит,
Что я не мог стеснить души своей
К молчанью–так ужасна власть страстей!
Тебя письмо страдальца не обидит...
Я в жизни – много – много испытал,
Ошибся в дружбе – о! храни моих мучений
Слова – прости – и больше нет волнений,
Прости, мой друг» – и подписал:
«Евгений».

Ночь. III*

Темно. Всё спит. Лишь только жук ночной
Жужжа в долине пролетит порой;
Из-под травы блистает червячок,
От наших дум, от наших бурь далек.
Высоких лип стал пасмурней навес,
Когда луна взошла среди небес...
Нет, в первый раз прелестна так она!
Он здесь. Стоит. Как мрамор, у окна.
Тень от него чернеет по стене.
Недвижный взор поднят, но не к луне;
Он полон всем, чем только яд страстей
Ужасен был и мил сердцам людей.
Свеча горит, забыта на столе,
И блеск ее с лучом луны в стекле
Мешается, играет, как любви
Огонь живой с презрением в крови!
Кто ж он? кто ж он, сей нарушитель сна?
Чем эта грудь мятежная полна?
О если б вы умели угадать
В его очах, что хочет он скрывать!
О если б мог единый бедный друг
Хотя смягчить души его недуг!

Farewell [2]*

(Из Байрона)

Прости! коль могут к небесам
Взлетать молитвы о других,
Моя молитва будет там,
И даже улетит за них!
Что пользы плакать и вздыхать,
Слеза кровавая порой
Не может более сказать,
Чем звук прощанья роковой!..
Нет слез в очах, уста молчат,
От тайных дум томится грудь,
И эти думы вечный яд, –
Им не пройти, им не уснуть!
Не мне о счастья бредить вновь, –
Лишь знаю я (и мог снести),
Что тщетно в нас жила любовь, –
Лишь чувствую – прости! – прости!
Элегия («Дробись, дробись, волна ночная...»)*

Дробись, дробись, волна ночная,
И пеной орошай берега в туманной мгле.

Я здесь, стою близ моря на скале,

Стою, задумчивость питаю.

Один; покинув свет и чуждый для людей
И никому тоски поверить не желая.
□□□Вблизи меня палатки рыбаей;
□□□Меж них блестит огонь гостеприимный;
Семья беспечная сидит вокруг огонька;
□□□□□□И, внемля повесть старика,
□□□□□□Себе готовит ужин дымный!
□□□Но я далек от счастья их душой,
□□□Я помню блеск обманчивой столицы,
Веселий пагубных невозвратимый рой.
□□□□□□И что ж? – слеза бежит с ресницы,
И сожаление мою тревожит грудь,
Года погибшие являются всечасно;
□□□И этот взор, задумчивый и ясный –
□□□□□□Твержу, твержу душе: забудь.
Он всё передо мной: я всё твержу напрасно!..
□□□О если б я в сем месте был рожден,
□□□Где не живет среди людей коварность:
Как много бы я был судьбою одолжен –
□□□Теперь у ней нет прав на благодарность!
□□□Как жалок тот, чья младость принесла
Морщину лишнюю для старого чела.
□□□□□□И отобрав все милые желанья,
Одно печальное раскаянье дала;
Кто чувствовал как я – чтоб чувствовать страданья.
Кто рано свет узнал – и с страшной пустотой
Как я оставил брег земли своей родной
□□□□□□Для добровольного изгнанья!
Эпитафия («Простосердечный свободы...»)*
Простосердечный сын свободы,
Для чувств он жизни не щадил;
И верные черты природы
Он часто списывать любил.
Он верил темным предсказаньям,
И талисманам, и любви,
И неестественным желаньям
Он отдал в жертву дни свои.
И в нем душа запас хранила
Блаженства, муки и страстей.
Он умер. Здесь его могила.
Он не был создан для людей.
Sentenz[3]*
Когда бы мог весь свет узнать,
Что жизнь с надеждами, мечтами
Не что иное – как тетрадь
С давно известными стихами.
Гроб Оссиана*
Под занавесою тумана,
Под небом бурь, среди степей,
Стоит могила Оссиана
В горах Шотландии моей.
Летит к ней дух мой усыпленный
Родимым ветром подышать
И от могилы сей забвенной
Вторично жизнь свою занять!..
Посвящение («Прими, прими мой грустный труд...»)*
Прими, прими мой грустный труд
И, если можешь, плачь над ним;
Я много плакал – не придут
Вновь эти слезы – вечно им
Не освежать моих очей.
Когда катились они,
Я думал, думал всё об ней.
Жалел и ждал другие дни!
Уж нет ее, и слез уж нет –
И нет надежд – передо мной
Блестит надменный, глупый свет
С своей красивой пустотой!

Ужель я для него писал?
Ужели важному шуту
Я вдохновенье посвящал,
Являя сердца полноту?
Ценить он только злато мог
И гордых дум не постигал;
Мой гений сплел себе венок
В ущелинах кавказских скал.
Одним высоким увлечен
Он только жертвует любви:
Принести тебе лишь может он
Любимые труды свои.
Кладбище*
Вчера до самой ночи просидел
Я на кладбище, всё смотрел, смотрел
Вокруг себя; – полстертые слова
Я разбирал. Невольно голова
Наполнилась мечтами; – вновь очей
Я не был в силах оторвать с камней.
Один ушел уж в землю, и на нем
Всё стерлося; там крест к кресту челом
Нагнулся, будто любит, будто сон
Земных страстей узнал в сем месте он...
Вкруг тихо, сладко всё, как мысль о ней;
Краснеючи волнуется пырей
На солнце вечера. Над головой
Жужжа со днем прощаются игрой
Толпящиеся мошки, как народ
Сущств с душой, уставших от работ!..
Стократ велик, кто создал мир! велик!..
Сих мелких тварей надмогильный крик
Творца не больше ль славит иногда,
Чем в пепел обращенные стада?
Чем человек, сей царь над общим злом,
С коварным сердцем, с ложным языком?...
Посвящение («Тебе я некогда вверял...»)*
Тебе я некогда вверял
Души взволнованной мечты;
Я беден был – ты это знал –
И бедняка не кинул ты.
Ты примирил меня с судьбой,
С мятежной властью страстей;
Тобой, единственно тобой,
Я стал, чем был с давнишних дней.
И муза по моей мольбе
Сошла опять с святой горы. –
Но верь, принадлежат тебе
Ее венок, ее дары!..
Моя мольба*
Да охранюся я от мушек,
От дев, не знающих любви,
От дружбы слишком нежной и –
От романтических старушек.
К Сушковой*
Вблизи тебя до этих пор
Я не слышал в груди огня.
Встречал ли твой прелестный взор –
Не билось сердце у меня.
И что ж? – разлуки первый звук
Меня заставил трепетать;
Нет, нет, он не предвестник мук;
Я не люблю–зачем скрывать!
Однако же хоть день, хоть час
Еще желал бы здесь пробывать,
Чтоб блеском этих чудных глаз
Души тревоги усмирить.
Гость («Как прошлец иноплеменный...»)*
Как прошлец иноплеменный

В облаках луна скользит.
Колокольчик отдаленный
То замолкнет, то звенит.
«Что за гость в ночи морозной?»
Мужу говорит жена,
Сидя рядом, в вечер поздний
Возле тусклого окна...
Вот кибитка подъезжает...
На высокое крыльцо
Из кибитки вылезает
Незнакомое лицо.
И слуга вошел с свечою,
Бедный вслед за ним монах:
Ныне позднею порою
Заплутался он в лесах.
И ему ночлег дается –
Что ж стоишь, отшельник, ты?
Свечки луч печально льется
На печальные черты.
Чудным взор огнем светился,
Он хозяйку вдруг узнал,
Он дрожит – и вот забылся
И к ногам ее упал.
Муж ушел тогда. О! прежде
Жил чернец лишь для нее,
Обманулся он в надежде,
Погубил он с нею всё.
Но промчалось исступленье;
Путник в комнате своей,
Чтоб рыданья и мученье
Схоронить от глаз людей.
Но рыдания звучали
Вплоть до белая зари,
Наконец и замолчали.
Поутру к нему вошли:
На полу он посинелый
Как замученный лежал;
И бесчувственное тело
Плащ печальный покрывал!..
1820. Маия. 16 число*
Боюсь не смерти я. О нет!
Боюсь исчезнуть совершенно.
Хочу, чтоб труд мой вдохновенный
Когда-нибудь увидел свет;
Хочу-и снова затрудненье!
Зачем? что пользы будет мне?
Мое свершится разрушенье
В чужой, неведомой стране.
Я не хочу бродить меж вами
По разрушении! – Творец,
На то ли я звучал струнами,
На то ли создан был певец?
На то ли вдохновенье, страсти
Меня к могиле привели?
И нет в душе довольно власти –
Люблю мучения земли.
И этот образ, он за мною
В могилу силится бежать,
Туда, где обещал мне дать
Ты место к вечному покою.
Но чувствую: покоя нет:
И там, и там его не будет;
Тех длинных, тех жестоких лет
Страдалец вечно не забудет!..
К *** («Не думай, чтоб я был достоин сожаленья...»)*
Не думай, чтоб я был достоин сожаленья,
Хотя теперь слова мои печальны; – нет;
Нет! все мои жестокие мученья–

Одно предчувствие гораздо больших бед.
Я молод; но кипят на сердце звуки,
И Байрона достигнуть я б хотел;
У нас одна душа, одни и те же муки;
О если б одинаков был удел!..
Как он, ищу забвенья и свободы,
Как он, в ребячестве пылал уж я душой,
Любил закат в горах, пенящиеся воды,
И бурь земных и бурь небесных вой.
Как он, ищу спокойствия напрасно,
Гоним повсюду мыслию одной.
Гляжу назад – прошедшее ужасно;
Гляжу вперед – там нет души родной!
Эпитафия (Утонувшему игроку)*
Кто яму для других копать трудился,
Тот сам в нее упал – гласит писанье так.
Ты это оправдал, бостонный мой чудак,
□□□□□□Топил людей – и утопился.
Дереву*

Давно ли с зеленью радушной
Передо мной стояло ты,
И я коре твоей послушной
Вверял любимые мечты;
Лишь год назад, два талисмана
Светилися в тени твоей,
И ниже замысла обмана
Не скрылося в душе детей!..
Детей! – о! да, я был ребенок! –
Промчался легкой страсти сон;
Дремоты флёр был слишком тонок –
В единый миг прорвался он.
И деревцо с моей любовью
Погибло, чтобы вновь не цвести;
Я жизнь его купил бы кровью, –
Но как переменить, что есть?
Ужели также вдохновенье
Умрет невозвратно с ним?
Иль шуму светского волненья
Бороться с сердцем молодым?
Нет, нет, – мой дух бессмертен силой,
Мой гений веки пролетит;
И эти ветви над могилой
Певца-страдальца освятит.
Предсказание*
Настанет год, России черный год,
Когда царей корона упадет;
Забудет чернь к ним прежнюю любовь,
И пища многих будет смерть и кровь;
Когда детей, когда невинных жен
Низвергнутый не защитит закон;
Когда чума от смрадных, мертвых тел
Начнет бродить среди печальных сел,
Чтобы платком из хижин вызывать,
И станет глад сей бедный край терзать;
И зарево окрасит волны рек:
В тот день явится мощный человек,
И ты его узнаешь – и поймешь,
Зачем в руке его булатный нож:
И горе для тебя! – твой плач, твой стон
Ему тогда покажется смешон;
И будет всё ужасно, мрачно в нем,
Как плащ его с возвышенным челом.
«Всё тихо – полная луна...»
Всё тихо – полная луна*
Блестит меж ветел над прудом,
И возле берега волна
С холодным резвится лучом.
«Никто, никто, никто не усладил...»

Никто, никто, никто не усладил*
В изгнании сем тоски мятежной!
Любить? – три раза я любил,
Любил три раза безнадежно.
1830 год. Июля 15-го (Москва)*
Зачем семьи родной безвестный круг
я покидал? Всё сердце грело там,
Всё было мне наставник или друг,
Всё верило младенческим мечтам.
Как ужасы пленяли юный дух,
Как я рвался на волю к облакам!
Готов лобзать уста друзей был я,
Не посмотрев, не скрыта ль в них змея.
Но в общество иное я вступил,
Узнал людей и дружеский обман,
Стал подозрителен и погубил
Беспечности душевный талисман.
Чтобы никто теперь не говорил:
Он будет друг мне! – боль старинных ран
Из груди извлечет не речь, но стон;
И не привет, упрек услышит он.
Ах! я любил, когда я был счастлив,
Когда лишь от любви мог слезы лить.
Но эту грудь страданьем напоив,
Скажите мне, возможно ли любить?
Страшусь, в объятья деву заключив,
Живую душу ядом отравить,
И показать, что сердце у меня
Есть жертвенник, сгоревший от огня.
Но лучше я, чем для людей кажусь,
Они в лице не могут чувств прочесть;
И что молва кричит о мне... боюсь!
Когда б я знал, не мог бы перенести.
Противу них во мне горит, клянусь,
Не злоба, не презрение, не месть.
Но... для чего старались они
Так отравить ребяческие дни?...
Согбенный лук, порвавши тетиву,
Гремит – но вновь не будет прям, как был.
Чтоб цепь их сбросить, я, подняв главу,
Последнее усилие свершил;
Что ж. – ныне жалкий, грустный я живу
Без дружбы, без надежд, без дум, без сил,
Бледней, чем луч бесчувственной луны,
Когда в окно скользит он вдоль стены.
Булевар*

С минуту лишь с бульвара прибежав,
Я взял перо – и право очень рад,
Что плод над ним моих привычных прав
Узнает вновь бульварный маскарад;
Сатиров я для помощи призвав, –
Подговорю, – и всё пойдет на лад.
Ругай людей, но лишь ругай остро;
Не то –... ко всем чертям твое перо!..
Приди же из подземного огня,
Чертенок мой, взъерошенный остряк,
И попугаем сядь вблизи меня.
Дурак скажу – и ты кричи дурак.
Не устоит бульварная семья –
Хоть морщи лоб, хотя сожми кулак,
Невинная красotka в 40 лет –
Пятнадцати тебе всё нет как нет!
И ты, мой старец с рыжим париком,
Ты, депутат столетий и могил,
Дрожащий весь и схожий с жеребцом,
Как кровь ему из всех пускают жил,
Ты здесь бредешь и смотришь сентябрем,
Хоть там княжна лепечет: как он мил!

А для того и силится хвалить,
Чтоб свой порок в ч***** извинить!..
Подалее на креслах там другой;
Едва сидит согбенный сын земли;
Он как знаток глядит в лорнет двойной;
Власы его в серебряной пыли.
Он одарен восточною душой,
Коль душу в нем в сто лет найти могли.
Но я клянусь (пусть кончив-буду прах),
Она тонка, когда в его ногах.
И что ж? – он прав, он прав, друзья мои,
Глупец, кто жил, чтоб на диэте быть;
Умен, кто отдал дни свои любви;
И этот муж копил: чтобы любить.
Замен души он находил в крови.
Но тот блажен, кто может говорить,
Что он вкушал до капли мед земной,
Что он любил и телом и душой!..
И я любил! – опять к своим страстям!
Брось, брось свои безумные мечты!
Пора склонить внимание на дам,
На этих кандидатов красоты,
На их наряд-как описать всё вам?
В наряде их нет милой простоты,
Всё так высоко, так взгромождено,
Как бурю на них нанесено.
Приметна спесь в их пошлой болтовне,
Уста всегда сказать готовы: нет.
И холодны они, как при луне
Нам кажется прабабушки портрет;
Когда гляжу, то, право, жалко мне,
Что вкус такой имеет модный свет.
Ведь думают тенетом лент, кисей,
Как зайчиков, поймать моих друзей.
Сидел я раз случайно под окном,
И вдруг головка вышла из окна,
Незавита, и в чепчике простом –
Но как божественна была она.
Уста и взор-стыжусь! в уме моем
Головка та ничем не изгнана;
Как некий сон младенческих ночей
Или как песня матери моей.
И сколько лет уже прошло с тех пор!..
О верьте мне, красавицы Москвы,
Блистательный ваш головной убор
Вскружить не в силах нашей головы.
Все платья, шляпы, букли ваши вздор
Такой же вздор, какой твердите вы,
Когда идете здесь толпой комет,
А маменьки бегут за вами вслед.
Но для чего кометами я вас
Назвал, глупец тупейший то поймет,
И сам Башуцкий объяснит тотчас.
Комета за собою хвост влечет;
И это всеми признано у нас,
Хотя-что в нем, никто не разберет:
За вами ж хвост оставленных мужьев,
Вдыхателей и бедных женихов!
О женихи! о бедный Мосолов;
Как не вздохнуть, когда тебя найду,
Педантика, из рода петушков,
Средь юных дев как будто бы в чаду;
Хотя и держисься размеру слов,
Но ты согласен на свою беду,
Что лучше всё не думав говорить,
Чем глупо думать и глупей судить.
Он чванится, что точно русский он;
Но если бы таков был весь народ,

О! чем заплотишь ты, тиран,
За эту праведную кровь,
За кровь людей, за кровь граждан.
Когда последняя труба
Разрежет звуком синий свод;
Когда откроются гроба,
И прах свой прежний вид возьмет;
Когда появятся весы,
И их подымет судия...
Не встанут у тебя власы?
Не задрожит рука твоя?...
Глупец! что будешь ты в тот день,
Коль ныне стыд уж над тобой?
Предмет насмешек ада, тень,
Призрак, обманутый судьбой!
Бессмертной раню убит,
Ты обернешь молящий взгляд,
И строй кровавый закричит:
Он виноват! он виноват!
Стансы («Взгляни, как мой спокоен взор...»)*

I

Взгляни, как мой спокоен взор,
Хотя звезда судьбы моей
Померкнула с давнишних пор
И с нею думы светлых дней.
Слеза, которая не раз
Рвалась блеснуть перед тобой,
Уж не придет, как этот час,
На смех подосланный судьбой.

II

Смеялась надо мною ты,
И я презреньем отвечал –
С тех пор сердечной пустоты
Я уж ничем не заменял.
Ничто не сблизит больше нас,
Ничто мне не отдаст покой...
Хоть в сердце шепчет чудный глас:
Я не могу любить другой.

III

Я жертвовал другим страстям,
Но, если первые мечты
Служить не могут снова нам –
То чем же их заменишь ты?...
Чем успокоишь жизнь мою,
Когда уж обратила в прах
Мои надежды в сем краю,
А может быть и в небесах?...

Чума*

(Отрывок)

79

Два человека в этот страшный год,
Когда всех занимала смерть одна,
Хранили чувство дружбы. Жизнь их, род,
Незнания хранила тишина.
Толпами гиб отчаянный народ,
Вкруг них валялись трупы – и страна
Веселья – стала гроб – и в эти дни
Без страха обнимались они!..

80

Один был юн годами и душой,
Имел блистающий и быстрый взор,
Играла кровь в щеках его порой,
В движениях и в мыслях он был скор,
И мужествен с лица. Но он с тоской
И ужасом глядел на гладный мор,
Молился, плакал он, и день и ночь
Отталкивал и сон и пищу прочь!

81

Другой узнал, казалось, жизни зло;
И разорвал свои надежды сам.
Высокое и бледное чело
являло наблюдательным очам,
что сердце много мук перенесло
и было прежде отдано страстям.
Но, несмотря на мрачный сей удел,
и он как бы невольно жить хотел.

82

Безмолвствуя, на друга он взирал,
и в жилах останавливалась кровь;
Он вздрагивал, садился. Он вставал,
ходил, бледнел и вдруг садился вновь,
ломал в безумьи руки – но молчал.
Он подавлял в груди своей любовь
и сердца беспокойный вещей глас,
что скоро бьет неизбежный час!

83

И час пробил! его нежнейший друг
стал медленно слабеть. – Хоть говорить
не мог уж юноша, его недуг
не отнимал еще надежду жить;
казалось, судрожным движеньем рук
старался он кончину удалить.
Но вот утих... взор ясный поднял он,
закрыв – хотя б один последний стон!

84

Как сумасшедший, руки сжав крестом,
стоял его товарищ. – Он хотел
смеяться... и с открытым ртом
остался – взгляд его оцепенел.
Пришли к ним люди: зацепив крючком
холодный труп, к высокой груди тел
они без сожаленья повлекли,
и подложили бревен, и зажгли...
«Нередко люди и бранили...»*
нередко люди и бранили,
и мучили меня за то,
что часто им прощал я то,
чего б они мне не простили.
и начал рок меня томить.
карал безвинно и за дело –
от сердца чувство отлетело:
и я не мог ему простить.
я снова меж людей явился
с холодным, сумрачным челом;
но взгляд, куда б ни обратился,
встречался с радостным лицом!
романс («в те дни, когда уж нет надежд...»)*
в те дни, когда уж нет надежд,
а есть одно воспоминанье,
веселье чуждо наших вежд,
и легче на груди страданье.
отрывок («приметив юной девы грудь...»)*
приметив юной девы грудь,
судьбой случайной, как-нибудь,
иль взор, исполненный огнем,
недвижно сердце было в нем,
как сокол, на скале морской
сидящий позднью порой,
хоть недалеко и блестят
(седой пустыни вод наряд)
ветрила бедных челноков,
движенье дальних облаков
следит его прилежный глаз.
и так проходит скучный час!
он знает: эти челноки,
что гонят мимо ветерки,

Не для него сюда плывут,
Они блеснут, они пройдут!..
Баллада (Из Байрона)*
Берегись! берегись! над бургосским путем
□□□Сидит один черный монах;
Он бормочет молитву во мраке ночном,
□□□Панихиду о прошлых годах.
Когда Мавр пришел в наш родимый дол,
□□□Оскверняячи церкви порог,
Он без дальних слов выгнал всех чернецов;
□□□Одного только выгнать не мог.
Для добра или зла (я слышал не один,
□□□И не мне бы о том говорить),
Когда возвратился тех мест господин,
□□□Он никак не хотел уходить.
Хоть никто не видал, как по замку блуждал
□□□Монах, но зачем возражать?
Ибо слышал не раз я старинный рассказ,
□□□Который страшусь повторять.
Рождался ли сын, он рыдал в тишине,
□□□Когда ж прекратился сей род,
Он по звучным полам при бледной луне
□□□Бродил и взад и вперед.
Ночь («Один я в тишине ночной...»)*
Один я в тишине ночной;
Свеча сгоревшая трещит,
Перо в тетрадке записной
Головку женскую чертит;
Воспоминанье о былом,
Как тень, в кровавой пелене,
Спешит указывать перстом
На то, что было мило мне.
Слова, которые могли
Меня тревожить в те года,
Пылают предо мной вдали,
Хоть мной забыты навсегда.
И там скелеты прошлых лет
Стоят унылою толпой;
Меж ними есть один скелет—
Он обладал моей душой.
Как мог я не любить тот взор?
Презренья женского кинжал
Меня пронзил... но нет — с тех пор
Я всё любил — я всё страдал.
Сей взор невыносимый, он
Бежит за мною, как призрак;
И я до гроба осужден
Другого не любить никак.
О! я завидую другим!
В кругу семейственном, в тиши,
Смеяться просто можно им
И веселиться от души.
Мой смех тяжел мне как свинец:
Он плод сердечной пустоты.
О боже! вот что, наконец,
Я вижу, мне готовил ты.
Возможно ль! первую любовь
Такою горечью облить;
Притворством взволновав мне кровь,
Хотеть насмешкой остудить?
Желал я на другой предмет
Излить огонь страстей своих.
Но память, слезы первых лет!
Кто устоит противу них?
«Когда к тебе молвы рассказ...»*
Когда к тебе молвы рассказ
Мое названье принесет
И моего рожденья час

Перед полмиром проклянет,
Когда мне пищей станет кровь,
И буду жить среди людей,
Ничью не радуя любовь
И злобы не боясь ничьей:
Тогда раскаянья кинжал
Пронзит тебя; и вспомнишь ты,
Что при прощаньи я сказал.
Увы! то были не мечты!
И если только наконец
Моя лишь грудь поражена,
То верно прежде знал творец,
Что ты страдать не рождена.
«Передо мной лежит листок...»*
Передо мной лежит листок
Совсем ничтожный для других,
Но в нем сковал случайно рок,
Толпу надежд и дум моих.
Исписан он твоей рукой,
И я вчера его украл,
И для добычи дорогой
Готов страдать – как уж страдал!
«Свершилось! полно ожидать...»*
Свершилось! полно ожидать
Последней встречи и прощанья!
Разлуки час и час страданья
Придут – зачем их отклонять!
Ах, я не знал, когда глядел
На чудные глаза прекрасной,
Что час прощанья, час ужасный,
Ко мне внезапно подлетел.
Свершилось! голосом бесценным
Мне больше сердца не питать,
Запрусь в углу уединенном
И буду плакать... вспоминать!
«Итак, прощай! Впервые этот звук...»*
Итак, прощай! Впервые этот звук
Тревожит так жестоко грудь мою.
Прощай! – шесть букв приносят столько мук!
Уносят всё, что я теперь люблю!
Я встречу взор ее прекрасных глаз,
И может быть, как знать... в последний раз!
Новгород*

Сыны снегов, сыны славян,
Зачем вы мужеством упали?
Зачем?... Погибнет ваш тиран,
Как все тираны погибали!..
До наших дней при имени свободы
Трепещет ваше сердце и кипит!..
Есть бедный град, там видели народы
Всё то, к чему теперь ваш дух летит.
Глупой красавице*

1

Амур спросил меня однажды,
Хочу ль испить его вина –
Я не имел в то время жажды,
Но выпил кубок весь до дна.

2

Теперь желал бы я напрасно
Смочить горящие уста,
Затем что чаша влаги страстной,
Как голова твоя – пуста.
Могила бойца*

(Дума)

I

Он спит последним сном давно,
□□□Он спит последним сном,
Над ним бугор насыпан был,

□□□Зеленый дерн кругом.

II

Седые кудри старика
□□□Смешались с землей:
Они взвевались по плечам,
□□□За чашей пировой,

III

Они белы как пена волн,
□□□Биющихся у скал;
Уста, любимицы бесед,
□□□Впервые хлад сковал.

IV

И бледны щеки мертвеца,
□□□Как лик его врагов
Бледнел, когда являлся он
□□□Один средь их рядов.

V

Сырой землей покрыта грудь,
□□□Но ей не тяжело,
И червь, движенья не боясь,
□□□Ползет через чело.

VI

На то ль он жил и меч носил,
□□□Чтоб в час вечерней мглы
Слетались на курган его
□□□Пустынные орлы?

VII

Хотя певец земли родной
□□□Не раз уж пел об нем,
Но песнь–всё песнь; а жизнь–всё жизнь!
□□□Он спит последним сном.
Смерть («Закат горит огнистой полосой...»)*
Закат горит огнистой полосой,
Любуюсь им безмолвно под окном,
Быть может завтра он заблещет надо мною,
Безжизненным, холодным мертвецом;
Одна лишь дума в сердце опустелом,
То мысль об ней. – О, далеко она;
И над моим недвижным, бледным телом
Не упадет слеза ее одна.
Ни друг, ни брат прощальными устами
Не поцелуют здесь моих ланит;
И сожаленью чуждыми руками
В сырую землю буду я зарыт.
Мой дух утонет в бездне бесконечной!..
Но ты! – О, пожалей о мне, краса моя!
Никто не мог тебя любить, как я,
Так пламенно и так чистосердечно.
Русская песня*

1

Клоками белый снег валится,
Что ж дева красная боится
□□□□С крыльца сойти
□□□□Воды снести?
Как поп, когда он гроб несет,
Так песнь мятелица поет,
□□□□Играет,
И у тесовых у ворот
Дворовый пес всё цепь грызет
□□□□И лает...

2

Но не собаки лай печальный,
Не вой мятели погребальный,
□□□□Рождают страх
□□□□В ее глазах:
Недавно милый схоронен,
Бледней снегов предстанет он
□□□□И скажет:

«Ты изменила» – ей в лицо,
И ей заветное кольцо
Покажет!..

1831

1831-го января*

Редют бледные туманы
Над бездной смерти роковой,
И вновь стоят передо мной
Веков протекших великаны.
Они зовут, они манят,
Поют – и я пою за ними,
И, полный чувствами живыми,
Страшуся поглядеть назад, –
Чтоб бытия земного звуки
Не замешались в песнь мою,
Чтоб лучшей жизни на краю
Не вспомнил я людей и муки,
Чтоб я не вспомнил этот свет,
Где носит всё печать проклятья,
Где полны ядом все объятья,
Где счастья без обмана нет.
«Послушай! вспомни обо мне...»*
Послушай! вспомни обо мне,
Когда, законом осужденный,
В чужой я буду стороне –
Изгнанник мрачный и презренный.
И будешь ты когда-нибудь
Один, в бессонный час полночи,
Сидеть с свечой... и тайно грудь
Вздохнет – и вдруг заплачут очи;
И молвишь ты: когда-то он,
Здесь, в это самое мгновенье,
Сидел тоскою удручен
И ждал судьбы своей решенье!

1831-го июня 11 дня*

1

Моя душа, я помню, с детских лет
Чудесного искала. Я любил
Все обольщенья света, но не свет,
В котором я минутами лишь жил;
И те мгновенья были мук полны,
И населял таинственные сны
Я этими мгновеньями. Но сон,
Как мир, не мог быть ими омрачен.

2

Как часто силой мысли в краткий час
Я жил века и жизнь иную,
И о земле забывал. Не раз,
Встревоженный печальною мечтой,
Я плакал; но все образы мои,
Предметы мнимой злобы иль любви,
Не походили на существ земных.
О нет! всё было ад иль небо в них.

3

Холодной буквой трудно объяснить
Боренье дум. Нет звуков у людей
Довольно сильных, чтоб изобразить
Желание блаженства. Пыл страстей
Возвышенных я чувствую, но слов
Не нахожу и в этот миг готов
Пожертвовать собой, чтоб как-нибудь
Хоть тень их перелить в другую грудь.

4

Известность, слава, что они? – а есть
У них над мною власть; и мне они
Велят себе на жертву всё принести,
И я влачу мучительные дни
Без цели, оклеветан, одинок;

Но верю им! – неведомый пророк
Мне обещал бессмертье, и живой
Я смерти отдал всё, что дар земной.

5

Но для небесного могилы нет.
Когда я буду прах, мои мечты,
Хоть не поймет их, удивленный свет
Благословит; и ты, мой ангел, ты
Со мною не умрешь: моя любовь
Тебя отдаст бессмертной жизни вновь;
С моим названьем станут повторять
Твое: на что им мертвых разлучать?

6

К погибшим люди справедливы; сын
боготворит, что проклинал отец.
Чтоб в этом убедиться, до седины
Дожить не нужно. Есть всему конец;
Не много долголетней человек
Цветка; в сравненьи с вечностью их век
Равно ничтожен. Пережить одна
Душа лишь колыбель свою должна.

7

Так и ее созданья. Иногда,
На берегу реки, один, забыт,
Я наблюдал, как быстрая вода
Синея гнется в волны, как шипит
Над ними пена белой полосой;
И я глядел, и мыслю иной
Я не был занят, и пустынный шум
Рассеивал толпу глубоких дум.

8

Тут был я счастлив... О, когда б я мог
Забыть что незабвенно! женский взор!
Причину стольких слез, безумств, тревог!
Другой владеет ею с давних пор,
И я другую с нежностью люблю,
Хочу любить, – и небеса молю
О новых муках: но в груди моей
Всё жив печальный призрак прежних дней.

9

Никто не дорожит мной на земле,
И сам себе я в тягость, как другим;
Тоска блуждает на моем челе,
Я холоден и горд; и даже злым
Толпе кажуся; но ужель она
Проникнуть дерзко в сердце мне должна?
Зачем ей знать, что в нем заключено?
Огонь иль сумрак там – ей всё равно.

10

Темна проходит туча в небесах,
И в ней таится пламень роковой;
Он вырываясь обращает в прах
Всё, что ни встретит. С дивной быстротой
Блеснет и снова в облаке укрыт;
И кто его источник объяснит,
И кто заглянет в недра облаков?
Зачем? они исчезнут без следов.

11

Грядущее тревожит грудь мою.
Как жизнь я кончу, где душа моя
Блуждать осуждена, в каком краю
Любезные предметы встречу я?
Но кто меня любил, кто голос мой
Услышит и узнает? И с тоской
Я вижу, что любить, как я, порок,
И вижу, я слабей любить не мог.

12

Не верят в мире многие любви

И тем счастливы; для иных она
Желанье, порожденное в крови,
Расстройство мозга или виденье сна.
Я не могу любовь определить,
Но это страсть сильнейшая! – любить
Необходимость мне; и я любил
Всем напряжением душевных сил.

13

И отучить не мог меня обман;
Пустое сердце ныло без страстей,
И в глубине моих сердечных ран
Жила любовь, богиня юных дней;
Так в трещине развалин иногда
Береза вырастает молода
И зелена, и взоры веселит,
И украшает сумрачный гранит.

14

И о судьбе ее чужой пришлец
Жалеет. Беззащитно предана
Порыву бурь и зною, наконец
Увянет преждевременно она;
Но с корнем не исторгнет никогда
Мою березу вихрь: она тверда;
Так лишь в разбитом сердце может страсть
Иметь неограниченную власть.

15

Под ношей бытия не устает
И не хладеет гордая душа;
Судьба ее так скоро не убьет,
А лишь взбунтует; мщением дыша
Против непобедимой, много зла
Она свершить готова, хоть могла
Составить счастье тысячи людей:
С такой душой ты бог или злодей...

16

Как нравились всегда пустыни мне.
Люблю я ветер меж нагих холмов,
И коршуна в небесной вышине,
И на равнине тени облаков.
Ярма не знает резвый здесь табун,
И кровожадный тешится летун
Под синевою, и облако степей
Свободней как-то мчится и светлей.

17

И мысль о вечности, как великан,
Ум человека поражает вдруг,
Когда степей безбрежный океан
Синеет пред глазами; каждый звук
Гармонии вселенной, каждый час
Страданья или радости для нас
Становится понятен, и себе
Отчет мы можем дать в своей судьбе.

18

Кто посещал вершины диких гор
В тот свежий час, когда садится день,
На западе светило видит взор
И на востоке близкой ночи тень,
Внизу туман, уступы и кусты,
Кругом всё горы чудной высоты,
Как после бури облака, стоят
И странные верхи в лучах горят.

19

И сердце полно, полно прежних лет,
И сильно бьется; пылкая мечта
Приводит в жизнь минувшего скелет,
И в нем почти всё та же красота.
Так любим мы глядеть на свой портрет,
Хоть с нами в нем уж сходства больше нет,

Хоть на холсте хранится блеск очей,
Погаснувших от время и страстей.

20

Что на земле прекрасней пирамид
Природы, этих гордых снежных гор?
Не переменит их надменный вид
Ничто: ни слава царств, ни их позор;
О ребра их дробятся темных туч
Толпы, и молний обвивает луч
Вершины скал; ничто не вредно им.
Кто близ небес, тот не сражен земным.

21

Печален степи вид, где без препон,
Волнуя лишь серебряный ковыль,
Скитается летучий аквилон
И пред собой свободно гонит пыль;
И где кругом, как зорко ни смотри,
Встречает взгляд березы две иль три,
Которые под синеватой мглой
Чернеют вечером в дали пустой.

22

Так жизнь скучна, когда боренья нет.
В минувшее проникнув, различить
В ней мало дел мы можем, в цвете лет
Она души не будет веселить.
Мне нужно действовать, я каждый день
Бессмертным сделать бы желал, как тень
Великого героя, и понять
Я не могу, что значит отдыхать.

23

Всегда кипит и зреет что-нибудь
В моем уме. Желанье и тоска
Тревожат беспрестанно эту грудь.
Но что ж? Мне жизнь всё как-то коротка
И всё боюсь, что не успею я
Свершить чего-то! – жажда бытия
Во мне сильнее страданий роковых,
Хотя я презираю жизнь других.

24

Есть время – леденеет быстрый ум;
Есть сумерки души, когда предмет
Желаний мрачен: усыпление дум;
Меж радостью и горем полусвет;
Душа сама собою стеснена,
Жизнь ненавистна, но и смерть страшна.
Находишь корень мук в себе самом,
И небо обвинить нельзя ни в чем.

25

Я к состоянью этому привык,
Но ясно выразить его б не мог
Ни ангельский, ни демонский язык:
Они таких не ведают тревог,
В одном всё чисто, а в другом всё зло.
Лишь в человеке встретиться могло
Священное с порочным. Все его
Мученья происходят оттого.

26

Никто не получал, чего хотел
И что любил, и если даже тот,
Кому счастливый небом дан удел,
В уме своем минувшее пройдет,
Увидит он, что мог счастливей быть,
Когда бы не умела отравить
Судьба его надежды. Но волна
К берегу возвратиться не сильна.

27

Когда, гонима бурей роковой,
Шипит и мчится с пеною своей,

Она всё помнит тот залив родной,
Где пенилась в приютах камышей,
И, может быть, она опять придет
В другой залив, но там уж не найдет
Себе покоя: кто в морях блуждал,
Тот не заснет в тени прибрежных скал.

28

Я предузнал мой жребий, мой конец,
И грусти ранняя на мне печать;
И как я мучусь, знает лишь творец;
Но равнодушный мир не должен знать,
И не забыт умру я. Смерть моя
Ужасна будет; чуждые края
Ей удивятся, а в родной стране
Все проклянут и память обо мне.

29

Все. Нет, не все: созданье есть одно
Способное любить – хоть не меня;
До этих пор не верит мне оно,
Однако сердце, полное огня
Не увлечется мнением, и мое
Пророчество припомнит ум ее,
И взор, теперь веселый и живой,
Напрасной отуманится слезой.

30

Кровавая меня могила ждет,
Могила без молитв и без креста,
На диком берегу ревущих вод
И под туманным небом; пустота
Кругом. Лишь чужестранец молодой,
Невольным сожаленьем и молвой
И любопытством приведен сюда,
Сидеть на камне станет иногда.

31

И скажет: отчего не понял свет
Великого, и как он не нашел
Себе друзей, и как любви привет
К нему надежду снова не привел?
Он был ее достоин. И печаль
Его встревожит, он посмотрит вдаль,
Увидит облака с лазурью волн,
И белый парус, и бегучий челн.

32

И мой курган! – любимые мечты
Мои подобны этим. Сладость есть
Во всем, что не сбылось, – есть красоты
В таких картинах; только перенести
Их на бумагу трудно: мысль сильна,
Когда размером слов не стеснена,
Когда свободна, как игра детей,
Как арфы звук в молчании ночей!

Романс к И...*

Когда я унесу в чужбину
Под небо южной стороны
Мою жестокую кручину,
Мои обманчивые сны,
И люди с злобой ядовитой
Осудят жизнь мою порой,
Ты будешь ли моей защитой
Перед бесчувственной толпой?

* * *

О, будь!.. о, вспомни нашу младость,
Злословья жертву пощади,
Клянися в том! чтоб вовсе радость
Не умерла в моей груди,
Чтоб я сказал в земле изгнанья:
Есть сердце, лучших дней залог,
Где почтены мои страданья,

Где мир их очернить не мог.
Завещание («Есть место: близ тропы глухой...»)*

1

Есть место: близ тропы глухой,
В лесу пустынном, средь поляны,
Где вьются вечером туманы,
Осеребрённые луной...
Мой друг! ты знаешь ту поляну;
Там труп мой хладный ты зарой,
Когда дышать я перестану!

2

Могиле той не откажи
Ни в чём, последуя закону;
Поставь над нею крест из клёну
И дикий камень положи;
Когда гроза тот лес встревожит,
Мой крест пришельца привлечёт;
И добрый человек, быть может,
На диком камне отдохнет.

«Сижу я в комнате старинной...»*

Сижу я в комнате старинной
Один с товарищем моим,
Фонарь горит, и тенью длинной
Пол омрачен. Как лёгкий дым,
Туман окрестность одевает,
И хладный ветер по листьям
Высоких лип перебегает.
Я у окна. Опасно нам
Заснуть. – А как узнать? быть может,
Приход нежданный нас встревожит!
Готов мой верный пистолет,
В стволе свинец, на полке порох.
У двери слушаю... чу! – шорох,
В развалинах... и крик! – но нет!
То мышь летучая промчалась!
То птица ночи испугалась!
На темной синеве небес
Луна меж тучками ныряет.
Спокоен я. Душа пылает
Отвагой: ни мертвец, ни бес,
Ничто меня не испугает.
Ничто... волшебный талисман
Я на груди ношу с тоскою;
Хоть не твоей любовью дан,
Он освящён твоей рукою!

К *** («Всевышний произнес свой приговор...»)*

Всевышний произнес свой приговор,
Его ничто не переменит;
Меж нами руку мести он простер
И беспристрастно всё оценит.
Он знает, и ему лишь можно знать,
Как нежно, пламенно любил я,
Как безответно всё, что мог отдать.
Тебе на жертву приносил я.
Во зло употребила ты права,
Приобретенные над мною,
И мне польстив любовью сперва,
Ты изменила – бог с тобою!
О нет! я б не решился проклянуть!
Всё для меня в тебе святое:
Волшебные глаза, и эта грудь,
Где бьётся сердце молодое.
Я помню, сорвал я обманом раз
Цветок, хранивший яд страданья, –
С невинных уст твоих в прощальный час
Непринужденное лобзанье;
Я знал: то не любовь – и перенес;
Но отгадать не мог я тоже,

Что всех моих надежд и мук и слез
Веселый миг тебе дороже!
Будь счастлива несчастьем моим
И услышав, что я страдаю,
Ты не томись раскаяньем пустым.
Прости! – вот всё, что я желаю..
Чем заслужил я, чтоб твоих очей
Затмился свежий блеск слезами?
Ко смеху приучать себя нужней:
Ведь жизнь смеется же над нами!
Желание*

Зачем я не птица, не ворон степной,
Пролетевший сейчас надо мной?
Зачем не могу в небесах я парить
И одну лишь свободу любить?
На запад, на запад помчался бы я,
Где цветут моих предков поля,
Где в замке пустом, на туманных горах,
Их забвенный покоится прах.
На древней стене их наследственный щит
И заржавленный меч их висит.
Я стал бы летать над мечом и щитом
И смахнул бы я пыль с них крылом;
И арфы шотландской струну бы задел,
И по сводам бы звук полетел;
Внимаем одним, и одним пробужден,
Как раздался, так смолкнул бы он.
Но тщетны мечты, бесполезны мольбы
Против строгих законов судьбы.
Меж мной и холмами отчизны моей
Расстилаются волны морей.
Последний потомок отважных бойцов
Увядает средь чуждых снегов;
Я здесь был рожден, но нездешний душой..
О! зачем я не ворон степной?..
К деве небесной*

Когда бы встретил я в раю
На третьем небе образ твой,
Он душу бы пленил мою
Своей небесной красотой;
И я б в тот миг (не утаю)
Забыл о радости земной.
Спокоен твой лазурный взор,
Как воспоминание об нем;
Как дальный отзыв дальных гор,
Твой голос нравится во всем;
И твой привет, и твой укор,
Всё полно, дышит божеством.
Не для земли ты создана,
И я могу ль тебя любить?
Другая женщина должна
Надежды юноши манить;
Ты превосходней, чем она,
Но так мила не можешь быть!
Св. Елена*

Почтим приветом остров одинокой,
Где часто, в думу погружен,
На берегу о Франции далекой
Вспоминал Наполеон!
Сын моря, средь морей твоя могила!
Вот мщение за муки стольких дней!
Порочная страна не заслужила,
Чтобы великий жизнь окончил в ней.
* * *

Изгнанник мрачный, жертва вероломства
И рока прихоти слепой,
Погиб как жил – без предков и потомства –
Хоть побежденный, но герой!

Родился он игрой судьбы случайной,
И пролетел, как буря, мимо нас;
Он миру чужд был. Всё в нем было тайной,
День возвышенья – и паденья час!
К другу В. Ш.*
«До лучших дней!» перед прощаньем,
Пожав мне руку, ты сказал;
И долго эти дни я ждал,
Но был обманут ожиданьем!..
Мой милый! не придут они,
В грядущем счастья так мало!..
Я помню радостные дни,
Но всё, что помню, то пропало.
Былое бесполезно нам.
Таков маяк, порой ночью
Над бурной бездною морскою
Манящий к верным берегам,
Когда на лодке, одинокий,
Несется трепетный пловец
И видит – берег недалекий
И ближе видит свой конец.
Нет! обольстить мечтой напрасной
Больное сердце мудрено;
Едва нисходит сон прекрасный,
Уж просыпается оно!
«Блистая пробегают облака...»*
Блистая пробегают облака
По голубому небу. Холм крутой
Осенним солнцем озарен. Река
Бежит внизу по камням с быстротой.
И на холме пришелец молодой,
Завернут в плащ, недвижимо сидит
Под старую березой. Он молчит,
Но грудь его подымается порой;
Но бледный лик меняет часто цвет;
Чего он ищет здесь? – спокойствия? – о нет!
Он смотрит в даль: тут лес пестреет, там
Поля и степи, там встречает взгляд
Опять дубраву, или по кустам
Рассеянные сосны. Мир как сад
Цветет – надев могильный свой наряд:
Поблекнувшие листья: жалок мир!
В нем каждый средь толпы забыт и сир;
И люди все к ничтожеству спешат, –
Но, хоть природа презирает их,
Любимцы есть у ней, как у царей других.
И тот, на ком лежит ее печать,
Пускай не ропщет на судьбу свою,
Чтобы никто, никто не смел сказать,
Что у груди своей она змею
Согрела. – «О! когда б одно люблю
Из уст прекрасной мог подслушать я,
Тогда бы люди, даже жизнь моя
В однообразном северном краю,
Всё б в новый блеск оделось!» так мечтал
Беспечный... но просить он неба не желал!
Атаман*

1

Горе тебе, город Казань,
Едет толпа удальцов
Сбирать невольную дань
С твоих беззаботных купцов.
Вдоль по Волге широкой
□□□□На лодке плывут;
И веслами дружными плещут,
□□□□И песни поют.

2

Горе тебе, русская земля,

Атаман между ними сидит;
Хоть его лихая семья,
Как волны, шумна, – он молчит;
И краса молодая,
Как саван, бледна
Перед ним стоит на коленях.
И молвит она:

3

«Горе мне, бедной девице!
Чем виновна я пред тобой.
Ты поверил злой клеветнице;
Любим мною не был другой.
Мне жребий неволи
Судьбинушкой дан;
Не губи, не губи мою душу,
Лихой атаман».

4

– Горе девице лукавой, –
Атаман ей нахмурясь в ответ;
– У меня оправдается правый,
Но пощады виновному нет;
От глаз моих трудно
□□□□Проступок укрыть,
Всё знаю!.. и вновь не могу я,
Девица, любить!..

5

Но лекарство чудесное есть
У меня для сердечных ран...
Прости же! – лекарство то: месть!
На что же я здесь атаман?
И заплачу ль, как плачет
□□□□Любовник другой?...
И смягчишь ли меня ты, девица,
Своею слезой?

6

Горе тебе, гроза-атаман,
Ты свой произнес приговор.
Средь пожаров ограбленных стран
Ты забудешь ли пламенный взор!..
Остался ль ты хладен
□□□□И тверд, как в бою,
Когда бросили в пенные волны
□□□□Красотку твою?

7

Горе тебе, удалой!
Как совесть совсем удалить?
Отныне он чистой водой
Боится руки умыть.
Умывать он их любит
□□□□С дружиной своей
Слезами вдовиц беззащитных
□□□□И кровью детей!
Исповедь («Я верю, обещаю верить...»)*
Я верю, обещаю верить,
Хоть сам того не испытал,
Что мог монах не лицемерить
И жить, как клятвой обещал;
Что поцелуи и улыбки
Людей коварны не всегда,
Что ближних малые ошибки
Они прощают иногда,
Что время лечит от страданья,
Что мир для счастья сотворен,
Что добродетель не названье
И жизнь поболее, чем сон!..
Но вере теплой опыт хладный
Противуречит каждый миг,
И ум, как прежде безотрадный,

Желанной цели не достиг;
И сердце, полно сожалений,
Хранит в себе глубокий след
Умерших – но святых видений,
И тени чувств, каких уж нет;
Его ничто не испугает,
И то, что было б яд другим,
Его живит, его питает
Огнем язвительным своим.
Надежда*

Есть птичка рая у меня,
На кипарисе молодом
Она сидит во время дня,
Но петь никак не станет днем;
Лазурь небес – ее спина,
Головка пурпур, на крылах
Пыль золотистая видна, –
Как отблеск утра в облаках.
И только что земля уснет,
Одета мглой в ночной тиши,
Она на ветке уж поет
Так сладко, сладко для души,
Что поневоле тягость мук
Забудешь, внемля песни той,
И сердцу каждый тихий звук
Как гость приятен дорогой;
И часто в бурю я слышал
Тот звук, который так люблю;
И я всегда надеждой звал
Певицу мирную мою!
Видение*

Я видел юношу: он был верхом
На серой, борзой лошади – и мчался
Вдоль берега крутого Клязьмы. Вечер
Погас уж на багряном небосклоне,
И месяц в облаках блистал и в волнах;
Но юный всадник не боялся, видно,
Ни ночи, ни росы холодной; жарко
Пылали смуглые его ланиты,
И черный взор искал чего-то всё
В туманном отдалении – темно, смутно
Являлось минувшее ему –
Призрак остерегающий, который
Пугает сердце страшным предсказаньем.
Но верил он – одной своей любви.
Он мчится. Звучный топот по полям
Разносит ветер; вот идет прохожий;
Он путника остановил, и этот
Ему дорогу молча указал
И скрылся, удаляясь в дубраве.
И всадник примечает огонек,
Трепещущий на берегу противном,
И различил окно и дом, но мост
Изломан... и несется быстро Клязьма.
Как воротиться, не прижав к устам
Пленительную руку, не слышав
Волшебный голос тот, хотя б укор
Произнесли ее уста? о! нет! –
Он вздрогнул, натянул бразды, толкнул
Коня – и шумные плеснули воды
И с пеною раздвинулись они;
Плывет могучий конь – и ближе – ближе...
И вот уж он на берегу другом
И на гору летит. – И на крыльцо
Соскакивает юноша – и входит
В старинные покои... нет ее!
Он проникает в длинный коридор,
Трепещет... нет нигде... ее сестра

Идет к нему навстречу. – О! когда б
Я мог изобразить его страданье!
Как мрамор бледный и безгласный, он
Стоял... Века ужасных мук равны
Такой минуте. – Долго он стоял,
Вдруг стон тяжелый вырвался из груди,
Как будто сердца лучшая струна
Оборвалась... Он вышел мрачно, твердо,
Прыгнул в седло и поскакал стремглав,
Как будто бы гнался вслед за ним
Раскаянье... И долго он скакал,
До самого рассвета, без дороги,
Без всяких опасений – наконец
Он был терпеть не в силах... и заплакал:
Есть вредная роса, которой капли
На листьях оставляют пятна – так
Отчаянья свинцовая слеза,
Из сердца вырвавшись насильно, может
Скатиться, – но очей не освежит!
К чему мне приписать виденье это?
Ужели сон так близок может быть
К существенности холодной? нет!
Не может сон оставить след в душе,
И как ни силится воображенье,
Его орудья пытки ничего
Против того, что есть, и что имеет
Влияние на сердце и судьбу.

* * *

Мой сон переменялся невзначай:
Я видел комнату; в окно светил
Весенний, теплый день; и у окна
Сидела дева, нежная лицом,
С очами полными душой и жизнью;
И рядом с ней сидел в молчаньи мне
Знакомый юноша; и оба, оба
Старались довольными казаться,
Однако же на их устах улыбка,
Едва родившись, томно умирала;
И юноша спокойней, мнилось, был,
Затем что лучше он умел таить
И побеждать страданье. Взоры девы
Блуждали по листам открытой книги,
Но буквы все сливались под ними...
И сердце сильно билось – без причины, –
И юноша смотрел не на нее,
Хотя об ней лишь мыслил он в разлуке,
Хотя лишь ею дорожил он больше
Своей непобедимой гордой чести;
На голубое небо он смотрел,
Следил серебристых облаков отрывки,
И, с сжатою душой, не смел вздохнуть,
Не смел пошевелиться, чтобы этим
Не прекратить молчанья; так боялся
Он услышать ответ холодный или
Не получить ответа на моленья.
Безумный! ты не знал, что был любим,
И ты о том проведал лишь тогда,
Как потерял ее любовь навеки;
И удалось привлечь другому лестью
Все, все желанья девы легковерной!
Чаша жизни*

1

Мы пьем из чаши бытия
С закрытыми очами,
Златые омочив края
Своими же слезами;

2

Когда же перед смертью с глаз

Завязка упадет,
И всё, что обольщало нас,
С завязкой исчезает;

3

Тогда мы видим, что пуста
Была золотая чаша,
Что в ней напиток был – мечта,
И что она – не наша!

К Л. – (Подражание Байрону)*

1

У ног других не забывал
Я взор твоих очей;
Любя других, я лишь страдал
Любовью прежних дней;
Так память, демон-властелин,
Всё будит старину,
И я твержу один, один:
Люблю, люблю одну!

2

Принадлежишь другому ты,
Забыт певец тобой;
С тех пор влекут меня мечты
Прочь от земли родной;
Корабль умчит меня от ней
В неизвестную страну,
И повторит волна морей:
Люблю, люблю одну!

3

И не узнает шумный свет,
Кто нежно так любим,
Как я страдал и сколько лет
Я памятью томим;
И где бы я ни стал искать
Былую тишину,
Всё сердце будет мне шептать:
Люблю, люблю одну!

К Н. И****

Я не достоин, может быть,
Твоей любви: не мне судить;
Но ты обманом наградила
Мои надежды и мечты,
И я всегда скажу, что ты
Несправедливо поступила.
Ты не коварна, как змея,
Лишь часто новым впечатленьям
Душа вверяется твоя.
Она увлечена мгновеньем;
Ей милы многие, вполне
Еще никто; но это мне
Служить не может утешеньем.
В те дни, когда любим тобой,
Я мог доволен быть судьбой,
Прощальный поцелуй однажды
Я сорвал с нежных уст твоих;
Но в зной, среди степей сухих,
Не утоляет капля жажды.
Дай бог, чтоб ты нашла опять,
Что не боялась потерять;
Но... женщина забыть не может
Того, кто так любил, как я;
И в час блаженнейший тебя
Воспоминание встревожит!
Тебя раскаянье кольнет,
Когда с насмешкой проклянет
Ничтожный мир мое названье!
И побоишься защитить,
Чтобы в преступном состраданье
Вновь обвиняемой не быть!

А. Д. З****

О ты, которого клевет твой верный Павел
В искусстве ёрников в младенчестве наставил;
О ты, к которому день всякий Валерьян
На ваньке приезжал ярыгой, глуп и пьян;
Которому служил лакеем из лакеев
Шут, алырь, женолаз, великий Теличеев,
Приветствую тебя и твой триумвират:
И кто сказать бы смел, что чорт тебе не брат?
Воля*

Моя мать – злая кручина,
Отцом же была мне – судьбина,
Мои братья, хоть люди,
Не хотят к моей груди
Прижаться;
Им стыдно со мною,
С бедным сиротою,
Обняться.

Но мне богом дана
Молодая жена,
Воля-волюшка,
Вольность милая,
Несравненная;
С ней нашлись другие у меня
Мать, отец и семья;
А моя мать – степь широкая,
А мой отец – небо далекое;
Они меня воспитали,
Кормили, поили, ласкали;
Мои братья в лесах –
Березы да сосны.

Несусь ли я на коне, –
Степь отвечает мне;
Брожу ли поздней порой, –
Небо светит мне луной;
Мои братья в летний день,
Призывая под тень,
Машут издали руками,
Кивают мне головами;
И вольность мне гнездо свила,
Как мир – необъятное!
Сентября 28*

Опять, опять я видел взор твой милый,
Я говорил с тобой,
И мне былое, взятое могилой,
Напомнил голос твой;
К чему? – другой лобзает эти очи
И руку жмет твою;
Другому голос твой во мраке ночи
Твердит: люблю! люблю!
Откройся мне: ужели непритворны
Лобзания твои?

Они правам супружества покорны,
Но не правам любви;
Он для тебя не создан; ты родилась
Для пламенных страстей.
Отдав ему себя, ты не спросилась
У совести своей.
Он чувствовал ли трепет потаенный
В присутствии твоём;
Умел ли презирать он мир презренный,
Чтоб мыслить об одном;
Встречал ли он с молчаньем и слезами
Привет холодный твой,
И лучшими ль он жертвовал годами
Мгновениям с тобой?
Нет! я уверен, твоего блаженства
Не может сделать тот,

Кто красоты наружной совершенства
Одни в тебе найдет.
Так! ты его не любишь... тайной властью
Прикована ты вновь
К душе печальной, незнакомой счастью,
Но нежной как любовь.
«Зови надежду – сновиденьем...»*
Зови надежду – сновиденьем,
Неправду – истиной зови,
Не верь хвалам и увереньям,
Но верь, о, верь моей любви!
Такой любви нельзя не верить,
Мой взор не скроет ничего;
С тобою грех мне лицемерить,
Ты слишком ангел для того.
«Прекрасны вы, поля земли родной...»*
Прекрасны вы, поля земли родной,
Еще прекрасней ваши непогоды;
Зима сходна в ней с первою зимой,
Как с первыми людьми ее народы!..
Туман здесь одеваает неба своды!
И степь раскинулась лиловой пеленой,
И так она свежа, и так родня с душой,
Как будто создана лишь для свободы..
Но эта степь любви моей чужда;
Но этот снег летучий серебристый
И для страны порочной – слишком чистый
Не веселит мне сердца никогда.
Его одеждой хладной, неизменной
Сокрыта от очей могильная гряда
И позабытый прах, но мне, но мне бесценный.
«Метель шумит и снег валит...»*
Метель шумит и снег валит,
Но сквозь шум ветра дальний звон
Порой прорвавшись гудит;
То отголосок похорон.
То звук могилы над землей,
Умершим весть, живым укор,
Цветок поблекший гробовой,
Который не пленяет взор.
Пугает сердце этот звук
И возвещает он для нас
Конец земных недолгих мук,
Но чаще новых первый час...
Небо и звезды*
□□□Чисто вечернее небо,
□□□□Ясны далекие звезды,
□□□Ясны как счастье ребенка;
О! для чего мне нельзя я подумать:
Звезды, вы ясны, как счастье мое!
□□□Чем ты несчастлив,
□□□Скажут мне люди?
□□□□Тем я несчастлив,
Добрые люди, что звезды и небо –
Звезды и небо! – а я человек!..
□□□□Люди друг к другу
□□□Зависть питают;
□□□□Я же, напротив,
Только завидую звездам прекрасным,
Только их место занять бы хотел.
Счастливым миг*
Не робей, краса младая,
Хоть со мной наедине;
Стыд ненужный отгоняя,
Подойди – дай руку мне.
Не тепла твоя светлица,
Не мягка постель твоя,
Но к устам твоим, девица,

Я прильну – согреюсь я.
От нескромного невежды
Занавесь окно платком;
Ну, – скидай свои одежды,
Не упрямясь, мы вдвоем;
На пирах за полной чашей,
Я клянусь, не расскажу
О взаимной страсти нашей;
Так скорее ж... я дрожу.
О! как полны, как прекрасны,
Груды жаркие твои,
Как румяны, сладострастны
Пред мгновением любви;
Вот и маленькая ножка,
Вот и круглый гибкий стан,
Под сорочкой лишь немножко
Прячешь ты свой талисман;
Перед тем чтобы лишиться
Непорочности своей,
Так невинна ты, что, мнится,
Я, любя тебя, – злодей.
Взор, склоненный на колена,
Будто молит пощадить;
Но ужасным, друг мой Лена,
Миг один не может быть.
Полон сладким ожиданьем
Я лишь взор питаю свой;
Ты сама, горя желаньем,
Призовешь меня рукой;
И тогда душа забудет
Всё, что в муку ей дано,
И от счастья нас разбудит
Истощение одно.

«Когда б в покорности незнания...»*

1

Когда б в покорности незнания
Нас жить создатель осудил,
Неисполнимые желанья
Он в нашу душу б не вложил,
Он не позволил бы стремиться
К тому, что не должно свершиться,
Он не позволил бы искать
В себе и в мире совершенства,
Когда б нам полного блаженства
Не должно вечно было знать.

2

Но чувство есть у нас святое,
Надежда, бог грядущих дней, –
Она в душе, где всё земное,
Живет наперекор страстей;
Она залог, что есть поныне
На небе иль в другой пустыне
Такое место, где любовь
Предстанет нам, как ангел нежный,
И где тоски ее мятежной
Душа узнать не может вновь.

К кн. Л. Г-ой*

Когда ты холодно внимаешь
Рассказам горести чужой
И недоверчиво качаешь
Своей головкой молодой,
Когда блестящие наряды
Безумно радуют тебя
Иль от ребяческой досады
Душа волнуется твоя,
Когда я вижу, вижу ясно,
Что для тебя в семнадцать лет
Всё привлекательно, прекрасно,

Всё – даже люди, жизнь и свет,
Тогда измучен воспоминаньем
Я говорю душе своей:
Счастлив, кто мог земным желаньям
Отдать себя во цвете дней!
Но не завидуй: ты не будешь
Довольна этим, как она;
Своих надежд ты не забудешь,
Но для других не рождена;
Так! мысль великая хранилась
В тебе доныне, как зерно;
С тобою в мир она родилась:
Погибнуть ей не суждено!
«Кто видел Кремль в час утра золотой...»*
Кто видел Кремль в час утра золотой,
Когда лежит над городом туман,
Когда меж храмов с гордой простотой,
Как царь, белеет башня-великан?
«Я видел тень блаженства; но вполне...»*
Я видел тень блаженства; но вполне,
Свободно от людей и от земли,
Не суждено им насладиться мне.
Быть может, манит только издали
Оно надежду; получив, – как знать? –
Быть может, я б его стал презирать;
И увидал бы, что ни слез, ни мук
Не стоит счастье, ложное как звук.
Кто скажет мне, что звук ее речей
Не отголосок рая? что душа
Не смотрит из живых очей,
Когда на них смотрю я, чуть дыша?
Что для мученья моего она,
Как ангел казни, богом создана?
Нет! чистый ангел не виновен в том,
Что есть пятно тоски в уме моем;
И с каждым годом шире то пятно;
И скоро всё поглотит, и тогда
Узнаю я спокойствие, оно,
Наверно, много причинит вреда
Моим мечтам и пламень чувств убьет,
Зато без бурь напрасных приведет
К уничтоженью; – но до этих дней
Я волен – даже – если раб страстей!
Печалью вдохновенный, я пою
О ней одной – и всё, что чуждо ей,
То чуждо мне; я родину люблю
И больше многих: среди ее полей
Есть место, где я горесть начал знать;
Есть место, где я буду отдыхать,
Когда мой прах, смешавшись с землей,
Навеки прежний вид оставит свой.
О мой отец! где ты? где мне найти
Твой гордый дух, бродящий в небесах;
В твой мир ведут столь разные пути,
Что избирать мешает тайный страх.
Есть рай небесный! звезды говорят;
Но где же? вот вопрос – и в нем-то яд;
Он сделал то, что в женском сердце я
Хотел сыскать отраду бытия.
К *** («О, не скрывай! ты плакала об нем!..»)*
О, не скрывай! ты плакала об нем –
И я его люблю; он заслужил
Твою слезу, и если б был врагом
Моим, то я б с тех пор его любил.
И я бы мог быть счастлив; но зачем
Искать условий счастья в былом!
Нет! я доволен должен быть и тем,
Что зрел, как ты жалела о другом!

К *** («Ты слишком для невинности мила...»)*

Ты слишком для невинности мила,
И слишком ты любезна, чтоб любить!
Полмиру дать ты счастье б могла,
Но счастливой самой тебе не быть;
Блаженство нам не посылает рок
Вдвойне. – Видала ль быстрый ты поток?
Брега его цветут, тогда как дно
Всегда глубоко, хладно, и темно!
«Кто в утро зимнее, когда валит...»*
Кто в утро зимнее, когда валит
Пушистый снег, и красная заря
На степь седую с трепетом глядит,
Внимал колоколам монастыря;
В борьбе с порывным ветром, этот звон
далеко им по небу унесен, –
И путникам он нравился не раз,
Как весть кончины иль бессмертья глас.
И этот звон люблю я! – он цветок
Могильного кургана, мавзолей,
Который не изменится; ни рок,
Ни мелкие несчастья людей
Его не заглушат; всегда один,
Высокой башни мрачный властелин,
Он возвещает миру всё, но сам –
Сам чужд всему, земле и небесам.
Ангел*

По небу полуночи ангел летел
И тихую песню он пел;
И месяц, и звезды, и тучи толпой
Внимали той песне святой.
Он пел о блаженстве безгрешных духов
Под кущами райских садов;
О божестве великом он пел, и хвала
Его непритворна была.
Он душу младую в объятиях нес
Для мира печали и слез;
И звук его песни в душе молодой
Остался – без слов, но живой.
И долго на свете томилась она,
Желанием чудным полна;
И звуков небес заменить не могли
Ей скучные песни земли.

Стансы: К Д ****

1

Я не могу ни произнести,
Ни написать твое название:
Для сердца тайное страданье
В его знакомых звуках есть;
Суди ж, как тяжело это слово
Мне услышать в устах другого.

2

Какое право им дано
Шутить святыню мою?
Когда коснуться я не смею,
Ужели им позволено?
Как я, ужель они искали
Свой рай в тебе одной? – едва ли!

3

Ни перед кем я не склонял
Еще послушного колена;
То гордости была б измена:
А ей лишь робкий изменял;
И не поникну я главою,
Хотя б то было пред судьбою!

4

Но если ты перед людьми
Прикажешь мне унижить душу,

Я клятвы юности нарушу,
Все клятвы, кроме клятв любви;
Пускай им скажут, дорогая,
Что это сделал для тебя я!

5

Улыбку я твою видал,
Она мне сердце восхищала,
И ей, так думал я сначала,
Подобной нет – но я не знал,
Что очи, полные слезами,
Равны красою с небесами.

6

Я видел их! и был вполне
Счастлив – пока слеза катилась;
В ней искра божества хранилась,
Она принадлежала мне;
Так! всё прекрасное, святое,
В тебе – мне больше чем родное.

7

Когда б миры у наших ног
Благословляли нашу волю,
Я эту царственную долю
Назвать бы счастьем не мог,
Ему страшны молвы сужденья,
Оно цветок уединенья.

8

Ты помнишь вечер и луну,
Когда в беседке одинокой
Сидел я с думою глубокой,
Взирая на тебя одну...
Как мне мила тех дней беспечность!
За вечер тот я б не взял вечность.

9

Так за ничтожный талисман,
От гроба Магомета взятый,
Факиру дайте жемчуг, злато
И все богатства чуждых стран,
Закону строгому послушный,
Он их отвергнет равнодушно!
«Ужасная судьба отца и сына...»*
Ужасная судьба отца и сына
Жить розно и в разлуке умереть,
И жребий чуждого изгнанника иметь
На родине с названьем гражданина!
Но ты свершил свой подвиг, мой отец,
Постигнут ты желанною кончиной;
Дай бог, чтобы как твой, спокоен был конец
Того, кто был всех мук твоих причиной!
Но ты простишь мне! я ль виновен в том,
Что люди угасить в душе моей хотели
Огонь божественный, от самой колыбели
Горевший в ней, оправданный творцом?
Однако ж тщетны были их желанья:
Мы не нашли вражды один в другом,
Хоть оба стали жертвою страданья!
Не мне судить, виновен ты иль нет;
Ты светом осужден. Но что такое свет?
Толпа людей, то злых, то благосклонных,
Собрание похвал незаслуженных
И стольких же насмешливых клевет.
Далеко от него, дух ада или рая,
Ты о земле забыл, как был забыт землей;
Ты счастливей меня; перед тобой
Как море жизни – вечность роковая
Неизмеримую открылась глубиной.
Ужели вовсе ты не сожалеешь ныне
О днях, потерянных в тревоге и слезах?
О сумрачных, но вместе милых днях,

Когда в душе искал ты, как в пустыне,
Остатки прежних чувств и прежние мечты?
Ужель теперь совсем меня не любишь ты?

О если так, то небо не сравню
Я с этою землей, где жизнь влачу мою;
Пускай на ней блаженства я не знаю,

По крайней мере я люблю!
«Пусть я кого-нибудь люблю...»*

Пусть я кого-нибудь люблю:
Любовь не красит жизнь мою.

Она, как чумное пятно
На сердце, жжет, хотя темно;

Враждебной силою гоним,
Я тем живу, что смерть другим:

Живу – как неба властелин –
В прекрасном мире – но один.

К другу («Забудь опять свои надежды...»)*

Забудь опять
Свои надежды;

Об них вздыхать

Судьба невежды;

Она дитя –

Не верь на слово;

Она шутя

Полюбит снова;

Всё, что блеснит,

Ее пленяет;

Всё, что грустит,

Ее пугает;

Так облачко

По небу мчится

Светло, легко;

Оно глядится

В волнах морских

Поочередно;

Но чужд для них

Прошлец свободный;

Он образ свой

Во всех встречает,

Хоть их порой

Не замечает.

«Пора уснуть последним сном...»*

Пора уснуть последним сном,

Довольно в мире пожил я;

Обманут жизнью был во всем

И ненавидя и любя.

Из Паткуля*

Напрасна врагов ядовитая злоба,

Рассудят нас бог и преданья людей;

Хоть розны судьбою, мы боремся оба

За счастье и славу отчизны своей.

Пускай я погибну... близ сумрака гроба

Не ведая страха, не зная цепей.

Мой дух взлетает всё выше и выше

И вьется, как дым над железною крышей!

Портрет*

Взгляни на этот лик; искусством он

Небрежно на холсте изображен,

Как отголосок мысли неземной,

Не вовсе мертвый, не совсем живой;

Холодный взор не видит, но глядит

И всякого, не нравясь, удивит;

В устах нет слов, но быть они должны:

Для слов уста такие рождены;

Смотри: лицо как будто отошло

От полотна, – и бледное чело

Лишь потому не страшно для очей,

Что нам известно: не гроза страстей

Ему дала болезненный тот цвет,
И что в груди сей чувств и сердца нет.
О боже, сколько я видал людей,
Ничтожных – пред картиною моей,
Душа которых менее жила,
Чем обещает вид сего чела.
«Настанет день – и миром осужденный...»*
Настанет день – и миром осужденный,
Чужой в родном краю,
На месте казни – гордый хоть презренный –
Я кончу жизнь мою;
Виновный пред людьми, не пред тобою,
Я твердо жду тот час;
Что смерть? – лишь ты не изменишь душою –
Смерть не разрознит нас.
Иная есть страна, где предрассудки
Любви не охладят,
Где не отнимет счастья из шутки,
Как здесь, у брата брат.
Когда же весть кровавая примчится
О гибели моей,
И как победе станут веселиться
Толпы других людей;
Тогда... молю! – единою слезою
Почти холодный прах
Того, кто часто с скрытною тоскою
Искал в твоих очах
Блаженства юных лет и сожаленья;
Кто пред тобой открыл
Таинственную душу и мученья,
Которых жертвой был.
Но если, если над моим позором
Смеяться станешь ты
И возмутишь неправедным укором
И речью клеветы
Обиженную тень, – не жди пощады;
Как червь, к душе твоей
Я прилеплюсь, и каждый миг отрады
Несносен будет ей,
И будешь помнить прежнюю беспечность,
Не зная воскресить,
И будет жизнь тебе долга, как вечность,
А всё не будешь жить.
К д.*
Будь со мною, как прежде бывала;
О, скажи мне хоть слово одно,
Чтоб душа в этом слове сыскала,
Что хотелось ей слышать давно;
Если искра надежды хранится
В моем сердце – она оживет;
Если может слеза появиться
В очах – то она упадет.
Есть слова – объяснить не могу я,
Отчего у них власть надо мной;
Их услышав, опять оживу я,
Но от них не воскреснет другой;
О, поверь мне, холодное слово
Уста оскверняет твои,
Как листки у цветка молодого
Ядовитое жало змеи!
Песня («Желтый лист о стебель бьется...»)*
Желтый лист о стебель бьется
Перед бурей:
Сердце бедное трепещет
Пред несчастьем.
Что за важность, если ветер
Мой листок одинокой
Унесет далеко, далеко;

Пожалеет ли об нем
Ветка сирая;
Зачем грустить молодцу,
Если рок судил ему
Угаснуть в краю чужом?
Пожалеет ли об нем
Красна девица?
К Нэере*

Скажи, для чего перед нами
Ты в кудри вплетаешь цветы?
Себя ли украсишь ты розой
Прелестной, минутной как ты?
Зачем приводить нам на память,
Что могут ланиты твои
Увянуть; что взор твой забудет
Восторги надежд и любви?
Дивлюсь я тебе: равнодушно,
Беспечно ты смотришь вперед;
Смеешься над временем, будто
Нэеру оно обойдет.

Ужель ты безумным весельем
Прогнать только хочешь порой
Грядущего тени? ужели
Чужда ты веселью душой?
Пять лет протекут: ни лобзаньем,
Ни сладкой улыбкою глаз
К себе на душистое ложе
Опять не заманишь ты нас.
О, лучше умри поскорее,
Чтоб юный красавец сказал:
«Кто был этой девы милее?
Кто раньше ее умирал?»

Отрывок («Три ночи я провел без сна – в тоске...»)*

Три ночи я провел без сна – в тоске,
В молитве, на коленях – степь и небо
Мне были храмом, алтарем курган;
И если б кости, скрытые под ним,
Пробуждены могли быть человеком,
То обожженные моей слезой,
Проникнувшей сквозь землю, мертвецы
Вскочили б, загремев одеждой бранной!
О боже! как? – одна, одна слеза
Была плодом ужасных трех ночей?
Нет, эта адская слеза, конечно,
Последняя, не то три ночи б я
Ее не дожидался. Кровь собратий,
Кровь стариков, растоптанных детей
Отяготела на душе моей,
И приступила к сердцу, и насильно
Заставила его расторгнуть узы
Свои, и в мщенье обратила всё,
Что в нем похоже было на любовь;
Свой замысел пускай я не свершу,
Но он велик – и этого довольно;
Мой час настал – час славы, иль стыда;
Бессмертен, иль забыт я навсегда.
Я вопрошал природу, и она
Меня в свои объятия приняла,
В лесу холодном в грозный час метели
Я сладость пил с ее волшебных уст,
Но для моих желаний мир был пуст,
Они себе предмета в нем не зрели;
На звезды устремлял я часто взор
И на луну, небес ночных убор,
Но чувствовал, что не для них родился;
Я небо не любил, хотя дивился
Пространству без начала и конца,
Завидуя судьбе его творца;

Но, потеряв отчизну и свободу,
Я вдруг нашел себя, в себе одном
Нашел спасенье целому народу;
И утонул деятельным умом
В единой мысли, может быть напрасной
И бесполезной для страны родной;
Но, как надежда, чистой и прекрасной,
Как вольность, сильной и святой.
Баллада («В избушке позднею порою...»)*
В избушке позднею порою
Славянка юная сидит.
Вдали багровой полосой
На небе зарево горит...
И люльку детскую качая,
Поет славянка молодая...
«Не плачь, не плачь! иль сердцем чуешь,
Дитя, ты близкую беду!..
О, полно, рано ты тоскуешь:
Я от тебя не отойду.
Скорее мужа я утрачу.
Дитя, не плачь! и я заплачу!
«Отец твой стал за честь и бога
В ряду бойцов против татар,
Кровавый след ему дорога,
Его булат блеснит, как жар.
Взгляни, там зарево краснеет:
То битва семя смерти сеет.
«Как рада я, что ты не в силах
Понять опасности своей,
Не плачут дети на могилах;
Им чужд и стыд и страх цепей;
Их жребий зависти достоин...»
Вдруг шум, – и в двери входит воин.
Брада в крови, избиты латы.
«Свершилось! – восклицает он, –
Свершилось! торжествуй, проклятый!..
Наш милый край поработен,
Татар мечи не удержали
Орда взяла, и наши пали».
И он упал – и умирает
Кровавой смертью бойца.
Жена ребенка поднимает
Над бледной головой отца:
«Смотри, как умирают люди,
И мстить учись у женской груди!..
Силуэт*
Есть у меня твой силуэт,
Мне мил его печальный цвет;
Висит он на груди моей
И мрачен он, как сердце в ней.
В глазах нет жизни и огня,
Зато он вечно близ меня;
Он тень твоя, но я люблю
Как тень блаженства тень твою.
Стансы («Есть у меня твой силуэт...»)*
Мгновенно пробежав умом
Всю цепь того, что прежде было, –
Я не жалею о былом:
Оно меня не усладило.
Как настоящее, оно
Страстями бурными облито,
И вьюгой зла занесено,
Как снегом крест в степи забытый.
Ответа на любовь мою
Напрасно жаждал я душою,
И если о любви пою –
Она была моей мечтою.
Как метеор в вечерней мгле,

Она очам моим блеснула,
И бывши всё мне на земле,
Как всё земное, обманула.
«Как дух отчаянья и зла...»*
Как дух отчаянья и зла,
Мою ты душу обняла;
О! для чего тебе нельзя
Ее совсем взять у меня?
Моя душа твой вечный храм;
Как божество, твой образ там;
Не от небес, лишь от него
Я жду спасенья своего.
«Я не люблю тебя; страстей...»*
Я не люблю тебя; страстей
И мук умчался прежний сон;
Но образ твой в душе моей
Всё жив, хотя бессилён он;
Другим предавшись мечтам,
Я всё забыть его не мог;
Так храм оставленный – всё храм,
Кумир поверженный – всё бог!
«Унылый колокола звон...»*
Унылый колокола звон
В вечерний час мой слух невольно потрясает,
Обманутой душе моей напоминает
И вечность и надежду он.
И если ветер, путник одинокой,
Вдруг по траве кладбища пробежит,
Он сердца моего не холодит:
Что в нём живет, то в нём глубоко.
Я чувствую – судьба не умертвит
Во мне возросший деятельный гений;
Но что его на свете сохранит
От хитрой клеветы, от скучных наслаждений,
От истощительных страстей,
От языка ласкателей развратных
И от желаний, непонятных
Умам посредственных людей?
Без пищи должен яркий пламень
Погаснуть на скале сырой:
Холодный слушатель есть камень,
Попробуй раз, попробуй и открой
Ему источники сердечного блаженства,
Он станет толковать, что должно ощутить;
В простом не видя совершенства,
Он не привык прекрасное ценить,
Как тот, кто в грудь втеснить желал бы всю природу,
Кто силится купить страданием своим
И гордою победой над земным
Божественной души безбрежную свободу.
Новогодние мадригалы и эпиграммы
Н. Ф. И.*
Дай бог, чтоб вечно вы не знали,
Что значат толки дураков,
И чтоб вам не было печали
От шпор, мундира и усов;
Дай бог, чтоб вас не огорчали
Соперниц ложные красы,
Чтобы у ног вы увидали
Мундир, и шпоры, и усы!
Бухариной*
Не чудно ль, что зовут вас вера?
Ужели можно верить вам?
Нет, я не дам своим друзьям
Такого страшного примера!..
Поверить стоит раз... но что ж?
Ведь сам раскаиваться будешь,
Закона веры не забудешь–

И старовером прослывешь!

Трубецкому*

Нет! мир совсем пошел не так;

Обиняков не понимают;

Скажи не просто: ты дурак, –

За комплимент уж принимают!

Всё то, на чем ума печать.

Они привыкли ненавидеть!

Так стану ж умным называть,

Когда захочется обидеть!..

Г-ну Павлову*

Как вас зовут? ужель поэтом?

Я вас прошу в последний раз,

Не называйтесь так пред светом:

Фиглярю назовет он вас!

Пускай никто про вас не скажет:

Вот стихотворец, вот поэт;

Вас этот титул только свяжет

С ним привилегий вовсе нет.

Алябьевой*

Вам красота чтобы блеснуть

Дана;

В глазах душа чтоб обмануть

Видна!..

Но звал ли вас хоть кто-нибудь:

Она?

Нарышкиной*

Всем жалко вас: вы так устали!

Вы не хотели танцевать –

И целый вечер танцовали!

Как наконец не перестать?..

Но если б все ценить умели

Ваш ум, любезность ваших слов, –

Клянусь бессмертием богов –

Тогда б мазурки опустели.

Толстой*

Не даром она, не даром

С отставным гусаром.

Бартеневой*

Скажи мне: где переняла

Ты обольстительные звуки,

И как соединить могла

Отзывы радости и муки?

Премудрой мыслию вникал

Я в песни ада, в песни рая,

Но что ж? – нигде я не слыхал

Того, что слышал от тебя я!

Мартыновой*

Когда поспорить вам придется,

Не спорьте никогда о том,

Что невозможно быть с умом

Тому, кто в этом признается;

Кто с вами раз поговорил,

Тот с вами вечно спорить будет,

Что ум ваш вечно не забудет

И что другое всё забыл!

Додо*

Умеешь ты сердца тревожить,

Толпу очей остановить,

Улыбкой гордой уничтожить,

Улыбкой нежной оживить;

Умеешь ты польстить случайно

С холодной важностью лица

И умника унижить тайно,

Взяв пылко сторону глупца!

Как в Талисмানে стих небрежный,

Как над пучиною мятежной

Свободный парус челнока,

Ты беззаботна и легка.
Тебя не понял север хладный;
В наш круг ты брошена судьбой,
Как божество страны чужой,
Как в день печали миг отрадный!
Башилову*

Вы старшина собранья верно,
Так я прошу вас объявить,
Могу ль я здесь нелицемерно
В глаза всем правду говорить?
Авось, авось займет нас делом
Иль хоть забавит новый год,
Когда один в собраньи целом
Ему навстречу не солжет;
Итак я вас не поздравляю;
Что год сей даст вам—знает бог.
Зато минувший, уверяю,
Отмстил за вас как только мог!
Кропоткиной*

Я оклеветан перед вами;
Как оправдаться я могу?
Ужели клятвами, словами?
Но как же! — я сегодня лгу!..
Щербатовой («Поверю ль я, чтоб вы хотели...»)*

Поверю ль я, чтоб вы хотели
Покинуть общество Москвы,
Когда от самой колыбели
Ее кумиром были вы? —
Что даст вам скучный брег Невы:
Ужель там больше веселятся,
Ужели балов больше там?
Нет! как мудрец скажу я вам:
Гораздо лучше оставаться.
Булгакову*

На вздор и шалости ты хват
И мастер на безделки
И, шутовской надев наряд,
Ты был в своей тарелке;
За службу долгую и труд
Авось на место класса
Тебе, мой друг, по смерти дадут
Чин и мундир паяса.
Сабуровой*

Как? вы поэта огорчили
И не наказаны потом?
Три года ровно вы шутили
Его любовью и умом?
Нет! вы не поняли поэта,
Его души печальный сон;
Вы небом созданы для света,
Но не для вас был создан он!..
Уваровой*

Вы мне однажды говорили,
Что не привыкли в свете жить:
Не спорю в этом; — но не вы ли
Себя заставили любить?
Всё, что привычкою другие
Приобретают — вы душой;
И что у них слова пустые,
То не обман у вас одной!
«Вы не знавали князь Петра...»*
Вы не знавали князь Петра;
Танцует, пишет он порою,
От ног его и от пера
Московским дурам нет покою;
Ему устать бы уж пора,
Ногами — но не головою.
1830–1831

Звезда («Вверху одна...»)*

Вверху одна
Горит звезда;
Мой взор она
Манит всегда;
Мои мечты
Она влечет
И с высоты
Меня зовет!
Таков же был
Тот нежный взор,
Что я любил
Судьбе в укор.
Мук никогда
Он зреть не мог,
Как та звезда
Он был далек.
Усталых вежд
Я не смыкал
И без надежд
К нему взирал!
Раскаянье*

К чему мятежное роптанье,
Укор владеющей судьбе?
Она была добра к тебе,
Ты создал сам свое страданье.
Бессмысленный, ты обладал
Душою чистой, откровенной,
Всеобщим злом незараженной,
И этот клад ты потерял.
Огонь любви первоначальной
Ты в ней решился зародить
И далее не мог любить,
Достигнув цели сей печальной.
Ты презрел всё; между людей
Стоишь, как дуб в стране пустынной,
И тихий плач любви невинной
Не мог потрясть души твоей.
Не дважды бог дает нам радость,
Взаимной страстью веселя;
Без утешения, томя,
Пройдет и жизнь твоя, как младость.
Ее лобзанье встретишь ты
В устах обманщицы прекрасной,
И будут пред тобой всечасно
Предмета первого черты.
О, вымолви ее прощенье,
Пади, пади к ее ногам,
Не то ты приготовишь сам
Свой ад, отвергнув примиренье.
Хоть будешь ты еще любить,
Но прежним чувствам нет возврата,
Ты вечно первую утрату
Не будешь в силах заменить.
Венеция*

1

Поверхностью морей отражена
Богатая Венеция почила,
Сырой туман дымился, и луна
Высокие твердыни осребрила.
Чуть виден бег далекого ветрила.
Студеная вечерняя волна
Едва шумит под веслами гондолы
И повторяет звуки баркаролы.

2

Мне чудится, что это ночи стон,
Как мы, своим покоем недовольной,
Но снова песнь! и вновь гитары звон!

О бойтесь, мужья, сей песни вольной.
Советую, хотя мне это больно,
Не выпускать красавиц ваших жен;
Но если вы в сей миг неверны сами,
Тогда, друзья! да будет мир меж вами!

3

И мир с тобой, прекрасный чичизбей,
И мир с тобой, лукавая Мелина.
Неситесь по прихоти морей,
Любовь нередко бережет пучина;
Хоть и над морем царствует судьбина,
Гонитель вечный счастливых людей,
Но талисман пустынного лобзанья
Уводит сердца темные мечтанья.

4

Рука с рукой, свободу дав очам,
Сидят в ладье и шепчут меж собою;
Она вверяет месячным лучам
Младую грудь с пленительной рукою,
Укрытые досель под епанчею,
Чтоб юношу сильнее прижать к устам;
Меж тем вдали то грустный, то веселый
Раздался звук обычной баркаролы:
Как в дальнем море ветерок,
Свободен вечно мой челнок;
Как речки быстрое русло,
Не устает мое весло.

Гондола по воде скользит,
А время по любви летит;
Опять сравнивается вода,
Страсть не воскреснет никогда.

«Я видел раз ее в веселом вихре бала...»*
Я видел раз ее в веселом вихре бала;
Казалось, мне она понравиться желала;
Очей приветливость, движений быстрота,
Природный блеск ланит и груди полнота –
Всё, всё наполнило б мне ум очарованьем,
Когда б совсем иным, бессмысленным желаньем
Я не был угнетен; когда бы предо мной
Не пролетала тень с насмешкою пустой,
Когда б я только мог забыть черты другие,
Лицо бесцветное и взоры ледяные!..

Подражание Байрону*

Не смейся, друг, над жертвою страстей,
Венец терновый я сужден влачить;
Не быть ей вечно у груди моей,
И что ж, я не могу другой любить.
Как цепь гремит за узником, за мной
Так мысль о будущем, и нет иной.
Я вижу длинный ряд тяжелых лет,
А там людьми презренный гроб, он ждет.
И до него надежды нет, и нет
За ним того, что ожидает тот,
Кто жил одной любовью, погубил
Всё в жизни для нее, а всё любил.
И вынести мог сей взор ледяный я
И мог тогда ей тем же отвечать.

Увижу на руках ее дитя
И стану я при ней его ласкать,
И в каждой ласке мать узнает вновь,
Что время не могло унести любовь!..

К Дурнову*

Довольно любил я, чтоб вечно грустить,
Для счастья же мало любил,
Но полно, что пользы мне душу открыть,
Зачем я не то, что я был?

В вечернее время, в час первого сна.
Как блещет туман средь долин,

На месте, где прежде бывала она,
Брожу беспокоен, один.
Тогда ты глаза и лицо примечай,
Движенья спеша понимать,
И если тебе удалось... то ступай!
Я больше не мог бы сказать.

Арфа*

I

Когда зеленый дерн мой скроет прах,
Когда, простясь с недолгим бытиём,
Я буду только звук в твоих устах,
Лишь тень в воображении твоём;
Когда друзья младые на пирах
Меня не станут поминать вином,
Тогда возьми простую арфу ты,
Она была мой друг и друг мечты.

II

Повесь ее в дому против окна,
Чтоб ветер осени играл над ней,
И чтоб ему ответила она
Хоть отголоском песен прошлых дней;
Но не проснется звонкая струна
Под белоснежною рукой твоей,
Затем что тот, кто пел твою любовь,
Уж будет спать, чтоб не проснуться вновь.

«На темной скале над шумящим Днепром...»*

На темной скале над шумящим Днепром
Растет деревцо молодое;
Деревцо мое ветер ни ночью, ни днем
Не может оставить в покое;
И, лист обрывая, ломает и гнет,
Но с берега в волны никак не сорвет.
Таков несчастливец, гонимый судьбой;
Хоть взяты желанья могилой,
Он должен влачить одинок под луной
Обломки сей жизни остылой;
Он должен надежды свои пережить
И с любовью в сердце бояться любить!
Песня («Не знаю, обманут ли был я...»)*

I

Не знаю, обманут ли был я,
Осмеян тобой или нет,
Но клянуся, что сам любил я,
И остался от этого след.
Заклинаю тебя всем небесным
И всем, что не сбудется вновь,
И счастьем мне неизвестным,
О, прости мне мою любовь.

II

Ты не веришь словам без искусства,
Но со временем эти листы
Тебе объяснят мои чувства
И то, что отвергнула ты.
И ты вздохнешь, может статься,
С слезою на ясных очах
О том, кто не будет нуждаться
Ни в печали чужой, ни в слезах.

III

И мир не увидит холодный
Ни желанье, ни грусть, ни мечты
Души молодой и свободной,
С тех пор как не видишь их ты.
Но если бы я возвратился
Ко дням позабытых тревог,
Вновь так же страдать я б решился
И любить бы иначе не мог.

Пир Асмодея*

(Сатира)

У беса праздник. Скачет представляться
Чертей и душ усопших мелкий сброд,
Кухмейстеры за кушаньем трудятся,
Прозябнувши, придворный в зале ждет.
И вот за стол все по чинам садятся,
И вот лакей картофель подает,
Затем что самодержец Мефистофель
Был родом немец и любил картофель.
По правую сидел приезжий <Павел>,
По левую начальник докторов,
Великий Фауст, муж отличных правил
(Распространять сужденья дураков
Он средство нам превечное доставил).
Сидят. Вдруг настезь дверь и звук шагов;
Три демона, войдя с большим поклоном,
Кладут свои подарки перед тронном.
1-ый демон (говорит)
Вот сердце женщины: она искала
От неба даже скрыть свои дела
И многим это сердце обещала
И никому его не отдала.
Она себе беды лишь не желала,
Лишь злобе до конца верна была.
Не откажись от скромного даянья,
Хоть эта вещь не стоила названья.
«C'est trop comtin!»[4] воскликнул бес державный
С презрительной улыбкою своей.
«Подарок твой подарок был бы славный,
Но новизна царица наших дней;
И мало ли случалось недавно,
И как не быть приятных мне вестей;
Я думаю, слышали даже стены
Про эти бесконечные измены».
2-ой демон
На стол твой я принес вино свободы;
Никто не мог им жажды утолить,
Его земные опились народы
И начали в куски короны бить;
Но как помочь? кто против общей моды?
И нам ли разрушенье усыпить?
Прими ж напиток сей, земли властитель,
Единственный мой царь и повелитель.
Тут все цари неволью взбеленились,
С тарелками вскочили с мест своих,
Бояся, чтобы черти не напились,
Чтоб и отсюда не прогнали их.
Придворные в молчании косились,
Смекнув, что лучше прочь в подобный миг:
Но главный бес с геройскою ухваткой
На землю выплеснул напиток сладкой.
3-ий демон
В Москву болезнь холеру притащили.
Врачи вступились за нее тотчас,
Они морили и они лечили
И больше уморили во сто раз.
Один из них, которому служили
Мы некогда, во-время вспомнил нас
И он кого-то хлору пить заставил
И к прадедам здорового отправил.
Сказал и подает стакан фатальный
Властителю поспешною рукой.
«Так вот сосуд любезный и печальный,
Драгой залог науки докторской.
Благодарю. Хотя с полночи дальней,
Но мне милее всех подарков твой»,
Так молвил Асмодей и всё смеялся,
Покуда пир вечерний продолжался.
Сон («я видел сон: прохладный гаснул день...»)*

Я видел сон: прохладный гаснул день,
От дома длинная ложилась тень,
Луна, взойдя на небе голубом,
Играла в стеклах радужным огнем;
Всё было тихо, как луна и ночь,
И ветер не мог дремоты превозмочь.
И на большом крыльце меж двух колонн
Я видел деву; как последний сон
Души, на небо призванной, она
Сидела тут пленительна, грустна;
Хоть, может быть, притворная печаль
Блестела в этом взоре, но едва ль.
Ее рука так трепетна была,
И грудь ее младая так тепла;
У ног ее (ребенок, может быть)
Сидел... ах! рано начал он любить,
Во цвете лет, с привязчивой душой,
Зачем ты здесь, страдалец молодой?
И он сидел и с страхом руку жал,
И глаз ее движенья провожал.
И не прочел он в них судьбы завет,
Мучение, заботы многих лет,
Болезнь души, потоки горьких слез,
Всё, что оставил, всё, что перенес;
И дорожил он взглядом тех очей,
Причиною погибели своей...
На картину Рембрандта*
Ты понимал, о мрачный гений,
Тот грустный безотчетный сон,
Порыв страстей и вдохновений,
Всё то, чем удивил Байрон.
Я вижу лик полуоткрытый
Означен резкою чертой;
То не беглец ли знаменитый
В одежде инока святой?
Быть может, тайным преступленьем
Высокий ум его убит;
Всё темно вокруг: тоской, сомненьем
Надменный взгляд его горит.
Быть может, ты писал с природы,
И этот лик не идеал!
Или в страдальческие годы
Ты сам себя изображал?
Но никогда великой тайны
Холодный не проникнет взор,
И этот труд необычайный
Бездушным будет злой укор.
К *** («О, полно извинять разврат...»)*
О, полно извинять разврат!
Ужель злодеям щит порфира?
Пусть их глупцы боготворят,
Пусть им звучит другая лира;
Но ты остановись, певец,
Златой венец не твой венец.
Изгнаньем из страны родной
Хвались повсюду как свободой;
Высокой мыслью и душой
Ты рано одарен природой;
Ты видел зло и перед злом
Ты гордым не поник челом.
Ты пел о вольности, когда
Тиран гремел, грозили казни;
Боясь лишь вечного суда
И чуждый на земле боязни,
Ты пел, и в этом есть краю
Один, кто понял песнь твою.
Прощанье («Прости, прости!..»)*
Прости, прости!

О сколько мук
Произвести
Сей может звук.
В далекий край
Уносишь ты
Мой ад, мой рай,
Мои мечты.
Твоя рука
От уст моих
Так далека,
О лишь на миг,
Прошу, приди
И оживи
В моей груди
Огонь любви.
Я здесь больной,
Один, один,
С моей тоской,
Как властелин.
Разлуку я
Переживу ль,
И ждать тебя
Назад могу ль?
Пусть я прижму
Уста к тебе
И так умру
На зло судьбе.
Что за нужда?
Прощанья час
Пускай тогда
Застанет нас!
К приятелю*
Мой друг, не плачь перед разлукой
И преждевременную мукой
Младое сердце не тревожь,
Ты сам же после осмеешь
Тоску любви легковерной,
Которая закралась в грудь.
Что раз потеряно, то, верно,
Вернется к нам когда-нибудь.
Но невиновен рок бывает,
Что чувство в нас неглубоко,
Что наше сердце изменяет
Надеждам прежним так легко,
Что, получив опять предметы,
Недавно взятые судьбой,
Не узнаём мы их приметы,
Не прельщены их красотой;
И даже прежнему пристрастью
Не верим слабую душой,
И даже то относим к счастью,
Что нам казалось бедой.
Смерть («Оборвана цепь жизни молодой»)*
Оборвана цепь жизни молодой,
Окончен путь, бил час, пора домой,
Пора туда, где будущего нет,
Ни прошлого, ни вечности, ни лет;
Где нет ни ожиданий, ни страстей,
Ни горьких слез, ни славы, ни честей.
Где вспоминанье спит глубоким сном,
И сердце в тесном доме гробовом
Не чувствует, что червь его грызет.
Пора. Устал я от земных забот.
Ужель бездушных удовольствий шум,
Ужели пытки бесполезных дум,
Ужель самолюбивая толпа,
Которая от мудрости глупа,
Ужели дев коварная любовь

Прельстят меня перед кончиной вновь?

Ужели захочу я жить опять,
Чтобы душой попрежнему страдать
И столько же любить? Всесильный бог,
Ты знал: я долее терпеть не мог;
Пускай меня обхватит целый ад,
Пусть буду мучиться, я рад, я рад,
Хотя бы вдвое против прошлых дней,
Но только дальше, дальше от людей.
Волны и люди*

Волны катятся одна за другою
С плеском и шумом глухим;
Люди проходят ничтожной толпою
Также один за другим.
Волнам их воля и холод дороже
Знойных полудня лучей;
Люди хотят иметь души... и что же?—
Души в них волн холодней!
Звуки*

Что за звуки! неподвижен внемлю
Сладким звукам я;
Забываю вечность, небо землю,
Самого себя.
Всемогущий! что за звуки! жадно
Сердце ловит их,
Как в пустыне путник безотрадной
Каплю вод живых!
И в душе опять они рождают
Сны веселых лет
И в одежду жизни одевают
Всё, чего уж нет.
Принимают образ эти звуки,
Образ милый мне;
Мнится, слышу тихий плач разлуки,
И душа в огне.
И опять безумно упиваюсь
Ядом прежних дней,
И опять я в мыслях полагаюсь
На слова людей.

11 июля*

Между лиловых облаков
Однажды вечера светило
За снежной цепью холмов,
Краснея ярко, заходило,
И возле девы молодой,
Последним блеском озаренной,
Стоял я бледный, чуть живой,
И с головы ее бесценной
Моих очей я не сводил.
Как долго это я мгновенье
В туманной памяти хранил.
Ужель всё было сновиденье:
И ложе девы, и окно,
И трепет милых уст, и взгляды,
В которых мне запрещено
Судьбой искать себе отрады?
Нет, только счастье ослепить
Умеет мысли и желанья,
И сном никак не может быть
Всё, в чем хоть искра есть страданья!
Первая любовь*

В ребячестве моем тоску любви знойной
Уж стал я понимать душою беспокойной;
На мягком ложе сна не раз во тьме ночной,
При свете трепетном лампы образной,
Воображением, предчувствием томимый,
Я предавал свой ум мечте непобедимой.
Я видел женский лик, он хладен был, как лед,

И очи – этот взор в груди моей живет;
Как совесть душу он хранит от преступлений;
Он след единственный младенческих видений.
И деву чудную любил я, как любить
Не мог еще с тех пор, не стану, может быть.
Когда же улетал мой призрак драгоценный,
Я в одиночестве кидал свой взгляд смущенный
На стены желтые, и мнилось, тени с них
Сходили медленно до самых ног моих.
И мрачно, как они, воспоминанье было
О том, что лишь мечта и между тем так мило.
Поле Бородина*

1

Всю ночь у пушек пролежали
Мы без палаток, без огней,
Штыки вострили да шептали
Молитву родины своей.
Шумела буря до рассвета;
Я, голову подняв с лафета,
□Товарищу сказал:
«Брат, слушай песню непогоды:
Она дика, как песнь свободы».
Но, вспоминая прежние годы,
□Товарищ не слышал.

2

Пробили зорю барабаны,
Восток туманный побелел,
И от врагов удар неожиданный
На батарею прилетел.
И вождь сказал перед полками:
«Ребята, не Москва ль за нами?
□Умремте ж под Москвой,
Как наши братья умирали».
И мы погибнуть обещали,
И клятву верности сдержали
□Мы в бородинский бой.

3

Что Чесма, Рымник и Полтава?
Я вспомню леденю весь,
Там души волновала слава,
Отчаяние было здесь.
Безмолвно мы ряды сомкнули,
Гром грянул, завизжали пули,
□Перекрестился я.
Мой пал товарищ, кровь лилася,
Душа от мщенья тряслась,
И пуля смерти понеслася
□Из моего ружья.

4

Марш, марш! пошли вперед, и боле
Уж я не помню ничего.
Шесть раз мы уступали поле
Врагу и брали у него.
Носились знамена, как тени,
Я спорил о могильной сени,
□В дыму огонь блестел,
На пушки конница летала,
Рука бойцов колоть устала,
И ядрам пролетать мешала
□Гора кровавых тел.

5

Живые с мертвыми сравнялись;
И ночь холодная пришла,
И тех, которые остались,
Густою тьмою развела.
И батареи замолчали,
И барабаны застучали,
□Противник отступил:

Но день достался нам дороже!
В душе сказав: помилуй боже!
На труп застывший, как на ложе,
□Я голову склонил.

б

И крепко, крепко наши спали
Отчизны в роковую ночь.
Мои товарищи, вы пали!
Но этим не могли помочь.
Однако же в преданьях славы
Всё громче Рымника, Полтавы
□Гремит Бородино
Скорей обманет глас пророчий,
Скорей небес погаснут очи,
Чем в памяти сынов полночи
□Изгладится оно.

Мой дом*

Мой дом везде, где есть небесный свод,
Где только слышны звуки песен,
Всё, в чем есть искра жизни, в нем живет,
Но для поэта он не тесен.
До самых звезд он кровлей достигает,
И от одной стены к другой
Далекий путь, который измеряет
Жилец не взором, но душой.
Есть чувство правды в сердце человека,
Святое вечности зерно:
Пространство без границ, течение века
Объемлет в краткий миг оно.
И всемогущим мой прекрасный дом
Для чувства этого построен,
И осужден страдать я долго в нем
И в нем лишь буду я спокоен.
Смерть («Ласкаемый цветущими мечтами...»)*
Ласкаемый цветущими мечтами,
Я тихо спал и вдруг я пробудился,
Но пробужденье тоже было сон;
И думая, что цепь обманчивых
Видений мной разрушена, я вдвое
Обманут был воображеньем, если
Одно воображение творит
Тот новый мир, который заставляет
Нас презирать бесчувственную землю.
Казалось мне, что смерть дыханьем хладным
Уж начинала кровь мою студить;
Не часто сердце билось, но крепко,
С болезненным каким-то содроганьем,
И тело, видя свой конец, старалось
Вновь удержать души нетерпеливой
Порывы, но товарищу былому
С досадою душа внимала, и укоры
Их расставанье сделали печальным.
Между двух жизней в страшном промежутке
Надежд и сожалений, ни об той,
Ни об другой не мыслил я, одно
Сомненье волновало грудь мою,
Последнее сомненье! я не мог
Понять, как можно чувствовать блаженство
Иль горькие страдания далеко
От той земли, где в первый раз я понял,
Что я живу, что жизнь моя безбрежна,
Где жадно я искал самопознанья,
Где столько я любил и потерял,
Любил согласно с этим бренным телом,
Без коего любви не понимал я.
Так думал я и вдруг душой забылся,
И чрез мгновенье снова жил я,
Но не видал вокруг себя предметов

Земных и более не помнил я
Ни боли, ни тяжелых беспокойств
О будущей судьбе моей и смерти:
Всё было мне так ясно и понятно
И ни о чем себя не вопрошал я,
Как будто бы вернулся я туда,
Где долго жил, где всё известно мне,
И лишь едва чувствительная тягость
В моем полете мне напоминала
Мое земное краткое изгнание.
Вдруг предо мной в пространстве бесконечном
С великим шумом развернулась книга
Под неизвестною рукой. И много
Написано в ней было. Но лишь мой
Ужасный жребий ясно для меня
Начертан был кровавыми словами:
Бесплотный дух, иди и возвратись
На землю. Вдруг пред мной исчезла книга,
И опустело небо голубое;
Ни ангел, ни печальный демон ада
Не рассекал крылом полей воздушных,
Лишь тусклые планеты, пробегая,
Едва кидали искру на пути.
Я вздрогнул, прочитав свой жребий.
Как? Мне лететь опять на эту землю,
Чтоб увидеть ряды тех зол, которым
Причиной были детские ошибки?
Увижу я страдания людей
И тайных мук ничтожные причины
И к счастью людей увижу средства,
И невозможно будет научить их.
Но так и быть, лечу на землю. Первый
Предмет могила с пышным мавзолеем,
Под коим труп мой люди схоронили.
И захотелось мне в гроб проникнуть,
И я сошел в темницу, длинный гроб,
Где гнил мой труп, и там остался я.
Здесь кость была уже видна, здесь мясо
Кусками синее висело, жилы там
Я примечал с засохшею в них кровью.
С отчаяньем сидел я и взирал,
Как быстро насекомые роились
И жадно поедали пищу смерти.
Червяк то выползал из впадин глаз,
То вновь скрывался в безобразный череп.
И что же? каждое его движенье
Меня терзало судорожной болью.
Я должен был смотреть на гибель друга,
Так долго жившего с моей душою,
Последнего, единственного друга,
Делившего ее печаль и радость,
И я помочь желал, но тщетно, тщетно.
Уничтоженья быстрые следы
Текли по нем, и черви умножались,
И спорили за пищу остальную,
И смрадную, сырую кожу грызли.
Остались кости, и они исчезли,
И прах один лежал наместо тела.
Одной исполнен мрачною надеждой,
Я припадал на бранные остатки,
Стараясь их дыханием согреть,
Иль оживить моей бессмертной жизнью;
О сколько б отдал я тогда земных
Блаженств, чтоб хоть одну, одну минуту
Почувствовать в них теплоту. Напрасно,
Закону лишь послушные, они
Остались хладны, хладны как презренье.
Тогда изрек я дикие проклятья

На моего отца и мать, на всех людей.
С отчаяньем бессмертья долго, долго,
Жестокого свидетель разрушенья,
Я на творца роптал, страшась молиться,
И я хотел изречь хулы на небо,
Хотел сказать...
Но замер голос мой, и я проснулся.
Стансы («Мне любить до могилы с отцом суждено...»)*
Мне любить до могилы творцом суждено,
Но по воле того же творца
Всё, что любит меня, то погибнуть должно,
Иль как я же страдать до конца.
Моя воля надеждам противна моим,
Я люблю и страшусь быть взаимно любим.
На пустынной скале незабудка весной
Одна без подруг расцвела,
И ударила буря и дождь проливной,
И как прежде недвижна скала;
Но красивый цветок уж на ней не блестит,
Он ветром надломлен и градом убит.
Так точно и я под ударом судьбы,
Как утес неподвижен стою,
Но не мысли никто перенести сей борьбы,
Если руку пожмет он мою;
Я не чувств, но поступков своих властелин,
Я несчастлив пусть буду – несчастлив один.
Солнце осени*
Люблю я солнце осени, когда,
Меж тучек и туманов пробираясь,
Оно кидает бледный, мертвый луч
На дерево, колеблемое ветром,
И на сырую степь. Люблю я солнце,
Есть что-то схожее в прощальном взгляде
Великого светила с тайной грустью
Обманутой любви; не холодней
Оно само собою, но природа
И всё, что может чувствовать и видеть,
Не могут быть согреты им; так точно
И сердце: в нем всё жив огонь, но люди
Его понять однажды не умели,
И он в глазах блеснуть не должен вновь
И до ланит он вечно не коснется.
Зачем вторично сердцу подвергать
Себя насмешкам и словам сомненья?
Поток*
Источник страсти есть во мне
Великий и чудесный;
Песок серебряный на дне,
Поверхность лик небесный;
Но беспрестанно быстрый ток
Воротит и крутит песок,
И небо над водами
Одето облаками.
Родится с жизнью этот ключ
И с жизнью исчезает;
В ином он слаб, в другом могуч,
Но всех он увлекает;
И первый счастлив, но такой
Я праздный отдал бы покой
За несколько мгновений
Блаженства иль мучений.
К *** («Не ты, но судьба виновата была...»)*
Не ты, но судьба виновата была,
Что скоро ты мне изменила,
Она тебе прелести женщин дала,
Но женское сердце вложила.
Как в море широком следы челнока,
Мгновенье его впечатленья,

Любовь для него, как веселье, легка,
А горе не стоит мгновенья.
Но в час свой урочный узнает оно
Цепей неизбежное бремя.
Прости, нам расстаться теперь суждено,
Расстаться до этого время.
Тогда я опять появлюсь пред тобой,
И речь моя ум твой встревожит,
И пусть я услышу ответ роковой,
Тогда ничего не поможет.
Нет, нет! милый голос и пламенный взор
Тогда своей власти лишатся;
Вослед за тобой побегит мой укор
И в душу он будет впиваться.
И мщенье, напомнив, что я перенес,
Уста мои к смеху принудит,
Хоть эта улыбка всех, всех твоих слез
Гораздо мучительней будет.
Ночь («в чугун печальный сторож бьет...»)*
В чугун печальный сторож бьет,
Один я внемлю. Глухо лают
Вдали собаки. Мрачен свод
Небес, и тучи пробегают
Одна безмолвно за другой,
Сливаясь под ночью мглой.
Колеблет ветер влажный, душный
Верхи дерев, и с воем он
Стучит в оконницы. Мне скушно,
Мне тяжело бденье, страшен сон;
Я не хочу, чтоб сновиденье
Являло мне ее черты;
Нет, я не раб моей мечты
Я в силах перенести мученье
Глубоких дум, сердечных ран,
Всё, – только не ее обман.
Я не скажу «прости» надежде,
Молве не верю; если прежде
Она могла меня любить,
То ей ли можно изменить?
Но отчего же? Разве нету
Примеров, первый ли урок
Во мне теперь дается свету?
Как я забыт, как одинок.
<Шуми>, шуми же, ветер ночи,
Играй свободно в небесах
И освежи мне грудь и очи.
В груди огонь, слеза в очах,
Давно без пищи этот пламень,
И слезы падают на камень.
К себе*
Как я хотел себя уверить,
Что не люблю ее, хотел
Неизмеримое измерить,
Любви безбрежной дать предел.
Мгновенное пренебреженье
Ее могущества опять
Мне доказало, что влеченье
Души нельзя нам побеждать;
Что цепь моя несокрушима,
Что мой теперешний покой
Лишь глас залетный херувима
Над сонной демонов толпой.
«Душа моя должна прожить в земной неволе...»*
Душа моя должна прожить в земной неволе
Не долго. Может быть, я не увижу боле
Твой взор, твой милый взор, столь нежный для других,
Звезду приветную соперников моих;
Желаю счастья им. Тебя винить безбожно

За то, что мне нельзя всё, всё, что им возможно;

Но если ты ко мне любовь хотела скрыть,
Казаться хладною и в тишине любить,
Но если ты при мне смеялась надо мною,
Тогда как внутренне полна была тоскою,
То мрачный мой тебе пускай покажет взгляд,
Кто более страдал, кто боле виноват!
Песня («Колокол стонет...»)*

Колокол стонет,
Девушка плачет,
И слезы по четкам бегут.

Насильно,
Насильно

От мира в обители скрыта она,
Где жизнь без надежды и ночи без сна.

Так мое сердце
Грудь беспокоит
И бьется, бьется, бьется.

Велела,
Велела

Судьба мне любовь от него оторвать
И деву забыть, хоть тому не бывать.

Смерть и бессмертье,
Жизнь и погибель
И деве и сердцу ничто;

У сердца
И девы

Одно лишь страданье, один лишь предмет:
Ему счастья надо, ей надобен свет.

«Пускай поэта обвиняет...»*

Пускай поэта обвиняет
Насмешливый, безумный свет,
Никто ему не помешает,
Он не услышит мой ответ.

Я сам собою жил доньше,
Свободно мчится песнь моя,
Как птица дикая в пустыне,
Как вдаль по озеру ладья.

И что за дело мне до света,
Когда сидишь ты предо мной,
Когда рука моя согрета
Твоей волшебною рукой;
Когда с тобой, о дева рая,
Я провожу небесный час,
Не беспокоясь, не страдая,
Не отворачивая глаз.

Слава*

К чему ищу так славы я?

Известно, в славе нет блаженства,
Но хочет всё душа моя
Во всем дойти до совершенства.

Пронзая будущего мрак,
Она бессильная страдает
И в настоящем всё не так,
Как бы хотелось ей, встречает.

Я не страшился бы суда,
Когда б уверен был веками,
Что вдохновенного труда
Мир не обидит клеветами;

Что станут верить и внимать
Повествованью горькой муки
И не осмелятся равнять
С земным небес живые звуки.

Но не достигну я ни в чем
Того, что так меня тревожит:

Всё кратко на шару земном,
И вечно слава жить не может.
Пускай поэта грустный прах

Хвалою освятит потомство,
Где ж слава в кратких похвалах?
Людей известно вероломство.
Другой заставит позабыть
Своею песнию высокой
Певца, который кончил жить,
Который жил так одинокой.
Вечер*

Когда садится алый день
За синий край земли,
Когда туман встает, и тень
Скрывает всё вдали,
Тогда я мыслю в тишине
Про вечность и любовь,
И чей-то голос шепчет мне:
Не будешь счастлив вновь.
И я гляжу на небеса
С покорною душой,
Они свершали чудеса,
Но не для нас с тобой,
Не для ничтожного глупца,
Которому твой взгляд
Дороже будет до конца
Небесных всех наград.

«Хоть давно изменила мне радость...»*
Хоть давно изменила мне радость,
Как любовь, как улыбка людей,
И померкнуло прежде, чем младость,
Светило надежды моей;
Но судьбу я и мир презираю,
Но нельзя им унижить меня,
И я хладно приход ожидаю
Кончины иль лучшего дня.
Словам моим верить не станут,
Но клянуся в нелживости их:
Кто сам был так часто обманут,
Обмануть не захочет других.
Пусть жизнь моя в бурях несется,
Я беспечен, я знаю давно,
Пока сердце в груди моей бьется,
Не увидит блаженства оно.
Одна лишь сырая могила
Успокоит того, может быть,
Чья душа слишком пылко любила,
Чтобы мог его мир полюбить.

Звуки и взор*
О, полно ударять рукой
По струнам арфы золотой.
Смотри, как сердце воли просит,
Слеза катится из очей;
Мне каждый звук опять приносит
Печали пролетевших дней.
Нет, лучше с трепетом любви
Свой взор на мне останови,
Чтоб роковое воспоминанье
Я в настоящем утопил
И всё свое существованье
В единый миг переселил.
Земля и небо*

Как землю нам больше небес не любить?
Нам небесное счастье темно;
Хоть счастье земное и меньше в сто раз,
Но мы знаем, какое оно.
О надеждах и муках былых вспоминать
В нас тайная склонность кипит;
Нас тревожит неверность надежды земной,
А краткость печали смешит.
Страшна в настоящем бывает душе

Грядущего темная даль;
Мы блаженство желали б вкусить в небесах,
Но с миром расстаться нам жаль.
Что во власти у нас, то приятнее нам,
Хоть мы ищем другого порой,
Но в час расставанья мы видим ясней,
Как оно породнилось с душой.
К *** («Дай руку мне, склонись к груди поэта...»)*
Дай руку мне, склонись к груди поэта,
Свою судьбу соедини с моей:
Как ты, мой друг, я не рожден для света
И не умею жить среди людей;
Я не имел ни время, ни охоты
Делить их шум, их мелкие заботы,
Любовь мое всё сердце заняла,
И что ж, взгляни на бледный цвет чела.
На нем ты видишь след страстей уснувших,
Так рано обуявших жизнь мою;
Не льстит мне вспоминанье дней минувших,
Я одинок над пропастью стою,
Где всё мое подавлено судьбою;
Так куст растет над бездною морскою,
И лист, грозой оборванный, плывет
По произволу странствующих вод.
Из Андрея Шенье*
За дело общее, быть может, я паду,
Иль жизнь в изгнании бесплодно проведу;
Быть может, клеветой лукавой пораженный,
Пред миром и тобой врагами униженный,
Я не снесу стыдом сплетаемый венец
И сам себе сыщу безвременный конец;
Но ты не обвиняй страдальца молодого,
Молю, не говори насмешливого слова.
Ужасный жребий мой твоих достоин слез,
Я много сделал зла, но больше перенес.
Пускай виновен я пред гордыми врагами,
Пускай отмстят; в душе, клянуся небесами,
Я не злодей, о нет, судьба губитель мой;
Я грудью шел вперед, я жертвовал собой;
Наскучив суетой обманчивого света,
Торжественно не мог я не сдержать обета;
Хоть много причинил я обществу вреда,
Но верен был тебе всегда, мой друг, всегда;
В уединении, среди толпы мятежной,
Я всё тебя любил и всё любил так нежно.
К *** («Не медли в дальней стороне...»)*
Не медли в дальней стороне,
Молю, мой друг, спеши сюда.
Ты взгляд мгновенный кинешь мне,
А там простимся навсегда.
И я, поймавши этот взор
И речь последнюю твою,
Хоть б она была укор,
Их вместе в сердце схороню.
И в день печали роковой
Твой взор, умеющий язвить,
Воображу перед собой
И стану речь твою твердить.
И вновь мечтанье сблизит нас,
И вспомню, вспомню я тогда,
Как встретились мы в первый раз
И как расстались навсегда.
Сосед*
Погаснул день на вышинах небесных,
Звезда вечерняя лиет свой тихий свет;
Чем занят бедный мой сосед?
Чрез садик небольшой, между ветвей древесных,
Могу заметить я, в его окне

Блестит огонь; его простая келья
Чужда забот и светского веселья,
И этим нравится он мне.
Прохожие об нем различно судят,
И все его готовы порицать,
Но их слова соседа не принудят
Лампаду ранее иль позже зажигать.
И только я увижу свет лампы,
Сажусь тотчас у своего окна,
И в этот миг таинственной отрады
Душа моя мятежная полна.
И мнится мне, что мы друг друга понимаем,
Что я и бедный мой сосед,
Под бременем одним страдая, увядаем,
Что мы знакомы с давних лет.
Стансы («Не могу на родине томиться...»)*
Не могу на родине томиться,
Прочь отсель, туда, в кровавый бой.
Там, быть может, перестанет биться
Это сердце, полное тобой.
Нет, я не прошу твоей любви,
Нет, не знай губительных страстей;
Видеть смерть мне надо, надо крови,
Чтоб залить огонь в груди моей.
Пусть паду, как ратник в бранном поле.
Не оплакан светом буду я,
Никому не будет в тягость боле
Буря чувств моих и жизнь моя.
Юных лет святые обещанья
Прекратит судьба на месте том,
Где без дум, без вопля, без роптанья
Я усну давно желанным сном.
Так, но если я не позабуду
В этом сне любви печальный сон,
Если образ твой всегда повсюду
Я носить с собою осужден;
Если там в пределах отдаленных,
Где душа должна блаженство пить,
Тяжких язв, на ней напечатленных,
Невозможно будет излечить;
О взгляни приветно в час разлуки
На того, кто с гордою душой
Не боится ни людей, ни муки,
Кто умрет за честь страны родной;
Кто, бывало, в тайном упоенье,
На тебя вперив свой влажный взгляд,
Возбуждал людское сожаленье
И твоей улыбке был так рад.
Мой демон (1830–1831)*

1

Собранье зол его стихия;
Носясь меж темных облаков,
Он любит бури роковые
И пену рек и шум дубров;
Он любит пасмурные ночи,
Туманы, бледную луну,
Улыбки горькие и очи
Безвестные слезам и сну.

2

К ничтожным хладным толкам света
Привык прислушиваться он,
Ему смешны слова привета
И всякий верящий смешон;
Он чужд любви и сожаленья,
Живет он пищею земной,
Глокает жадно дым сраженья
И пар от крови пролитой.

3

Родится ли страдалец новый,
Он беспокоит дух отца,
Он тут с насмешкою суровой
И с дикой важностью лица;
Когда же кто-нибудь нисходит
В могилу с трепетной душой,
Он час последний с ним проводит,
Но не утешен им больно́й.

4

И гордый демон не отстанет,
Пока живу я, от меня
И ум мой озарять он станет
Лучом чудесного огня;
Покажет образ совершенства
И вдруг отнимет навсегда
И, дав предчувствия блаженства,
Не даст мне счастья никогда.
Романс («Хоть бегут по струнам звуки веселья...»)*
Хоть бегут по струнам моим звуки веселья,
Они не от сердца бегут;
Но в сердце разбитом есть тайная келья,
Где черные мысли живут.
Слеза по щеке огневая катится,
Она не из сердца идет.
Что́ в сердце, обманутом жизнью, хранится,
То в нем и умрет.
Не смейте искать в сей груди сожаленья.
Питомцы надежд золотых;
Когда я свои презираю мученья, –
Что́ мне до страданий чужих?
Умершей девицы очей охладевших
Не должен мой взор увидеть;
Я б много припомнил минут пролетевших,
А я не люблю вспоминать!
Нам память являет ужасные тени,
Кровавый былого призрак,
Он вновь призывает к оставленной сени,
Как в бурю над морем маяк,
Когда ураган по волнам веселится,
Смеется над бедным челном,
И с криком пловец без надежд воротиться
Жалеет о крае родном.

Комментарии

Тексты стихотворений М. Ю. Лермонтова воспроизводятся по следующим источникам.

1. «Стихотворения М. Лермонтова», СПб., 1840.
2. Журналы, альманахи и сборники, в которых напечатаны произведения поэта при его жизни.
3. Автографы и авторизованные копии.
4. Наиболее авторитетные копии, сделанные различными лицами при жизни поэта и в позднейшее время.
5. Посмертные публикации стихотворений, автографы и копии которых не сохранились.

* * *

При жизни Лермонтова появился лишь один сборник его стихотворений (1840), содержащий 26 стихотворений и две поэмы.

Отдельные стихотворения и группы стихотворений Лермонтов печатал в «Отечественных записках» в 1839, 1840 и в 1841 годах (по июль включительно); в других изданиях напечатаны стихотворения «Весна» («Атеней», 1830), «Бородино» («Современник», 1837), «Узник» и «Ангел» («Одесский альманах» на 1840 год), «И скучно и грустно» («Литературная газета», 1840) и «Спор» («Москвитянин», 1841).

ние сочинений в шести томах. Том 1. Стихотворения 1828–1831. Михаил Юрьевич Лермонтов Termontovmikh
Наиболее значительная часть рукописных текстов стихотворений М. Ю. Лермонтова находится в его рабочих, черновых и беловых тетрадях, которые хранились в Лермонтовском музее при Николаевском кавалерийском училище, а в 1917 году поступили в Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР. Это тетради II, III, IV, V, VI, VII, VIII, X, XI, XV, XVIII, XX, XXI (по нумерации Лермонтовского музея). К ним следует присоединить тетрадь XXIIa (так называемая Казанская тетрадь, являющаяся частью тетради XXI); тетрадь была обнаружена и поступила в Институт русской литературы в 1947 году.

В большинстве случаев Лермонтов сам ставил дату написания стихотворений на обложке тетради, в заголовке или в конце текстов. На этом основании – по нахождению в той или иной тетради или же по положению стихотворений внутри тетради – и датируется значительное число текстов Лермонтова. Так, стихотворения, находящиеся в тетради II, датируются по помете Лермонтова на обложке 1829 годом; стихотворения, находящиеся в тетради XI – 1831 годом; стихотворение «Прекрасны вы, поля земли родной», расположенное в тетради XI после стихотворения «Сентября 28», но до стихотворения «Ужасная судьба отца и сына», в котором говорится о смерти отца поэта Ю. П. Лермонтова (ум. 1 октября 1831 года), – датируется по положению в тетради XI осенью 1831 года и т. д.

В некоторых случаях установление даты написания стихотворений было связано с известными трудностями. Так, стихотворения, находящиеся в тетради IV после поэмы «Демон», долгое время ошибочно датировались 1830 годом. Лермонтовская помета о годе написания данной редакции поэмы была перенесена и на стихотворения, которые, как теперь установлено, были вписаны в тетрадь значительно позднее, в 1831 и в 1832 годах (см. Соч. изд. «Academia», стр. 417–418).

Часть юношеских стихотворений Лермонтова печатается в настоящем издании без точного обозначения даты. Это стихотворения, находящиеся в тетради XX (сборник писарских копий с поправками Лермонтова) и относящиеся к 1830 или 1831 году. Автографы большей части стихотворений данной группы не сохранились. Однако, исходя из содержания стихотворений, все же удалось сделать некоторые уточнения. Так, стихотворение «Унылый колокола звон» по содержанию несомненно развивает мысль двух других стихотворений Лермонтова, написанных им в 1831 году – «Метель шумит и снег валит» и «Кто в утро зимнее, когда валит». На этом основании стихотворение отнесено к 1831 году.

Автографы Лермонтова имеются также в альбомах П. А. Бартеневой, А. Д. Боратынской (рожд. Абамелек), Н. И. Поливанова, А. О. Смирновой, А. А. Углицкой–Альбрехт, З. И. Юсуповой–Шове.

Наряду с богатейшим собранием автографов и копий стихотворений М. Ю. Лермонтова, которым располагает Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР, [5] к изданию привлечено собрание рукописей М. Ю. Лермонтова, находящихся в рукописном отделении Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова–Щедрина (Ленинград). [6] В этом собрании хранятся автографы таких значительных стихотворений, как «Смерть Поэта», а также стихотворений, написанных поэтом в последние годы и месяцы его жизни и находящихся в альбоме М. Ю. Лермонтова, в записной книжке, подаренной Лермонтову В. Ф. Одоевским. Последняя заполнена Лермонтовым с двух концов – отсюда двойная пагинация.

Отдельные автографы Лермонтова находятся в тетради поэта с записью лекций, читавшихся в юнкерской школе (например стихотворение «Когда надежде недоступный» в тетради «Лекции из географии»), в письмах Лермонтова разным лицам (стихотворения «Парус», «Он был рожден для счастья», «Что толку жить» в письмах к М. А. Лопухиной и другие).

В Государственном Историческом музее (Москва) хранится так называемая «тетрадь Чертковской библиотеки», которая содержит «собственноручные бумаги Лермонтова» (надпись на переплете), находившиеся у А. П. Шан-Гирея. В тетради автографы и копии стихотворений, использованные в качестве источников текста. [7]

Там же альбом автографов, принадлежавший М. К. Полуденскому, где среди записей разных лиц находится и автограф стихотворения Лермонтова, посвященного А. О. Смирновой.

Альбомы автографов имеются в Центральном Государственном литературном архиве: [8] альбом кн. П. А. Вяземского с автографом Лермонтова «Мы ждем тебя, спешим»,

ние сочинений в шести томах. Том 1. Стихотворения 1828–1831. Михаил Юрьевич Лермонтов Termontovmikh
Бухаров» и альбом С. А. Рачинского с автографами стихотворений «Смерть поэта» (черновик первой части), «Посреди небесных тел», «И скучно и грустно», «Портрет».

Кроме того, автографы Лермонтова имеются в Отделе рукописей Государственной Библиотеки СССР имени В. И. Ленина (Москва) – стихотворения «Валерик», «Спор», «Когда волнуется желтеющая нива» и другие, [9] а также тетрадь А. С. Солоницкого из собрания Н. С. Тихонравова.

В ряде случаев первоисточниками текста послужили копии стихотворений Лермонтова. Таковы копии В. Х. Хохрякова, П. А. Висковатова (например стихотворения «Крест на скале», «В рядах стояли безмолвной толпой», «Юнкерская молитва» и другие, автографы которых не известны). Иногда, даже при наличии автографов, первоисточниками являются печатные публикации или копии, если они дают позднейшую, законченную авторскую редакцию. Так, стихотворение «Зови надежду сновиденьем» печатается не по автографу, а по тексту, опубликованному Е. А. Сушковой-Хвостовой в «Библиотеке для чтения» (1844); «Стансы» («Мгновенно пробежав умом») печатаются не по автографу, а по копии из альбома М. Д. Жедринской, и т. д.

Первые посмертные публикации больших групп стихотворений по имеющимся автографам были осуществлены: А. А. Краевским в «Отечественных записках» в 1841 (начиная с августа), 1842 и 1843 годах; А. Н. Афанасьевым, П. А. Ефремовым, М. П. Полуденским, С. А. Рачинским в «Библиографических записках» (1858, 1859 и 1861); С. С. Дудышкиным в «Отечественных записках» (1859); П. А. Ефремовым, П. А. Висковатовым в «Русской старине» (1872, 1873, 1875, 1877 и 1882); П. А. Висковатовым в «Русской мысли» (1881, 1882, 1883 и 1884); И. М. Болдаковым в «Северном вестнике» (1889, 1891); А. И. Соколовым в «Саратовском справочном листке» (1875, 1876; в Саратове в 1875 году была найдена нынешняя тетрадь XX) и др. Кроме того, отдельные стихотворения публиковались в «Утренней заре» (1842), «Современнике» (1854, 1857), «Атенее» (1858), «Русском архиве» (1863, 1867, 1871, 1872), альманахе «Радуга» (1922), «Литературной газете» (1939) и «Литературном наследстве» (т. 19–21, 1935 и т. 58, 1952).

В тех случаях, когда автографы утрачены, стихотворения печатаются по посмертным публикациям. Например: стихотворение «Графине Ростопчиной» печатается по сборнику «Русская беседа» (СПб., 1841, т. II); стихотворение «А. Г. Хомутовой» – по украинскому литературному сборнику «Молодик» на 1844 год; стихотворение «Он был в краю святом» – по «Библиографическим запискам» (1861). Группу стихотворений 1830 года («Благодарю», «Когда к тебе молвы рассказ», «Передо мной лежит листок», «Итак, прощай», «Свершилось! полно ожидать») – по текстам, опубликованным Е. А. Сушковой-Хвостовой в «Библиотеке для чтения» (1844) и в «Русском вестнике» (1857) и повторенным в двух изданиях ее «Записок» (1870 и 1928). Несмотря на то, что свидетельства Е. А. Сушковой во многом оказались недостоверными, другими источниками данных стихотворений редакция не располагает.

Тексты Лермонтова печатаются по новой орфографии, но с сохранением особенностей языка, характерных для эпохи 30–40-х годов прошлого века.

Все примечания редакции в тексте выделяются курсивом, в круглых скобках. Например: (Пер. автора) – перевод автора, (Примеч. автора) – примечание автора и т. д.

В вариантах примечания редакции выделяются курсивом без скобок; слова текста, подчеркнутые автором, – разрядкой.

[ ]. В квадратные скобки заключаются слова, зачеркнутые автором и ничем не замененные. В тексте они приводятся только в том случае, если их отсутствие нарушает смысл или стихотворный размер.

< >. В угловые скобки заключаются слова, пропущенные в автографе, и части недописанных слов, легко восстанавливаемые по смыслу. Например: «Там рыб златоперых гу<ляют> стада».

<Не дописано>. В тех случаях, когда незаконченное слово восстановить по смыслу невозможно, в угловые скобки заключаются слова: < не дописано >.

ние сочинений в шести томах. Том 1. Стихотворения 1828–1831. Михаил Юрьевич Лермонтов Termontovmika <?>. В тех случаях, когда чтение неразборчивого слова вызывает сомнение, в угловые скобки заключается знак вопроса.

<2 нрзб.>. В тех случаях, когда в автографе остаются неразборчивые слова, в угловые скобки заключается цифра, обозначающая количество неразобранных слов и сокращенное слово: нрзб.

<... > Слова, неудобные для печати, обозначаются тремя точками.

* В тех случаях, когда в вариантах последнее чтение данной строки в черновом автографе или в копии не совпадает с основным текстом, в конце строки ставится звездочка, которая свидетельствует о том, что окончательное чтение данной строки установлено Лермонтовым в другой рукописи, позднейшей.

Варианты даются:

в случае сложных автографов (при наличии черновых, беловых с поправками) – по каждому документу в отдельности;

в случае простых текстов (беловой автограф без поправок, печатный текст) различие в чтениях отдельных стихов наглядно выступает, если эти стихи приводятся по всем документам сразу, причем каждое чтение сопровождается условным обозначением. Например: Б – беловой автограф, Ж – журнальный текст. В, Г, Д – копии и т. д. Условные обозначения в вариантах объясняются в каждом отдельном случае.

В сноску выносятся в вариантах разночтения отдельных слов и стихов, предшествовавшие чтению, помещенному в тексте вариантов; сноска применяется в тех случаях, когда наличествует несколько сложных редакций текста.

Список сокращений
Архивохранилища [10]

ГИМ

- Государственный Исторический музей (Москва). ГПБ
- Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград). ИРЛИ
- Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР (Ленинград). ЛБ
- Государственная Библиотека СССР имени В. И. Ленина (Москва). ЦГЛА
- Центральный Государственный литературный архив (Москва).

Книги

Белинский

- В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений, под редакцией Венгерова (тт. 1–11, 1900–1917) и В. С. Спиридонова (тт. 12 и 13, 1926 и 1948). Добролюбов
- Н. А. Добролюбов, Полное собрание сочинений, в шести томах, под редакцией Ю. Г. Оксмана, ГИХЛ, 1934–1941. «Записки» Сушковой
- Екатерина Сушкова (Е. А. Хвостова). Записки. Первое полное издание, «Academia», Л., 1928. Пушкин
- А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений в шестнадцати томах. Изд. Академии Наук СССР, М.–Л., 1937–1949. Соч. изд. Академической библиотеки
- Полное собрание сочинений М. Ю. Лермонтова в пяти томах, под редакцией Д. И. Абрамовича, Академическая библиотека русских писателей, вып. 2, изд. Разряда изящной словесности Академии Наук, СПб., 1910–1913. Второе издание вышло в 1916 году без изменений. Соч. изд. «Academia»

ние сочинений в шести томах. Том 1. Стихотворения 1828–1831. Михаил Юрьевич Лермонтов Termontovmikhaila
– М. Ю. Лермонтов, Полное собрание сочинений в пяти томах, под редакцией Б. М. Эйхенбаума, «Academia». М.–Л., 1935–1937. Соч. малой серии «Библиотеки поэта»

– М. Лермонтов, Стихотворения в трех томах, под редакцией В. А. Мануйлова, «Библиотека поэта», малая серия, 2-е изд. Л., 1950. Соч. изд. «Московский рабочий»

– М. Ю. Лермонтов, Избранные произведения, под редакцией И. Л. Андроникова, изд. «Московский рабочий», 1949. Соч. под ред. Висковатова

– Сочинения М. Ю. Лермонтова, первое полное издание под редакцией П. А. Висковатова, в шести томах, М., 1889–1891. Соч. под ред. Дудышкина

– Сочинения Лермонтова, приведенные в порядок и дополненные С. С. Дудышкиным, в двух томах. СПб., 1860. Издание второе, сверенное, с рукописями, исправленное и дополненное, вышло в 1862 году и без изменений повторилось в 1863 году. Соч. под. ред. Ефремова

– Сочинения Лермонтова с портретом его, двумя снимками с почерка и статьей о Лермонтове А. Н. Пыпина, в двух томах, изд. 3-е, вновь сверенное с рукописями, исправленное и дополненное под редакцией П. А. Ефремова, СПб., 1873. Издание с изменениями и дополнениями повторялось в 1880, 1882, 1887, 1889 годах. Соч. под ред. Каллаша

– Иллюстрированное полное собрание сочинений М. Ю. Лермонтова, в шести томах, редакция В. В. Каллаша, М., Изд. «Печатник», 1914–1915. Чернышевский

– Н. Г. Чернышевский, Полное собрание сочинений в шестнадцати томах, ГИХЛ, М., 1939–1951.

СТИХОТВОРЕНИЯ

1828

Осень (стр. 9)

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 2 (тетрадь II), л. 2 об.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889. стр. 1).

В автографе позже приписана рукой Лермонтова дата в скобках: «1828».

Заблуждение Купидона (стр. 10, 323)

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 2 (тетрадь II), л. 3.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 1).

В автографе позже приписана рукой Лермонтова дата в скобках: «1828».

Цевница (стр. 11, 323)

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 2 (тетрадь II), л. 3 об.

Впервые опубликовано в «Библиогр. записках» (1861, т. 3. № 16, стлб. 487).

В автографе позже приписана рукой Лермонтова дата в скобках: «1828».

Поэт (стр. 12, 323)

Печатается по автографу – ГПБ, собрание рукописей Лермонтова, № 28 (в письме Лермонтова к М. А. Шан-Гирей от декабря 1828 г.), л. 2; предшествовавший ему автограф второй половины стихотворения (от слов «таков поэт») имеется в ИРЛИ, оп. 1, № 2 (тетрадь II), л. 3.

Впервые опубликовано в «Русск. старине» (1872, кн. 2, стр. 294–295).

Датируется 1828 годом по нахождению в письме к М. А. Шан-Гирей.

1829

К П***ну (стр. 13, 323)

Печатается по автографу–ЛБ (тетрадь А. С. Солоницкого из собрания Н. С. Тихонравова, лл. 7 об. – 8). Копия с него – ИРЛИ, оп. 2, № 39, л. 6–6 об.

ие сочинений в шести томах. Том 1. Стихотворения 1828–1831. Михаил Юрьевич Лермонтов Termontovmika
В 1847 году не было допущено цензурой к напечатанию в «Отеч. записках». Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 26).

Датируется 1829 годом по нахождению в тетради стихотворений этого года.

Обращено к товарищу Лермонтова по Университетскому благородному пансиону, Дмитрию Васильевичу Петерсону (род. в 1813 году).

К д***ву («я пробегал страны России», стр. 14)
Печатается по автографу–ЛБ (тетрадь А. С. Солоницкого из собрания Н. С. Тихонравова, л. 8–8 об.). Копия с него – ИРЛИ, оп. 2, № 39, лл. 6 об.–7. Описки в стихах 8 (нет слова «покой!») и 12 («и больше им не поверяюсь») исправлены по копии.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 27).

Датируется 1829 годом по нахождению в тетради стихотворений этого года.

Адресовано товарищу Лермонтова по Университетскому благородному пансиону, Дмитрию Дмитриевичу Дурнову (род. в 1813 году), и является подражанием посвящению к поэме Рылеева «Войнаровский», обращенному к А. А. Бестужеву.

Посвящение. N. N. (стр. 15)
Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 2 (тетрадь II), л. 2.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 22–23).

Датируется 1829 годом по нахождению в тетради II.

В автографе–позднейшая приписка Лермонтова в скобках. «При случае ссоры с Сабуровым».

Обращено к товарищу Лермонтова по Университетскому благородному пансиону, Михаилу Ивановичу Сабурову (род. в 1813 году).

Два последних стиха – перефразировка двух стихов из стихотворения Пушкина «Коварность».

Пир (стр. 16)
Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 2 (тетрадь II), л. 2 об.

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1859, т. 125, № 7, отд. I, стр. 14).

Датируется 1829 годом по нахождению в тетради II.

В автографе – позднейшая помета Лермонтова: «К Сабурову. (Как он не понимал моего пылкого сердца?)».

Стих второй («Под сень черемух и акаций») – цитата из «Евгения Онегина», гл. VI, строфа VII.

О М. И. Сабурове см. примечание к стихотворению «Посвящение. N. N.», стр. 385.

Веселый час (стр. 17, 323)
Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 2 (тетрадь II), лл. 4–5.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 24–25).

Датируется 1829 годом по нахождению в тетради II.

К друзьям (стр. 19)
Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 2 (тетрадь II), л. 5. Имеется также автограф – ЛБ (тетрадь А. С. Солоницкого из собрания Н. С. Тихонравова, л. 7–7 об.). Копия с последнего автографа – ИРЛИ, оп. 2, № 39, л. 6.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 25–26).

Датируется 1829 годом по нахождению в тетради II.

Эпиграмма («Дурак и старая кокетка–всё равно», стр. 20)
Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 2 (тетрадь II), л. 5.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 27).

Датируется 1829 годом по нахождению в тетради II.

Мадригал (стр. 21, 324)
Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 2 (тетрадь II), л. 5 об.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 27).

Датируется 1829 годом по нахождению в тетради II.

Романс («Коварной жизнью недовольный», стр. 22)
Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 2 (тетрадь II), лл. 5 об.–6.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 28).

Датируется 1829 годом по нахождению в тетради II.

Написано, вероятно, на отъезд в Италию С. П. Шевырева в феврале 1829 года. В 1827–1829 годах Шевырев как сотрудник «Моск. вестника» постоянно подвергался нападениям Ф. Булгарина. Лермонтов мог узнать об отъезде Шевырева от сотрудника «Моск. вестника» С. Е. Раича.

Портреты (стр. 24, 324)
Печатаются по автографу–ЛБ (тетрадь А. С. Солоницкого из собрания Н. С. Тихонравова, лл. 9–10 об.). Автограф первого портрета– ИРЛИ, оп. 1, № 2 (тетрадь II), л. 6–6 об., заглавие – «Портрет». Этот автограф представляет позднейшую, но незавершенную редакцию. Копии с тетради Солоницкого – ИРЛИ, оп. 2, № 39, лл. 7 об. – 8 об.

Во втором стихе четвертого стихотворения в автографе описка: «Возвышенной душой предмет стремленья – слава».

Впервые опубликованы: первое–в «Отеч. записках» (1859, т. 125, № 7, отд. I, стр. 15), остальные–в «Русск. мысли» (1881, № 12, стр. 5–6).

Все шесть стихотворений датируются 1829 годом, так как находятся в тетрадях со стихотворениями этого года.

В автографе ИРЛИ–позднейшая приписка Лермонтова в скобках: «Этот портрет был доставлен одной девушке: она в нем думала узнать меня: вот за какого эгоиста принимают обыкновенно поэта». Во втором «портрете», возможно, изображен И. Р. Грузинов (см. примечание к стихотворению «К Грузинову», стр. 391). Кого изображают остальные «портреты» – не ясно.

К Гению (стр. 27)
Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 2 (тетрадь II), лл. 6 об. – 7 об.

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1859, т. 125, № 7, отд. I, стр. 15–16).

Датируется 1829 годом по нахождению в тетради II.

В автографе – позднейшая приписка Лермонтова в скобках: «Напоминание о том, что было в ефремовской деревне в 1827 году–где во второй раз полюбил 12 лет–и поныне люблю». Второй любовью Лермонтова была двоюродная сестра его матери, Анна Григорьевна Столыпина (1815–1892), впоследствии–жена генерала А. И. Философова (о первой детской любви Лермонтова см. примечание к стихотворению «Кавказ», стр. 396). Ефремовская деревня–вероятно, Кропотовка, в Ефремовском уезде Тульской губернии, принадлежавшая отцу поэта, Ю. П. Лермонтову.

Покаяние (стр. 29)
Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 2 (тетрадь II), лл. 7 об. – 8 об.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 32–33).

Датируется 1829 годом по нахождению в тетради II.

Письмо (стр. 31, 324)

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 2 (тетрадь II), л. 8 об. – 9 об.

Впервые опубликовано в «Русск. старине» (1872, т. 5, № 2, стр. 290–291).

Датируется 1829 годом по нахождению в тетради II.

В автографе–позднейшая помета Лермонтова: «Это вздор».

Война (стр. 33)

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 2 (тетрадь II), л. 10.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 35–36).

Датируется 1829 годом по нахождению в тетради II.

В автографе–позднейшая помета Лермонтова в скобках; «В пансионе»

является откликом на события русско–турецкой войны 1828–1829 годов.

Русская Мелодия (стр. 34)

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 2 (тетрадь II), л. 10–10 об. Копия (без разночтений) – там же, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 11.

Впервые опубликовано в «Отч. записках» (1859, т. 125, № 7, отд. I, стр. 18).

Датируется 1829 годом по нахождению в тетради II.

В автографе–позднейшая (зачеркнутая) приписка Лермонтова в скобках: «Эту пьесу подавал за свою Раичу Дурнов–друг–которого поныне люблю и уважаю за его открытую и добрую душу–он мой первый и последний».

Раич Семен Егорович (1792–1855) – поэт и переводчик, издатель журнала «Галатей», учитель Лермонтова по Университетскому пансиону и организатор пансионского Общества любителей отечественной словесности, деятельным членом которого был Лермонтов (см. автобиографию Раича, «Русск. библиофил», 1913, кн. 8, стр. 32–33).

О Дурнове–см. примечание к стихотворению «К Д...ву», стр. 385.

Песня («Светлый призрак дней минувших», стр. 35)

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 2 (тетрадь II), л. 10 об.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 37).

Датируется 1829 годом по нахождению в тетради II.

К . . . («Не привлекай меня красой», стр. 36)

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 2 (тетрадь II), л. 11.

Впервые опубликовано в «Отч. записках» (1859, т. 125, № 7, отд. I, стр. 18–19).

Датируется 1829 годом по нахождению в тетради II.

В автографе–позднейшая приписка Лермонтова: «(А. С.) (Хотя я тогда этого не думал)». Под инициалами А. С. подразумевается Анна Григорьевна Столыпина (см. примечание к стихотворению «К Гению», стр. 387–388).

Романс («Невинный нежною душою», стр. 37)

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 2 (тетрадь II), л. 11–11 об.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 38).

Датируется 1829 годом по нахождению в тетради II.

ние сочинений в шести томах. Том 1. Стихотворения 1828–1831. Михаил Юрьевич Лермонтов Termontovmikhaila
В автографе–позднейшая помета Лермонтова в скобках: «Дурнову». Ср. стихотворения
«К Д... ву» и «Русская мелодия», стр. 14 и 34.

Три ведьмы (стр. 38)

Печатается по автографу – ирли, оп. 1. № 2 (тетрадь II), лл. 11 об. – 12.

Впервые опубликовано по этому автографу в издании «Разные сочинения Шиллера в переводах русских писателей» (т. 8, СПб., 1860, стр. 325–326). См. «Библиогр. записки», 1861, № 18, стлб. 563. Некоторые разночтения этой публикации и автографа объясняются редакторской правкой Н. В. Гербеля.

Датируется 1829 годом по нахождению в тетради II.

Перевод отрывка из шиллеровской переделки «Макбета» Шекспира (4 явление I акта, с опущением трех первых и трех последних реплик).

К Нине (стр. 40)

Печатается по автографу – ирли, оп. 1, № 2 (тетрадь II), л. 12 об.

Впервые опубликовано в издании «Разные сочинения Шиллера в переводах русских писателей» (т. 8, СПб., 1860, стр. 316–317).

Датируется 1829 годом по нахождению в тетради II.

Перевод стихотворения Шиллера «An Emma» («К Эмме», 1796).

К Н. Н. («Ты не хотел! но скоро волю рока», стр. 41, 324)

Печатается по автографу – ирли, оп. 1, № 2 (тетрадь II), л. 13.

Впервые опубликовано в «Русск. мысли» (1881, № 12, стр. 12–13), с искажением стихов 5–8.

Датируется 1829 годом по нахождению в тетради II.

В автографе–позднейшая приписка Лермонтова в скобках: «К Сабурову – наша дружба смешана с столькими разрывами и сплетнями – что воспоминания об ней совсем не веселы. – Этот человек имеет женский характер. – Я сам не знаю, отчего так дорожил им».

О Сабурове–см. примечание к стихотворению «Посвящение. Н. Н.», стр. 385.

Эпиграммы (стр. 42, 324)

Печатаются по автографу – ирли, оп. 1, № 2 (тетрадь II), лл. 13–13 об. Другой автограф последней эпиграммы с разночтениями–ЛБ (тетрадь А. С. Солоницкого из собрания Н. С. Тихонравова, л. 10 об.); копия последней эпиграммы с автографа ЛБ – ирли, оп. 2, № 39. л. 8 об.

Впервые опубликованы: 1 и 6–в «Русск. мысли» (1881, № 12, стр. 6 и 13), 2 и 4–в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 39), 3–в «Русск. старине» (1872, № 2, стр. 291), 5–в «Отч. записках» (1859, т. 125, № 7, отд. I, стр. 19).

Датируются 1829 годом по нахождению в тетради II.

По предположению В. В. Каллаша (Соч. под ред. Каллаша, т. 1, 1914, стр. 268), третья эпиграмма относится к поэту и журналисту Петру Ивановичу Шаликову (1768–1852), четвертая–к писателю Николаю Филипповичу Павлову (см. примечание к стихотворению «Г<–ну> Павлову», стр. 431).

Эпиграммы 1, 2 и 5 текстуально близки к «Мыслям, выпискам и замечаниям» из альманаха «Цефей» на 1829 год, вероятно, принадлежащим Лермонтову (см. настоящее издание, т. 6). В этом альманахе принимали участие воспитанники Университетского благородного пансиона («Лит. наследство», т. 45–46, М., 1948, стр. 225–254).

Аминт–пастух в пасторали Тассо «Aminta».

К Грузинову (стр. 44, 324)

Печатается по автографу – ирли, оп. 1, № 2 (тетрадь II), л. 14. Имеется другой автограф – ЛБ (тетрадь А. С. Солоницкого из собрания Н. С. Тихонравова, л. 8

ние сочинений в шести томах. Том 1. Стихотворения 1828–1831. Михаил Юрьевич Лермонтов (Lermontovmikhaila об.). Копия с автографа ЛБ – ИРЛИ, оп. 2, № 39, л. 7.

Впервые опубликовано в «Отч. записках» (1859, т. 125, № 7, отд. I, стр. 19).

Датируется 1829 годом по нахождению в тетради II.

Грузинов Иосиф Романович (1812–1858) – бездарный поэт, пансионский товарищ Лермонтова.

Наполеон («Где бьет волна о брег высокой», стр. 45, 325)

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 2 (тетрадь II), лл. 14–15 об.

Небольшие отрывки стихотворения были опубликованы в «Русск. мысли» (1881, № 11, стр. 152); полностью – в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 362–364).

Датируется 1829 годом по нахождению в тетради II.

Данное стихотворение – первое из стихотворений Лермонтова, посвященных Наполеону.

Пан (стр. 48, 325)

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 2 (тетрадь II), л. 15 об.

Впервые опубликовано в «Библиогр. записках» (1861, т. 3, № 16, стлб. 488).

Датируется 1829 годом по нахождению в тетради II.

В автографе – позднейшая помета Лермонтова в скобках: «В Средниково».

Средниково – подмосковное имение брата бабушки Лермонтова Е. А. Арсеньевой – Дмитрия Алексеевича Столыпина, друга декабриста Пестеля. Д. А. Столыпин скоропостижно умер (3 января 1826 г.) в самом начале судебного следствия над декабристами. В его семье Лермонтов проводил лето 1829, 1830 и 1831 годов.

Жалобы турка (стр. 49)

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 2 (тетрадь II), л. 16.

Впервые опубликовано, без заглавия и с пропуском заключительных четырех стихов, Н. В. Гербелем в «Стихотворениях М. Ю. Лермонтова. не вошедших в последнее издание его сочинений» (изд. Ф. Шнейдера. Берлин, 1862, стр. 6), полностью – в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 41).

Датируется 1829 годом по нахождению в тетради II.

Выражая в стихотворении резкий протест против самодержавно-крепостнических порядков в России, Лермонтов маскирует свои революционные настроения заглавием «Жалобы турка».

К. Н. Н. *** («Не играй моей тоской», стр. 50)

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 2 (тетрадь II), лл. 16–16 об.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 42).

Датируется 1829 годом по нахождению в тетради II.

Черкешенка (стр. 51, 325)

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 2 (тетрадь II), лл. 16 об. – 17.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 42–43).

Датируется 1829 годом по нахождению в тетради II.

Ответ (стр. 52)

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 2 (тетрадь II), л. 17.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 43).

Датируется 1829 годом по нахождению в тетради II.

Два сокола (стр. 53)

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 2 (тетрадь II), л. 17–17 об.

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1859, т. 125, № 7, отд. I, стр. 20–21).

Датируется 1829 годом по нахождению в тетради II.

Грузинская песня (стр. 55, 325)

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 2 (тетрадь II), л. 18–18 об.

Впервые опубликовано: начало стихотворения (стихи 1–13) – в «Отеч. записках» (1859, т. 125, № 7, отд. I, стр. 21); окончание (стихи 13–32) – в «Стихотворениях М. Ю. Лермонтова, не вошедших в последнее издание его сочинений» (изд. Ф. Шнейдера, Берлин, 1862, стр. 128–129); полностью – в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 44–45).

Датируется 1829 годом по нахождению в тетради II.

В автографе – позднейшая приписка Лермонтова в скобках: «Слышано мною что-то подобное на Кавказе».

Мой демон (стр. 57, 325)

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 2 (тетрадь II), л. 18 об.

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1859, т. 125, № 7, отд. I, стр. 21).

Датируется по нахождению в тетради II.

Написано одновременно с началом работы над поэмой «Демон» и является как бы первым ее наброском. Возникло под влиянием стихотворения Пушкина «Демон» (1823), напечатанного в «Мнемозине» в 1824 году под заглавием «Мой демон». В 1831 году Лермонтов переработал свое стихотворение, сохранив, однако, его начальные стихи.

В 20-х и 30-х годах демоническая тема неоднократно разрабатывалась в русской поэзии.

Жена Севера (стр. 58)

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 2 (тетрадь II), л. 19. Там же – копия без разночтений, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 10 об.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 46).

Датируется 1829 годом по нахождению в тетради II.

К другу («Взлелеянный на лоне вдохновенья», стр. 59)

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 2 (тетрадь II), л. 19 об. Там же – копия без разночтений, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 10 об. – 11.

Впервые опубликовано: окончание (стихи 17–24) – в Соч. под ред. Ефремова (т. 2, 1873, стр. 26), полностью – в «Русск. мысли» (1881, № 12, стр. 13–14).

Датируется 1829 годом по нахождению в тетради II.

Первоначальное (зачеркнутое) заглавие – «Эпилог (к Д... ву)». т. е. к Дурнову (о Дурнове – см. примечание к стихотворению «К Д ...ву», стр. 385).

Элегия («О! Если б дни мои текли», стр. 60, 325)

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 3 (тетрадь III), л. 3.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 9).

Датируется 1829 годом по нахождению в тетради III.

«Забывши волнения жизни мятежной» (стр. 61)

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 3 (тетрадь III), л. 3 об.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 9).

Датируется 1829 годом по нахождению в тетради III.

Это набросок, являющийся началом стихотворения и зачеркнутый Лермонтовым.

К *** («Глядися чаще в зеркала», стр. 62, 326)

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 3 (тетрадь III), л. 4.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 20).

Датируется 1829 годом по нахождению в тетради III.

В день рождения Н. Н. (стр. 63)

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 3 (тетрадь III), л. 4 об.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 27).

Датируется 1829 годом по нахождению в тетради III.

К *** («Мы снова встретились с тобой», стр. 64, 326)

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 3 (тетрадь III), л. 4 об.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 21).

Датируется 1829 годом по нахождению в тетради III.

Монолог (стр. 65, 326)

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 3 (тетрадь III), л. 5.

Впервые опубликовано в «Отч. записках» (1859, т. 125, № 7, отд I, стр. 28).

Датируется 1829 годом по нахождению в тетради III.

В этом стихотворении, являющемся как бы первым наброском «думы» (1838), Лермонтов ставит один из центральных вопросов своего творчества – протест против бездействия людей своего поколения в обстановке реакции после разгрома восстания декабристов.

Встреча (стр. 66, 326)

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 3 (тетрадь III), лл. 5 об.–6.

Впервые опубликовано в издании «Разные сочинения Шиллера в переводах русских писателей» (т. 8, СПб., 1860, стр. 321–322).

Датируется 1829 годом по нахождению в тетради III.

Вольный перевод двух начальных строф стихотворения Шиллера «Die Begegnung» (1797).

Баллада («Над морем красавица-дева сидит», стр. 67, 326)

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 3 (тетрадь III), лл. 6–7.

Впервые опубликовано в издании «Разные сочинения Шиллера в переводах русских писателей» (т. 8, СПб., 1860, стр. 327–328).

Датируется 1829 годом по нахождению в тетради III.

Сюжет заимствован из стихотворения Шиллера «Der Taucher» («Водолаз», 1797).

Перчатка (стр. 69, 327)

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 3 (тетрадь III), лл. 7 об. – 8 об. Там же – копия без разночтений, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), лл. 1–2.

Впервые опубликовано в издании «Разные сочинения Шиллера в переводах русских писателей» (т. 8, СПб., 1860, стр. 319–321).

Датируется 1829 годом по нахождению в тетради III.

ние сочинений в шести томах. Том 1. Стихотворения 1828–1831. Михаил Юрьевич Лермонтов Termontovmikhaila
Перевод (неполный, с пропуском 11 стихов оригинала, между стихами 30 и 31 перевода) баллады Шиллера «Der Handschuh» (1797).

Дитя в люльке (стр. 71, 327)

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 3 (тетрадь III), л. 9.

Впервые опубликовано в издании «Разные сочинения Шиллера в переводах русских писателей» (т. 8, СПб., 1860, стр. 321).

Датируется 1829 годом по нахождению в тетради III.

Перевод стихотворения Шиллера «Das Kind in der Wiege» (1796).

К * («Делись со мною тем, что знаешь», стр. 72, 327)

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 3 (тетрадь III), л. 9.

Впервые опубликовано в издании «Разные сочинения Шиллера в переводах русских писателей» (т. 8, СПб., 1860, стр. 322).

Датируется 1829 годом по нахождению в тетради III.

Вольный перевод стихотворения Шиллера «An*», из цикла «Votivtafeln» – «Вотивные таблицы» («Teile mit mir, was du weißt», 1796).

Молитва («Не обвиняй меня, Всесильный», стр. 73, 327)

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 3 (тетрадь III), л. 9–9 об.

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1859, т. 125, № 7, отд. 1, стр. 28–29).

Датируется 1829 годом по нахождению в тетради III.

1830

Кавказ (стр. 74, 327)

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 5 (тетрадь V), л. 13 об. Копия тоже в ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 12.

Впервые опубликовано в «Библия для чтения» (1845, т. 68, № 1, отд. I, стр. 11).

Датируется весной 1830 года по положению в тетради V–после поэмы «Джюлио», датированной поэтом: «(1830 года) (Великим постом и после)».

«Пять лет пронеслось: всё тоскую по вас» – Лермонтов был на Кавказе летом 1825 года.

«Там видел я пару божественных глаз» – на Кавказе Лермонтов встретился с девятилетней девочкой, о своем увлечении которой он рассказывает в заметке 1830 года: «Кто мне поверит, что я знал уже любовь, имея 10 лет отроду?..» (см. настоящее издание, т. 6).

К *** («Не говори: одним высоким», стр. 75, 327)

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 6 (тетрадь VI), л. 1.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Ефремова (т. 2, 1887, стр. 83).

Датируется 1830 годом по нахождению в тетради VI, на первом листе которой рукой Лермонтова написано: «Разные стихотворения (1830 год)».

Опасение (стр. 76, 328)

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 6 (тетрадь VI), л. 1 об.–2.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 76–77).

Датируется 1830 годом по нахождению в тетради VI.

Стансы («Люблю, когда, борясь с душою», стр. 77)

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 6 (тетрадь VI), л. 2.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 77).

Датируется 1830 годом по нахождению в тетради VI.

Н. Ф. И... вой (стр. 78, 328)

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 6 (тетрадь VI), лл. 2 об.–3.

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1859, т. 127, № 11, отд. 1, стр. 250), под неверным названием «М. Ф. М... вой».

Датируется 1830 годом по нахождению в тетради VI.

Обращено к Наталье Федоровне Ивановой (1813–1875), дочери московского драматурга Ф. Ф. Иванова, в начале 30-х годов вышедшей замуж за Н. М. Обрескова. В 1830–1831 годах Лермонтов был сильно увлечен Н. Ф. Ивановой; ей посвящен ряд стихотворений этого периода; отношения с ней нашли также отражение в трагедии «Странный человек» (Иракий Андроников. Лермонтов. Новые разыскания. «Советский писатель», 1948, стр. 5–32).

«Ты помнишь ли, как мы с тобою» (стр. 80)

Печатается по «Отеч. запискам» (1842, т. 21, № 3, отд. 1, стр. 203), где было опубликовано впервые.

Автограф не известен. Имеется копия–ГИМ, ф. 111, № 7, л. 26 об.

Датируется предположительно 1830 годом. Современник Лермонтова В. С. Межевич писал: «Я помню, что в 1830 году в Университетском пансионе существовали четыре издания: „Арион“, „Улей“, „Пчелка“ и „Маяк“... Из этих-то детских журналов ... узнал я в первый раз имя Лермонтова... Не могу вспомнить теперь первых опытов Лермонтова, но кажется, что ему принадлежат читанные мною отрывки из поэмы Томаса Мура „Лалла-Рук“ и переводы некоторых мелодий того же поэта (из них я очень помню одну, под названием „Выстрел“») («Сев. пчела», 1849, № 284, стр. 1134–1135). Повидимому, Межевич пишет именно о данном стихотворении, которое является вольным переводом «Вечернего выстрела» Томаса Мура. Возможно, что данный текст является позднейшей переработкой раннего перевода.

Весна (стр. 81, 328)

Печатается по «Атеню», 1830, ч. 4, стр. 113, где появилось впервые (за подписью «L»). Имеются две копии – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 3 об., и оп. 2, № 41 (тетрадь из собрания А. А. Краевского), л. 6 об.

За подписью М. Лермонтова, без названия, опубликовано в «Отеч. записках» (1843, ч. 31, № 12, отд. I, стр. 318), по другому тексту – в «Библиотеке для чтения» (1844, т. 64, отд. I, стр. 130) с указанием: «Из альбома Екатерины Александровны Сушковой».

Датируется началом 1830 года, так как цензурное разрешение на печатание «Атеня» было получено 10 мая 1830 года. Положение копии стихотворения в тетради XX подтверждает эту датировку.

Это первое стихотворение Лермонтова, появившееся в печати.

По воспоминаниям Сушковой, это стихотворение обращено к ней и было написано в Середникове («Воспоминания Е. А. Хвостовой», «Вестник Европы» 1869, кн. 8, стр. 735).

Ночь. I («я зрел во сне», стр. 82, 328)

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 6 (тетрадь VI), лл. 3 об.–5.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 361–362) как первоначальная редакция стихотворения «Смерть» («Ласкаемый цветущими мечтами»), 1830–1831.

Датируется 1830 годом по нахождению в тетради VI.

Разлука (стр. 85, 329)

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 6 (тетрадь VI), л. 5 об.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 82–83).

Датируется 1830 годом по нахождению в тетради VI.

Автограф зачеркнут, хотя вначале Лермонтов предполагал переписать его под № 16 в тетрадь XX, о чем свидетельствует написанная сбоку и потом зачеркнутая цифра «16».

Ночь. II («Погаснул день», стр. 86, 329)

Печатается по авторизованной копии – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), лл. 7 об. – 8 об. Черновой автограф, с которого сделана копия, находится там же, оп. 1, № 6 (тетрадь VI), лл. 6–7. Пунктуация исправлена по автографу.

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1859, т. 127, № 11, отд. I, стр. 251–252).

Датируется 1830 годом по нахождению чернового автографа в тетради VI.

«В старинны годы жили-были» (стр. 89, 330)

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 6 (тетрадь VI), л. 7 об.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1 1889, стр. 85).

Датируется 1830 годом по нахождению в тетради VI.

Стихотворение не закончено.

„Had we never loved so kindly“ (стр. 90, 330)

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 4 (тетрадь IV), л. 22 об. Автограф первой редакции стихотворения – ИРЛИ, оп. 1, № 6 (тетрадь VI), л. 7 об.

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1859, т. 125, № 7, отд. I, стр. 62).

Первая редакция стихотворения относится к 1830 году. Лермонтов, видимо, был недоволен ею и зачеркнул этот набросок. В 1832 году поэт вновь вернулся к этому четверостишию и переработал его.

В черновом автографе между заглавием и текстом стоит цифра «1».

Стихотворение является вольным переводом эпиграфа к поэме Байрона «Абидосская невеста», взятого последним из стихотворения Роберта Бернса «Прощальная песнь к Кларинде» («Parting song to Clarinda»). В первом стихе Лермонтов перевел слово «kindly», производя его от немецкого «kind» – дитя, по-английски kindly-нежно.

Незабудка (стр. 91, 330)

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 6 (тетрадь VI), лл. 7 об.–9. Имеется копия – ИРЛИ, оп. 2, № 41 (тетрадь из собрания А. А. Краевского), лл. 1–2.

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1843, т. 31, № 11, отд. I, стр. 194–195).

Датируется 1830 годом по нахождению в тетради VI.

Совет (стр. 94, 331)

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 6 (тетрадь VI), лл. 9 об. – 10.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 87–88).

Датируется 1830 годом по нахождению в тетради VI.

Одиночество (стр. 95, 331)

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 6 (тетрадь VI), л. 10–10 об.

Впервые опубликовано с иным чтением стиха 12 в «Ниве» (1884, № 12, стр. 270).

Датируется 1830 годом по нахождению в тетради VI.

В альбом («Нет! – я не требую вниманья», стр. 96, 331)

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 6 (тетрадь VI), л. 11 об. Первая

ние сочинений в шести томах. Том 1. Стихотворения 1828–1831. Михаил Юрьевич Лермонтов Termontovmikhaila
редакция стихотворения находится в той же тетради на л. 10 об. Оба автографа
зачеркнуты.

Впервые опубликовано в «Библ. для чтения» (1844, т. 64, № 5, отд. I, стр. 6–7),
с подзаголовком «Подражание Байрону», вместе с другими стихотворениями цикла «Из
альбома Е. А. Сушковой».

Датируется 1830 годом по нахождению в тетради VI.

В своих «Записках» Е. А. Сушкова ошибочно относит стихотворение к 1831 году и
пишет: «В это время Сашенька <А. М. Верещагина> прислала мне в подарок альбом, в
который все мои московские подруги написали уверения в дружбе и любви. Конечно,
дело не обошлось без Лермонтова... На самом последнем листке альбома было написано
подражание Байрону <следует текст>» («Записки» Сушковой, 1928, стр. 135).

Вторая строфа стихотворения навеяна произведением Байрона «Lines written in an
Album, at Malta».

В 1836 году Лермонтов вновь вернулся к теме своего раннего стихотворения (см.
стихотворение «В альбом» – «Как одинокая гробница», т. 2).

Гроза (стр. 97, 332)

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 6 (тетрадь VI), л. 12. Копия – там же,
оп. 1, № 21 (тетрадь XX), лл. 8 об.–9.

Впервые опубликовано в «Сев. вестнике» (1889, № 2, отд. I, стр. 129–130).

Датируется 1830 годом по нахождению в тетради VI.

«Гроза шумит в морях с конца в конец» (стр. 98, 333)

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 6 (тетрадь VI), л. 12 об.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 90) как
окончание стихотворения «Гроза».

Датируется 1830 годом по нахождению в тетради VI.

Звезда («Светись, светись, далекая звезда», стр. 99, 333)

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 6 (тетрадь VI), л. 13.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 91).

Датируется 1830 годом по нахождению в тетради VI.

Еврейская мелодия («Я видал иногда, как ночная звезда», стр. 100, 333)

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 39 (из собрания Н. И. Шенига, отдельный
листок). Черновой автограф под заглавием «Звезда», без деления на строфы – ИРЛИ,
оп. 1, № 6 (тетрадь VI), л. 13 об.; копия с этого автографа – там же, оп. 1, №
21 (тетрадь XX), л. 9.

Впервые опубликовано (с отличиями от автографов) в «Библ. для чтения» (1844, т.
64, № 5, отд. I, стр. 8) вместе с другими стихотворениями цикла «Из альбома Е.
А. Сушковой».

Датируется 1830 годом по нахождению чернового автографа в тетради VI.

Вечер после дождя (стр. 101, 334)

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 6 (тетрадь VI), лл. 13 об. – 14. Копия
– там же, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 9–9 об.

Впервые опубликовано в «Сев. вестнике» (1891, № 8, стр. 5–6).

Датируется 1830 годом по нахождению в тетради VI.

Наполеон («В неверный час, меж днем и темнотой», стр. 102, 334)

Печатается по копии – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), лл. 9 об. – 10. Черновой
автограф – там же, оп. 1, № 6 (тетрадь VI), лл. 14 об. – 16.

ние сочинений в шести томах. Том 1. Стихотворения 1828–1831. Михаил Юрьевич Лермонтов Termontovmika
Копия в тетради XX сделана с более позднего автографа, в котором уже было изменено чтение стиха 47. В стихе 23 в копии вычеркнуто слово «забыл» и неизвестной рукой вписано «разбил»; оставляем первоначальное чтение, совпадающее с черновым автографом.

Впервые опубликовано в «Русск. мысли» (1881, № 11, стр. 152–154) с некоторыми искажениями текста.

Датируется 1830 годом по нахождению чернового автографа в тетради VI.

Стихи 9–10 и 49–50 являются перефразировкой стихов 13–14 строфы XIX главы VII «Евгения Онегина».

Эпитафия Наполеона (стр. 104, 335)

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 6 (тетрадь VI), л. 16.

Впервые опубликовано в «Русск. мысли» (1881, № 11, стр. 154).

В рукописи стихотворение зачеркнуто.

Датируется 1830 годом по нахождению в тетради VI.

К глупой красавице (стр. 105, 335)

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 6 (тетрадь VI), л. 17.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 95).

В автографе рядом с заглавием позднейшая приписка Лермонтова в скобках: «Меня спрашивали, зачем я не говорю с одной девушкой, а только смотрю...»

Датируется 1830 годом по нахождению в тетради VI.

Очи. N. N. (стр. 106, 335)

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 6 (тетрадь VI), л. 17 об.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 95).

Датируется 1830 годом по нахождению в тетради VI.

Кавказу (стр. 107, 335)

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 6 (тетрадь VI), л. 17 об.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 96).

Датируется летом 1830 года по положению в тетради VI.

Утро на Кавказе (стр. 108, 336)

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 6 (тетрадь VI), л. 18.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 96).

Датируется летом 1830 года по положению в тетради VI.

«Прости, мой друг!.. как призрак я лечу» (стр. 109, 336)

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 6 (тетрадь VI), л. 19–19 об.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 98).

Датируется 1830 годом по нахождению в тетради VI.

Челнок («Воет ветер и свистит пред недалёкой грозой», стр. 110, 336)

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 6 (тетрадь VI), лл. 19 об. – 20. Копия – там же, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 5 об.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 98–99).

Датируется 1830 годом по нахождению в тетради VI.

ние сочинений в шести томах. Том 1. Стихотворения 1828–1831. Михаил Юрьевич Лермонтов Termontovmikhaila
Отрывок («На жизнь надеяться страшась», стр. 112, 337)
Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 6 (тетрадь VI), лл. 20 об. – 22.
Заглавие в автографе заключено в скобки.

Впервые только три последние строфы были опубликованы в «Отеч. записках» (1859, т. 127, № 11, отд. I, стр. 252–253), всё стихотворение – в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 99–101).

Датируется 1830 годом по нахождению в тетради VI.

«Оставленная пустынь предо мной» (стр. 115, 338)
Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 6 (тетрадь VI), л. 23–23 об.

Первая часть впервые опубликована в «Отеч. записках» (1859, т. 127, № 11, отд. I, стр. 253), вторая часть без последней строфы – в «Русск. мысли» (1882, № 2, стр. 179–180).

Датируется 1830 годом на основании пометы Лермонтова в автографе, в скобках: «В Воскресенске». «Написано на стенах [пустыни] жилища Никона». «1830 года». Перед второй частью стихотворения – помета тоже в скобках: «Там же в монастыре».

Автограф находится в тетради VI (где собраны стихотворения 1830 г.), что подкрепляет датировку.

Воскресенский монастырь (в 53 верстах от Москвы) иначе назывался «Новый Иерусалим».

К... («Простите мне, что я решился к вам», стр. 117, 338)
Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 6 (тетрадь VI), л. 24.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 103–104).

Датируется 1830 годом по нахождению в тетради VI.

Ночь. III («Темно. Всё спит», стр. 118, 338)
Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 6 (тетрадь VI), л. 24 об.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 104).

Датируется летом 1830 года, когда Лермонтов гостил в Середникове (см. примечание к стихотворению «Пан», стр. 391).

В автографе – позднейшая приписка Лермонтова в скобках: «Сидя в Середникове у окна».

Farewell (стр. 119, 338)
Печатается по копии – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 12 об. Черновой автограф (не тот, с которого сделана копия) под заголовком «(Прости) из Байрона» – ИРЛИ, оп. 1, № 6 (тетрадь VI), л. 25. Пунктуация исправлена по автографу.

Впервые опубликовано по черновому автографу в «Отеч. записках» (1859, т. 127, № 11, отд. I, стр. 253–254).

Датируется летом 1830 года, так как черновой автограф расположен непосредственно после стихотворения «Ночь. III» (см. примечание к данному стихотворению, стр. 403).

Произведение является близким к оригиналу переводом стихотворения Байрона «Farewell! if ever fondest prayer».

Элегия («Дробись, дробись, волна ночная», стр. 120, 339)
Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 6 (тетрадь VI), лл. 25 об. – 26.
Имеется копия – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 6.

Впервые опубликовано в «Библ. для чтения» (1845, т. 68, № 1, отд. 1, стр. 10).

Датируется 1830 годом по нахождению в тетради VI.

ние сочинений в шести томах. Том 1. Стихотворения 1828–1831. Михаил Юрьевич Лермонтов Termontovmikh
Стих 32 является цитатой из поэмы Пушкина «Цыганы». Стихи 7–14 были, повидимому, также навеяны пушкинской поэмой, но в общем контексте стихотворения приобрели новый смысл.

Эпитафия («Простосердечный сын свободы», стр. 122, 340)

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 6 (тетрадь VI), л. 26 об. Имеется копия – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 6–6 об.

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1859, т. 127, № 11, отд. I, стр. 254).

Датируется 1830 годом по нахождению в тетради VI.

В автографе после заглавия стоит цифра «1». См. примечание к следующему стихотворению.

Есть предположение, что стихотворение посвящено памяти поэта Дмитрия Владимировича Веневитинова (1805–1827) (см: М. Ю. Лермонтов, Полн. собр. соч., т. I, Гослитиздат, М.–Л., 1948, стр. 366–367).

Sentenz (стр. 123)

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 6 (тетрадь VI), л. 26 об.

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1859, т. 127, № 11, отд. I, стр. 254).

Датируется 1830 годом по нахождению в тетради VI.

В автографе перед текстом стоит цифра «2»; название «Sentenz» приписано сбоку. Но вряд ли можно считать это стихотворение второй эпитафией (см. примечание к предыдущему стихотворению); вероятно, цифра «2» осталась случайно незачеркнутой.

Гроб Оссиана (стр. 124)

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 6 (тетрадь VI), л. 27. В автографе заглавие в скобках.

Впервые опубликовано в «Русск. старине» (1873, т. 7, № 4, стр. 562).

Датируется летом 1830 года по положению в тетради VI.

В автографе позднейшая приписка Лермонтова в скобках: «узнав от путешественника описание сей могилы».

Оссиан-легендарный шотландский певец, живший по преданиям в III веке.

«В горах Шотландии моей» – по семейным преданиям, Лермонтовы считали себя потомками Лермонта, выходца из Шотландии.

Посвящение («Прими, прими мой грустный труд», стр. 125, 340)

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 6 (тетрадь VI), л. 27 об.

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1859, т. 127, № 11, отд. I, стр. 254–255).

Датируется 1830 годом по нахождению в тетради VI.

Возможно, является посвящением к драме «Испанцы».

Кладбище (стр. 126, 340)

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 6 (тетрадь VI), л. 28. Имеется копия – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 6 об.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, М., 1889, стр. 107–108).

Датируется 1830 годом на основании приписки Лермонтова в автографе в скобках: «На кладбище написано» и дата: «1830».

Посвящение («Тебе я некогда вверял», стр. 127, 340)

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 6 (тетрадь VI), л. 28 об.

ние сочинений в шести томах. Том 1. Стихотворения 1828–1831. Михаил Юрьевич Лермонтов *Lermontovmikhail*
Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1859, т. 127, № 11, отд. I, стр. 255).

Датируется 1830 годом по нахождению в тетради VI.

Моя мольба (стр. 128, 340)

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 6 (тетрадь VI), л. 29.

Впервые опубликовано в иной редакции в «Отеч. записках» (1843, т. 31, № 12, отд. I, стр. 279).

Датируется 1830 годом по нахождению в тетради VI.

В автографе – позднейшая приписка Лермонтова в скобках: «После разговора с одной известной очень мне старухой, которая восхищалась и читала и плакала над Грандисоном».

К Сушковой> (стр. 129, 340)

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 6 (тетрадь VI), л. 29.

Впервые опубликовано с некоторыми отличиями от автографа и под заглавием «Черноокой» в «Библ. для чтения» (1844, т. 64, № 5, отд. I, стр. 5).

В автографе рядом с заглавием позднейшая приписка Лермонтова в скобках: «При выезде из Середникова к Miss black-eyes. Шутка-преположенная от М. Корд».

Е. А. Сушкова в своих «Записках» (стр. 113) поставила дату стихотворения: «Середниково. 12 августа, 1830». По словам Сушковой, стихотворение было написано накануне отъезда Лермонтова из Середникова в Москву после окончания летних каникул («Записки» Сушковой, 1928, стр. 112).

«Miss black-eyes» («черноокая») – так называли Е. А. Сушкову.

Мистер Корд – губернатор Аркадия Столыпина, двоюродного брата матери Лермонтова

Гость («Как прошлец иноплеменный», стр. 130, 341)

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 6 (тетрадь VI), лл. 29 об. – 30 об.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 109–110).

Датируется летом 1830 года по положению в тетради VI (написано перед заметкой, датированной 8 июля 1830 года).

1830. мая. 16 число (стр. 132, 341)

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 6 (тетрадь VI), л. 31 об. Имеется копия – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), лл. 6 об. – 7, под заголовком: «1830 года мая 16 дня».

Впервые были опубликованы только начальные 6 стихов в Соч. под ред. Ефремова (т. 2. 1887, стр. 89) под заглавием «Предчувствие (Отрывок)».

Полностью – в «Сев. вестнике» (1889, № 8, стр. 4–5) и в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 112).

К*** («Не думай, чтоб я был достоин сожаленьям», стр. 133, 342)

Печатается по копии – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 7 об. Имеется черновой автограф – ИРЛИ, оп. 1, № 6 (тетрадь VI), л. 32. Пунктуация исправлена по автографу.

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1859, т. 127, № 11, отд. 1, стр. 255).

В автографе – приписка Лермонтова в скобках: «Прочитав жизнь Байрона (<написанную> Муром)». Под текстом дата в скобках: «1830»

Письма и дневники Байрона с подробными биографическими примечаниями, изданные поэтом Томасом Муром, вышли в Лондоне в 1830 году; в том же году в Париже вышел французский перевод этой книги. Очевидно, одно из этих изданий (трудно сказать, какое именно) и имеет в виду Лермонтов.

ние сочинений в шести томах. Том 1. Стихотворения 1828–1831. Михаил Юрьевич Лермонтов Termontovmikhaila
Эпитафия («Кто яму для других копать трудился», стр. 134, 342)
Печатается по автографу – ирли, оп. 1, № 6 (тетрадь VI), л. 32 об.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1. 1889, стр. 113).

Датируется 1830 годом по нахождению в тетради VI.

Дереву (стр. 135, 342)

Печатается по автографу – ирли, оп. 1, № 6 (тетрадь VI), л. 34–34 об.

Впервые опубликовано в «Русск. мысли» (1882, № 2, стр. 170).

В автографе рядом с заглавием дата в скобках: «1830»; на л. 35– заметка, имеющая отношение к этому стихотворению, озаглавленная: «[Моя эпитафия] Мое завещание (Про дерево, где я сидел с А. С.)».

В этой заметке, как и в стихотворении, речь идет о двоюродной сестре матери Лермонтова – Анне Григорьевне Столыпной (см. примечание к стихотворению «К...» – «Не привлекай меня красотой»).

Предсказание (стр. 136, 342)

Печатается по автографу – ирли, оп. 1, № 6 (тетрадь VI), л. 31 об. В автографе заглавие в скобках.

Впервые опубликовано без последних двух стихов и с некоторыми искажениями в «Стихотворениях М. Ю. Лермонтова, не вошедших в последнее издание его сочинений» (Берлин, 1862, стр. 19).

Датируется 1830 годом по нахождению в тетради VI.

В автографе рядом с заглавием – приписка Лермонтова в скобках: «Это мечта». В стихотворении «Предсказание» явственнее всего выражены мысли Лермонтова о грядущих революционных потрясениях.

Стихотворение написано под впечатлением многочисленных крестьянских восстаний 1830 года, которые особенно участились в связи с распространением в ряде губерний эпидемии холеры.

«Всё тихо-полная луна» (стр. 137, 342)

Печатается по автографу – ирли, оп. 1, № 7 (тетрадь VII), л. 1.

Впервые опубликовано в «Русск. мысли» (1882, № 2, стр. 172).

Датируется летом 1830 года по положению в тетради VII.

«Никто, никто, никто не усладил» (стр. 138)

Печатается по автографу – ирли, оп. 1, № 7 (тетрадь VII), л. 1.

Впервые опубликовано в «Русск. мысли» (1882, № 2, стр. 172).

Датируется летом 1830 года по положению в тетради VII, рядом со стихотворением «1830 год. Июля 15-го».

1830 год. Июля 15-го (стр. 139, 343)

Печатается по автографу – ирли, оп. 1, № 7 (тетрадь VII), лл. 1 об.–2.

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1859, т. 127, № 11, отд. I, стр. 246–247).

Булевар (стр. 141, 343)

Печатается по автографу – ирли, оп. 1, № 7 (тетрадь VII), лл. 2 об. – 4 об.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 119–121).

На л. 2 внизу – заметка, относящаяся, очевидно, к этому стихотворению: «В следующей сатире всех разругать, и одну грустную строфу. Под конец сказать, что [они] я напрасно писал и что если б это перо в палку обратилось, а какое-нибудь божество новых времен приударило в них, оно – лучше». После текста приписка в

ние сочинений в шести томах. Том 1. Стихотворения 1828–1831. Михаил Юрьевич Лермонтов Termontovmikhaila
скобках: «Продолжение впрядь».

Датируется летом (июль–август) 1830 года по положению в тетради VII, рядом со стихотворением «1830 год. Июля 15–го».

Кого Лермонтов имел в виду под именем «ч***», не установлена. В строфе 4, возможно, речь идет о П. И. Шаликове (см. примечания к «Эпиграммам» 1829 года, стр. 390).

Какого именно Башуцкого имеет в виду Лермонтов, не установлено.

Мосолов Ф. И. (род. около 1771 г., ум. в 1844 г.), генерал, старый холостяк, живший на Тверском бульваре в Москве.

Песнь барда (стр. 145, 344)

Печатается по копии – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 19–19 об. Имеется черновой автограф (не тот, с которого сделана копия) – ИРЛИ, оп. 1, № 7 (тетрадь VII), л. 5–5 об. Пунктуация исправлена по автографу. Копия сделана, видимо, с более позднего автографа, в котором был уже изменен стих 17 и занумерованы строфы. В копии переписчик ошибочно в стихе 8 написал «панскому» вместо «ханскому».

Впервые опубликовано в «Сев. вестнике» (1889, № 3, стр. 86–87).

Датируется летом 1830 года по положению в тетради VII.

10 июля. (1830) (стр. 147, 344)

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 7 (тетрадь VII), л. 5 об.

Впервые опубликовано в «Стихотворениях М. Ю. Лермонтова, не вошедших в последнее издание его сочинений» (Берлин, 1862, стр. 118).

В автографе под текстом стоят три звездочки – видимо, на следующем, ныне утраченном листе было написано продолжение стихотворения. В стихе 6 некоторые читали слово «мрачной» как «прочной» (см. «Лит. наследство», т. 58, М., 1952, стр. 378), но внимательное изучение рукописи не подтверждает правильности такого чтения.

То, что до нас дошел неполный текст стихотворения, делает затруднительным определение, о каком именно восстании идет речь. Высказывались предположения, что стихотворение является откликом либо на события Июльской революции 1830 года во Франции (см. Соч. под ред. Висковатова, т. 6, 1891, стр. 458); либо на восстание горцев на Кавказе (Н. Л. Бродский. Лермонтов, т. 1. М., 1945, стр. 228); либо на восстание 1830 года в Польше (Соч. изд. «Московский рабочий», 1949, стр. 474–475); либо на восстание 1830 года в Албании («Лит. наследство», т. 58, стр. 378–386). Однако даты каждого из этих событий не совпадают с датой стихотворения. Самый текст произведения не дает возможности с уверенностью отнести его к какому-либо из названных выше восстаний.

Благодарю! (стр. 148)

Печатается по «Запискам» Сушковой (СПб., 1870, стр. 83–84; ср. издание «Записок», Л., 1928, стр. 114).

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Библ. для чтения» (1844, т. 64, № 5, отд. I, стр. 6) с небольшим искажением в стихе 17 и с датой «1830».

В «Записках» Сушкова датировала это стихотворение, как и предыдущее, 12 августа 1830 года, но из ее же рассказа следует, что «Благодарю» было написано днем позже («Записки» Сушковой, 1928, стр. 113).

Нищий (стр. 149, 344)

Печатается по авторизованной копии – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 12.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Библ. для чтения» (1844, т. 64, № 6, стр. 132) с

ние сочинений в шести томах. Том 1. Стихотворения 1828–1831. Михаил Юрьевич Лермонтов *Lermontovmikhail* некоторыми отличиями от копии и под заглавием «К Е...А...Ъ», в цикле стихотворений «Из альбома Е. А. Сушковой». В «Записках» Сушковой 1870 года изменено чтение стиха 12.

Датируется серединой августа 1830 года на основании воспоминаний Е. А. Сушковой.

По словам мемуаристики стихотворение было написано в Троице-Сергиевой Лавре, куда молодежь ходила пешком из Середникова на богомолье. На паперти стоял слепой нищий, которому все присутствующие подали милостыню. «Услыша звук монет, бедняк крестился, стал нас благодарить, приговаривая: „Пошли вам Бог счастье, добрые господа; а вот наемни приходили сюда тоже господа, тоже молодые, да шалуны, насмеялись надо мною: наложили полную чашечку камушков. Бог с ними!«». Вернувшись из церкви, Лермонтов сразу же написал стихотворение» («Записки» Сушковой, 1928, стр. 114–115).

К... («Не говори: я трус, глупец», стр. 150, 345)
Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 8 (тетрадь VIII), л. 9 об.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 132).

Датируется 1830 годом по положению в тетради VIII.

Чума в Саратове (стр. 151, 345)
Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 8 (тетрадь VIII), л. 10. В автографе рядом с заглавием помета рукой Лермонтова в скобках «*Cholera-morbus*» и дата: «1830 года августа 15 дня».

В автографе в стихе 15 написано: «сластость», повидимому, ошибочно вместо «сладкость».

Впервые опубликовано в «Русск. мысли» (1883, № 4, стр. 76–77) с некоторыми искажениями.

Датируется 15 августа 1830 года на основании пометы в рукописи.

Стихотворение было написано в связи с распространением эпидемии холеры в юго-восточной России.

«Плачь! плачь! Израиля народ» (стр. 152, 345)
Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 8 (тетрадь VIII), л. 10 об.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Ефремова (т. 2. 1880, стр. 176) как первоначальный набросок «Еврейской мелодии» для драмы «Испанцы».

Датируется августом 1830 года по положению в тетради VIII.

30 июля. – (Париж) 1830 года (стр. 153, 345)
Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 8 (тетрадь VIII), лл. 10 об. – 11. Имеется копия, озаглавленная ошибочно «30 июня 1830-го года» – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), лл. 3 об.–4.

Впервые опубликовано с некоторыми искажениями и пропуском стиха 7 в «Русск. мысли» (1883, № 4, стр. 54).

Датируется августом 1830 года. Стихотворение было написано под впечатлением событий Июльской революции во Франции: поэт приветствует народное восстание. В результате восстания 28–30 июля французский король Карл X отрекся от престола и затем бежал в Англию. Известия о революции во Франции дошли в Москву в первых числах августа; в Середникове, где Лермонтов был до 12 августа, сведения могли быть получены несколько позже.

Стансы («Взгляни, как мой спокоен взор», стр. 155, 346)
Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 8 (тетрадь VIII), л. 12. В автографе под заглавием пометы рукой Лермонтова в скобках: «1830 года», «26 августа».

Впервые опубликовано в «Библ. для чтения» (1844, т. 64, № 5, отд. I, стр. 7–8) с некоторыми разночтениями и под заглавием «Станс». В издании «Записок» Сушковой 1870 года в текст внесен ряд изменений.

Датируется 26 августа 1830 года на основании пометы в рукописи.

В автографе рядом с текстом нарисован пером портрет девушки в профиль, по всей вероятности Е. Сушковой, к которой и может относиться стихотворение.

Чума (стр. 157, 347)

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 8 (тетрадь VIII), лл. 12 об. – 13 об.
Копия (с ошибками) – там же, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 4–4 об.

Впервые опубликовано с рядом неточностей в «Русск. мысли» (1883, № 4, стр. 77–78).

В автографе, после первого стиха – дата в скобках, приписанная Лермонтовым позже: «1830. Августа».

Стихотворение не закончено. Оно было написано во время эпидемии холеры, слухи о которой стали в августе доходить до Москвы. Не исключена возможность, что стихотворение написано в первых числах сентября, когда холера появилась в самой Москве. Позже, датируя стихотворение по памяти, Лермонтов легко мог допустить ошибку; отсутствие числа в дате доказывает, что поэт не помнил точно момент создания произведения.

«Нередко люди и бранили» (стр. 159, 348)

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 8 (тетрадь VIII), л. 13 об.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 134).

Датируется августом 1830 года по положению в тетради VIII.

Романс («В те дни, когда уж нет надежд», стр. 160)

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 8 (тетрадь VIII), л. 14.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 134).

Датируется августом 1830 года по положению в тетради VIII.

Отрывок («Приметив юной девы грудь», стр. 161, 348)

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 8 (тетрадь VIII), л. 14.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Введенского (т. 1, 1891, стр. 187).

Датируется августом 1830 года по положению в тетради VIII.

Баллада («Берегись! Берегись! над бургосским путем», стр. 162, 348)

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 8 (тетрадь VIII), л. 14 об.

Впервые опубликовано в «Стихотворениях М. Ю. Лермонтова, не вошедших в последнее издание его сочинений» (Берлин, 1862, стр. 22–23).

После текста приписка в скобках: «Продолжение впредь».

Датируется августом 1830 года по положению в тетради VIII.

Стихотворение является вольным переводом 1, 3 и части 4 строфы баллады в XVI песне «Дон-Жуана» Байрона. Сохраняя строфическое строение и ритм, Лермонтов существенно изменил смысл оригинала.

Ночь («Один я в тишине ночной», стр. 163, 349)

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 8 (тетрадь VIII), л. 1. Имеется копия с ошибками, исправленными неизвестной рукой, – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 5–5 об.

Впервые опубликовано в «Сев. вестнике» (1889, № 3, стр. 83–84) и в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 129–130).

В автографе рядом с заглавием дата в скобках: «1830 года ночью. Августа 28».

ние сочинений в шести томах. Том 1. Стихотворения 1828–1831. Михаил Юрьевич Лермонтов Termontovmikhaila
«Когда к тебе молвы рассказ» (стр. 165, 349)
Печатается по «Запискам» Сушковой (1870, стр. 95–96). Имеется копия – ИРЛИ, оп. 2, № 40 (альбом А. М. Верещагиной), л. 5.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в отрывке из «Записок» Сушковой в «Русск. вестнике» (1857, т. 11, сентябрь, кн. 2, стр. 405).

Датируется предположительно началом сентября 1830 года на основании указаний Сушковой («Записки», 1928, стр. 126–127). Мемуаристка сообщает, что это стихотворение было написано через неделю после создания «Стансов» («Взгляни, как мой спокоен взор»), которые в автографе датированы 26 августа.

«Передо мной лежит листок» (стр. 166)
Печатается по «Запискам» Сушковой (1870, стр. 97).

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в отрывке из «Записок» Сушковой в «Русск. вестнике» (1857, т. 11, сентябрь, кн. 2, стр. 406).

Датируется предположительно началом сентября 1830 года на основании указаний Сушковой («Записки», 1928, стр. 128).

«Свершилось! полно ожидать» (стр. 167)
Печатается по «Запискам» Сушковой (1870, стр. 98–99).

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в отрывке из «Записок» Сушковой в «Русск. вестнике» (1857, т. 11, сентябрь, кн. 2, стр. 407).

В «Записках» Сушковой стихотворение датировано 1 октября 1830 года; там же указано, что оно написано в связи с отъездом мемуаристки из Москвы в Петербург («Записки» Сушковой, 1928, стр. 131).

«Итак, прощай! Впервые этот звук» (стр. 168)
Печатается по «Библ. для чтения» (1844, т. 64, № 6, отд. 1, стр. 129), где напечатано впервые (под названием: «К Е... А... е»).

Автограф не известен.

По словам Сушковой, стихотворение было написано в день ее отъезда в Петербург (т. е. 1 октября, см. примечание к предыдущему стихотворению).

Новгород (стр. 169)
Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 8 (тетрадь VIII), л. 2 об.

Впервые опубликовано с некоторыми неточностями в «Русск. мысли» (1883, № 4, стр. 55–56).

В автографе стихотворение зачеркнуто, заглавие и дата («3 октября 1830») приписаны позднее (возможно, в дате следует читать «13 октября»). Стихотворение не завершено. Существует предположение, что оно обращено к сосланным декабристам и под именем «тирана» Лермонтов имел в виду Николая I. В стихах 7–8 речь идет, очевидно, о Новгороде, общественное устройство которого было для декабристов идеалом свободного национально-русского политического строя (см. Соч. изд. Academia, т. I, стр. 469).

Глупой красавице (стр. 170)
Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 8 (тетрадь VIII), л. 2 об.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 130).

В автографе под текстом позже приписана дата: «1830 года–4 октября». Заглавие заключено в скобки.

ние сочинений в шести томах. Том 1. Стихотворения 1828–1831. Михаил Юрьевич Лермонтов Termontovmikhaila
Могила бойца (стр. 171, 349)
Печатается по копии – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), лл. 18 об. – 19. Имеется черновой автограф (не тот, с которого сделана копия) – ИРЛИ, оп. 1, № 8 (тетрадь VIII), л. 2 об.

Впервые опубликовано с некоторыми разночтениями в «Стихотворениях М. Ю. Лермонтова, не вошедших в последнее издание его сочинений» (Берлин, 1862, стр. 20–21).

В автографе под текстом дата: «1830 год–5-го октября. Во время холеры – morbus».

Высказывалось предположение, что в стихотворении идет речь о киевском князе Олеге (Соч. изд. «Московский рабочий», 1949, стр. 476).

Смерть («Закат горит огнистой полосой», стр. 173)
Печатается по копии – ИРЛИ, оп. 2, № 41 (тетрадь из собрания А. А. Краевского), лл. 3 об.–4.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1843, т. 31, № 12, отд. I, стр. 279).

Под текстом дата: «1830, октября 9».

Тема стихотворения, очевидно, возникла в связи с распространением в Москве холерной эпидемии.

Русская песня (стр. 174, 349)
Печатается по копии – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 33 об. Имеются еще копии – ИРЛИ, оп. 1, № 40, отдельный листок, и повторяющая ее копия из собрания А. А. Краевского, оп. 2, № 41, л. 6.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Сев. вестнике» (1889, № 3, стр. 91).

В тетради из собрания Краевского датировано 1830 годом.

1831

1831-го января (стр. 175, 350)
Печатается по копии – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 27. Имеется также копия – ИРЛИ, ф. 244, оп. 1, № 124 (альбом Ю. Н. Бартенева), л. 180. Копия эта сделана А. Закревским 15-го августа 1831 года.

Автограф не известен.

Опубликовано впервые в «Сев. вестнике» (1889, № 1, отд. I, стр. 15).

Датируется по заголовку стихотворения.

«Послушай! вспомни обо мне» (стр. 176)
Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 41 (альбом Н. И. Поливанова), л. 23.

Впервые опубликовано в «Русск. старине» (1875, № 4, стр. 872).

В автографе приписка, позволяющая судить о дате и обстоятельствах написания стихотворения: «23-го марта 1831 г. Москва. Михаила Юрьевич Лермонтов написал эти строки в моей комнате во флигеле нашего дома на Молчановке, ночью; когда вследствие какой-то университетской шалости он ожидал строгого наказания. Н. Поливанов».

Рукой Лермонтова в текст внесены поправки: вставлены слова «эти строки» и по стертому написано: «он ожидал строгого наказания». Подпись – «М. Л.».

Николай Иванович Поливанов (1814–1874) – друг Лермонтова в годы его учения в Московском университете. Позднее вместе с поэтом Поливанов учился в Школе гвардейских подпрапорщиков, по окончании которой служил в лейб-гвардии уланском полку. Полковником вышел в отставку, умер в Казани.

«Университетская шалость», о которой упоминает Н. И. Поливанов в своей записи, – это так называемая «маловская история», в которой участвовал и Лермонтов: 16 марта 1831 года студенты изгнали из университетской аудитории профессора уголовного права М. Я. Малова. По характеристике А. И. Герцена, «Малов был глупый, грубый и необразованный профессор в политическом отделении. Студенты презирали его, смеялись над ним» (А. И. Герцен. Былое и думы. Газетно-журнальное и книжное издательство, Л., 1949, стр. 82–83).

1831-го июня 11 дня (стр. 177, 350)

Печатается по авторизованной копии – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), лл. 21 об. – 25.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано с пропусками и искажениями в Соч. под ред. Дудышкина (т. 2, 1860, стр. 105–115).

Дата указана в названии стихотворения.

Стихи 101–112 варьируются в поэме «Литвинка» (стихи 513–520), а 194–195 в «Джюлио» (стихи 292–293). Строфы 1, 2, 5 вошли в драму «Странный человек» с небольшими разночтениями.

Стихотворение имеет автобиографический характер. По идейному содержанию оно наиболее значительное из всей юношеской лирики: в нем с особой силой проявился действенный, жизнеутверждающий характер лермонтовской поэзии. «В стихах Лермонтова начинают громко звучать ноты, почти незаметные у Пушкина – это жадное желание дела, активного вмешательства в жизнь. Жажда дела, тоска сильного человека, который не находит почвы для приложения своих сил, – была вообще свойственна людям тех годов», – отмечал А. М. Горький в своих лекциях о русской литературе, читанных в 1909 году на о. Капри (М. Горький. История русской литературы. ГИХЛ, М., 1939, стр. 160).

Стихотворение Лермонтова «1831-го июня 11 дня» перекликается с известными высказываниями Белинского и Герцена об активном отношении к жизни. «Жизнь есть действие, а действие есть борьба...», – писал В. Г. Белинский в 1834 году в «Литературных мечтаниях» (Белинский, т. 1, стр. 360). То же у Герцена: «...хочется действия, ибо одно действие может вполне удовлетворить человека. Действие – сама личность» (А. И. Герцен, Полн. собр. соч. под ред. Лемке, т. 3, Пгр., 1919, стр. 216). Призыв к борьбе и действию был одним из существенных моментов, в которых проявилась идейная солидарность Лермонтова с Белинским и его друзьями. Н. Г. Чернышевский писал об этой солидарности: «Лермонтов... самостоятельными симпатиями своими принадлежал новому направлению, и только потому, что последнее время своей жизни провел на Кавказе, не мог разделять дружеских бесед Белинского и его друзей» (Чернышевский, т. 3, стр. 223).

Женщина, к которой обращены многие строки стихотворения, – Н. Ф. Иванова, с чьим именем связан ряд стихотворений Лермонтова 1830–1831 годов (см. примечание к стихотворению «Н. Ф. И... вой», 1830, стр. 397).

Романс к И... («Когда я унесу в чужбину», стр. 187, 350)

Печатается по авторизованной копии – ИРЛИ, оп. 1, № 46, л. 16 об. (стихотворение помещено на последнем, отдельном листке тетради с повестью «Последний сын вольности»). Имеется ранний автограф под названием «Романс к ****» – ИРЛИ, оп. 1, № 40, на отдельном листке с копией «Русской песни» («Клоками белый снег валится»).

Впервые опубликовано в «Отч. записках» (1843, т. 31, № 12, отд. I, стр. 280). Датируется предположительно 1831 годом по содержанию и по положению копии в тетради.

Стихотворение адресовано Н. Ф. Ивановой. С разночтениями вошло в драму «Странный человек».

Завещание («Есть место: близ тропы глухой», стр. 188, 350)

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 10 (тетрадь X), л. 37. Есть копия без

ние сочинений в шести томах. Том 1. Стихотворения 1828–1831. Михаил Юрьевич Лермонтов Termontovmikhaila
разночтений – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 36 об.

Опубликовано впервые в «Сарат. листке» (1876, № 43, от 26 февраля). В автографе-приписка в скобках: «Середниково: ночью; у окна».

Датируется летом 1831 года по приписке и по нахождению в тетради X.

В копии подзаголовков в скобках «Из Гете». Однако у Гете нет стихотворения, которое могло бы служить оригиналом данного произведения.

«Сижу я в комнате старинной» (стр. 189, 350)
Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 10 (тетрадь X), л. 37 об.

Впервые опубликовано в «Русск. мысли» (1882, № 2, стр. 167). В первопечатном тексте есть небольшое разночтение с автографом.

В автографе приписка рукой Лермонтова: «(Средниково) (В мыльне) (Ночью, когда мы ходили попа пугать)». Внизу страницы тщательно зачеркнутая сноска к последней строке.

Датируется летом 1831 года по приписке и по нахождению в тетради X.

Товарищ, о котором идет речь в стихотворении, – это, по рассказам А. Д. Столыпина, Лаптев, сын помещика, жившего в имении неподалеку от Середникова (Соч. под ред. Висковатова, т. 6, 1891, стр. 90–91).

К *** («Всевышний произнес свой приговор», стр. 190, 350)
Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 11 (тетрадь XI), л. 1.

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1859, т. 127, № 11, отд. I, стр. 259).

Датируется 1831 годом по нахождению в тетради XI.

Стихотворение обращено, по всей вероятности, к Н. Ф. Ивановой. Упоминание о прощальном поцелуе и мотив измены повторяются в ряде других стихотворений, адресованных Ивановой (см., например, «К Н. И . . .», 1831, стр. 209).

Желание («Зачем я не птица, не ворон степной», стр. 192, 351)
Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 11 (тетрадь XI), л. 1 об. Есть копия – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), лл. 36 об. – 37.

Опубликовано впервые в «Отеч. записках» (1859, т. 127, № 11, отд. I, стр. 259–260).

В автографе справа от заголовка приписки рукой Лермонтова в скобках: «Средниково. Вечер на бельведере». «29 июля».

Датируется летом 1831 года по приписке и по нахождению в тетради XI. Число указано в приписке.

В стихотворении отражаются семейные предания о шотландском происхождении рода Лермонтовых.

К деве небесной (стр. 193, 351)
Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 11 (тетрадь XI), л. 2. Есть копия – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 37–37 об.

Опубликовано впервые в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 179).

Датируется 1831 годом по нахождению в тетради XI.

Св. Елена (стр. 194, 351)
Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 11 (тетрадь XI), л. 2–2 об.; оп. 1, № 10 (тетрадь X) на л. 37 об. – черновой набросок строфы 2. Есть копия – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 37 об.

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1859, т. 127, № 11, отд. I, стр. 260).

ние сочинений в шести томах. Том 1. Стихотворения 1828–1831. Михаил Юрьевич Лермонтов Termontovmika
Датируется 1831 годом по нахождению в тетради XI.

К другу В. Ш. (стр. 195, 351)
Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 11 (тетрадь XI), л. 2 об.

Впервые опубликовано в «Отч. записках» (1859, т. 127, № 11, отд. I, стр. 261).

Датируется 1831 годом по нахождению в тетради XI.

Владимир Александрович Шеншин (1814–1873) – друг Лермонтова в период его учения в Московском университете. О том, какая горячая привязанность существовала между друзьями, можно судить по письму В. А. Шеншина к Н. И. Поливанову – от 7 июня 1831 года: «... мне здесь душно, и только один Лермонтов, с которым я уже пять дней не видался... меня утешает своею беседою».

«Блистая пробегает облака» (стр. 196, 352)
Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 11 (тетрадь XI), л. 3.

Впервые опубликовано в «Отч. записках» (1859, т. 127, № 11, отд. I, стр. 261–262) под заглавием «7-го августа. В деревне».

В автографе на месте заглавия – надпись в скобках: «7-го августа. В деревне на холме; у забора».

Датируется 7 августа 1831 года по приписке и по положению стихотворения в тетради XI.

Атаман (стр. 198, 352)
Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 11 (тетрадь XI), лл. 3 об.–4. Есть копия – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), лл. 37–38.

Впервые опубликовано в «Отч. записках» (1859, т. 127, № 11, отд. I, стр. 262–264).

Датируется второй половиной 1831 года по положению в тетради XI.

Стихотворение написано по мотивам народных песен о Степане Разине.

Исповедь («я верю, обещаю верить», стр. 201, 353)
Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 11 (тетрадь XI), лл. 4 об.–5.

Впервые опубликовано в «Отч. записках» (1859, т. 127, № 11, отд. I, стр. 264).

Датируется второй половиной 1831 года по положению в тетради XI.

Надежда (стр. 202, 353)
Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 11 (тетрадь XI), л. 5. Есть копия – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 38 об.

Впервые опубликовано в «Сев. вестнике» (1889, № 2, стр. 127–128).

Датируется второй половиной 1831 года по положению в тетради XI.

Видение (стр. 203, 353)
Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. I, № 11 (тетрадь XI), лл. 5 об.–7. В автографе заглавие заключено в скобки.

Впервые как отдельное стихотворение опубликовано в Соч. изд. «Academia» (т. 1, стр. 200–205). Ранее печаталось с разночтениями в тексте драмы «Странный человек».

Датируется второй половиной 1831 года по положению в тетради XI.

Стихотворение принадлежит к лирическому циклу, посвященному Н. Ф. Ивановой (см. стр. 397 «Н. Ф. И... вой»).

Чаша жизни (стр. 206, 355)
Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 11 (тетрадь XI), л. 7 об. Есть копия –

ние сочинений в шести томах. Том 1. Стихотворения 1828–1831. Михаил Юрьевич Лермонтов Termontovmikhaila
ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 39.

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1859, т. 127, № 11, отд. I, стр. 264–265).

Датируется второй половиной 1831 года по положению в тетради XI.

К л. – (Подражание Байрону) (стр. 207, 355)

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 11 (тетрадь XI), л. 9 об. Заглавие и подзаголовок заключены Лермонтовым в скобки. Существует копия – ИРЛИ, оп. 2, № 40 (альбом А. М. Верещагиной), л. 6.

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1859, т. 127, № 11, отд. I, стр. 265). В другой редакции опубликовано Е. А. Сушковой в «Русск. вестнике» (1857, т. 11, сентябрь, кн. 2, стр. 405).

В стихе 18 автографа – очевидная описка: «нежной» вместо «нежно». Строка «Кто нежной так любим» не имеет смысла по контексту. Поэтому во всех изданиях печатается «Кто нежно так любим».

Сушкова ошибочно датирует стихотворение 1830 годом. Оно написано в августе или в начале сентября 1831 года, что устанавливается по положению стихотворения в тетради XI.

Лермонтов упоминает в стихотворении обстоятельства автобиографического характера. Женщина, о которой идет речь, – по всей вероятности, Варвара Александровна Лопухина (1814–1851), впоследствии замужем за Н. Ф. Бахметевым. Родственник и друг поэта А. П. Шан-Гирей вспоминает: «Будучи студентом, он был страстно влюблен в молоденькую, милую, умную, как день, и в полном смысле восхитительную В. А. Лопухину; это была натура пылкая, восторженная, поэтическая и в высшей степени симпатичная» («Русск. обозрение», 1890, т. 4, август, стр. 729).

Форма стихотворения отчасти сходна со «Стансами, написанными при отплытии из Англии» Байрона (например, рефрен – «Люблю, люблю одну»).

К н. и. . . (стр. 209, 356)

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 11 (тетрадь XI), лл. 9 об. – 10.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 187–188).

Датируется осенью 1831 года по положению в тетради XI.

Стихотворение адресовано Н. Ф. Ивановой (см. стр. 397 «Н. Ф. И...вой»).

А. Д. З... (стр. 211, 356)

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 11 (тетрадь XI), л. 10.

Впервые опубликовано в «Русск. библиофиле» (1913, № 8, стр. 79).

Датируется 1831 годом по нахождению в тетради XI.

А. Д. З. – Андрей Дмитриевич Закревский (род. в 1813 году), друг Лермонтова по кружку в Московском университете. А. Д. Закревский известен был в Москве как автор анонимной книжки о Царе-Горохе («Подарок ученым на MDCCCXXXIV год. Ergo мотай себе на ус. О царе Горохе, когда царствовал государь царь Горох, где он царствовал и как царь Горох перешел, в преданиях народов, до отдельного потомства». М., Ун. типография, 1834). Здесь А. Закревский, обнаружив дар превосходного памфлетиста, высмеял внешность и манеру читать профессоров Павлова, Каченовского, Погодина, Давыдова, стиль полемики Н. А. Полевого, тематику повестей некоторых тогдашних писателей. Особенно остро звучало в сатирическом памфлете Закревского высмеивание Булгарина и Греча – главных представителей реакционной прессы.

Упоминаемые также в стихотворении кн. Валериан Павлович Гагарин (род. в 1812 году) и Дмитрий Павлович Тиличев (в автографе – Теличев, род. в 1812 году – ум. после 1860 года) – студенты словесного отделения Университета.

ние сочинений в шести томах. Том 1. Стихотворения 1828–1831. Михаил Юрьевич Лермонтов Termontovmika
Воля (стр. 212, 356)
Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 11 (тетрадь XI), л. 19 об. Есть копия – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), лл. 39 об. – 40. В автографе заглавие заключено в скобки.

Впервые опубликовано в «Отч. записках» (1859, т. 127, № 11, отд. I, стр. 265–266).

Датируется 1831 годом по нахождению в тетради XI.

С некоторыми изменениями это стихотворение входит в текст повести «Вадим», где приобретает острую политическую окраску, как песня, которая бытует среди крестьян – участников пугачевского восстания.

Сентября 28 (стр. 214, 356)

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 11 (тетрадь XI), л. 20–20 об. Есть копия – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), лл. 39 об. – 40.

Впервые опубликовано в «Библиогр. записках» (1861, т. 3, № 16, стр. 495–496).

Датируется осенью 1831 года по положению в тетради XI. Месяц и число указаны в заголовке стихотворения.

Возможно, что в стихотворении имеются в виду отношения поэта с Н. Ф. Ивановой (см. стр. 397 «Н. Ф. И... вой»).

«Зови надежду сновиденьем» (стр. 216, 357)

Печатается по «Библ. для чтения» (1844, т. 64, № 6, отд. I, стр. 129), где опубликовано впервые вслед за стихотворением «Итак прощай! Впервые этот звук» (см. примечание, стр. 414) под названием «К ней же» и с датой «1830».

Имеется автограф – ИРЛИ, оп. 1, № 11 (тетрадь XI), л. 21, дающий раннюю редакцию текста. В той же тетради на л. 30 есть черновой набросок к этому стихотворению.

Имеется также копия – ИРЛИ, оп. 2, № 40 (копия из альбома А. М. Верещагиной), л. 7.

Датируется осенью 1831 года по положению в тетради XI.

По свидетельству Е. А. Сушковой, стихотворение обращено к ней («Записки» Сушковой, 1928, стр. 124). Сообщенная Сушковой дата написания стихотворения (1830 год) не точна.

«Прекрасны вы, поля земли родной» (стр. 217, 358)

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 11 (тетрадь XI), л. 23.

Впервые опубликовано с разночтениями в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 191).

Стихотворение в автографе зачеркнуто.

Датируется осенью 1831 года по содержанию и по положению в тетради XI.

По содержанию характерно для патриотической лирики Лермонтова: глубокая любовь к родной земле, мечты о ее свободе сочетаются в его творчестве с обличением общественного зла в «стране порочной».

«Позабытый прах» – предполагается, что Лермонтов говорит здесь о Ю. П. Лермонтове (см. примечание к стихотворению «Ужасная судьба отца и сына», стр. 426).

«Метель шумит и снег валит» (стр. 218, 358)

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 11 (тетрадь XI), л. 23.

Впервые опубликовано в «Отч. записках» (1859, т. 127, № 11, отд. I, стр. 266).

Датируется второй половиной 1831 года по положению в тетради XI.

ние сочинений в шести томах. Том 1. Стихотворения 1828–1831. Михаил Юрьевич Лермонтов Termontovmikhaila
Небо и звезды (стр. 219)
Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 11 (тетрадь XI), л. 23 об. Есть копия – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 40–40 об.

Впервые опубликовано в «Библ. для чтения» (1845, т. 68, № 1, отд. I, стр. 9).

Датируется 1831 годом по нахождению в тетради XI.

Счастливей миг (стр. 220, 358)
Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 11 (тетрадь XI), л. 24.

Впервые опубликовано в «Русск. библиофиле» (1913, № 8, стр. 79–80).

Датируется 1831 годом по нахождению в тетради XI.

«Когда б в покорности незнания» (стр. 222, 359)
Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 11 (тетрадь XI), л. 24 об. Есть копия – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 40 об.

Впервые опубликовано в «Отч. записках» (1859, т. 127, № 11, отд. I, стр. 267).

Датируется 1831 годом по нахождению в тетради XI.

К кн. Л. Г-ой (стр. 223, 359)
Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 11 (тетрадь XI), л. 25 об.

Впервые опубликовано в «Отч. записках» (1859, т. 127, № 12, отд. I, стр. 383).

Датируется второй половиной 1831 года по положению в тетради XI.

Существует предположение, что стихотворение обращено к Елизавете Павловне Горчаковой (1812–1889), двоюродной сестре Н. Ф. Ивановой (Соч. изд. «Academia», т. 1, стр. 484).

«Кто видел Кремль в час утра золотой» (стр. 224, 359)
Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 11 (тетрадь XI), л. 26 об.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 194).

Датируется 1831 годом по нахождению в тетради XI.

«Я видел тень блаженства; но вполне» (стр. 225, 360)
Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 11 (тетрадь XI), лл. 26 об. – 27.

Впервые опубликовано в «Отч. записках» (1859, т. 127, № 11, отд. I, стр. 267–268).

Датируется поздней осенью 1831 года по положению в тетради XI и по содержанию.

Стихотворение носит автобиографический характер. В нем говорится о любви поэта к Н. Ф. Ивановой. В последних строках – упоминание о смерти отца (Ю. П. Лермонтов умер 1 октября 1831 года). Позднее этой теме Лермонтов посвятил стихотворения «Ужасная судьба отца и сына» (1831) и «Эпитафия» (1832).

К *** («О, не скрывай! ты плакала об нем», стр. 227, 360)
Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 11 (тетрадь XI), л. 27. Есть копия – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), лл. 40 об. – 41.

Впервые опубликовано в «Сев. вестнике» (1889, № 2, отд. I, стр. 128).

Датируется второй половиной 1831 года по положению в тетради XI. Относится к лирическому циклу, посвященному Н. Ф. Ивановой.

К *** («Ты слишком для невинности мила», стр. 228, 361)
Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 11 (тетрадь XI), л. 27 об.

Впервые опубликовано в «Русск. мысли» (1881, № 12, стр. 30).

ние сочинений в шести томах. Том 1. Стихотворения 1828–1831. Михаил Юрьевич Лермонтов Termontovmikhaila
Перед стихотворением – немецкий оригинал первых четырех стихов:

Sie ist zu schön um tugendhaft zu sein,
Um treu zu lieben ist zu lieblich sie;
Wohl tausent Herzen könnte sie erfreun,
Doch selbst, – selbst glücklich wird sie nie.

Автор немецкого текста не установлен. На полях приписка рукой Лермонтова: «L'â e de mon â me» («Душа моей души». – франц.).

Датируется 1831 годом как стихотворение, находящееся в тетради XI.

«Кто в утро зимнее, когда валит» (стр. 229, 361)
Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 11 (тетрадь XI), л. 27 об.

Впервые опубликовано в газете «Русь» (1881, № 10, 17 января).

Датируется зимой 1831 года по положению в тетради XI.

Ангел (стр. 230, 361)

Печатается по «Одесскому альманеху» на 1840 год (Одесса, 1839, стр. 702–703), где было напечатано впервые. Есть авторизованная копия – ИРЛИ, оп. 1, № 15 (тетрадь XV), л. 3. Существует также автограф первоначальной редакции (под заглавием «Песнь ангела») – ИРЛИ, оп. 1, № 11 (тетрадь XI), л. 28. Копия с него – в тетради XX (ИРЛИ, оп. 1, № 21, л. 41). Это же стихотворение было помещено Лермонтовым в альбом А. М. Верещагиной (ИРЛИ, оп. 2, № 40, л. 4) и, кроме того, написано на отдельном листке, который хранится в ЛБ (М., 8490, 1); автограф на половине листа; последняя строка разорвана пополам, – вторая часть строки на листе, хранящемся в ГИМ (ф. 445, № 227а, л. 56).

Датируется 1831 годом по нахождению в тетради XI.

Несмотря на то, что стихотворение было напечатано в альманехе при жизни Лермонтова, поэт не поместил его в свой сборник 1840 года, очевидно, в связи с резкой оценкой, данной Белинским стихотворениям «Ангел» и «Узник» в рецензии на «Одесский альманех». Белинский писал: «Нам, понимающим и ценящим его поэтический талант, приятно думать, что они («Ангел» и «Узник», – Ред.) не войдут в собрание его сочинений» (Белинский, т. 5, стр. 225–226).

Стансы. К д*** (стр. 231, 362)

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 11 (тетрадь XI); лл. 28 об. – 29. Есть копия (без разночтений, с заголовком «Стансы») – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), лл. 41 об. – 42.

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1859, т. 127, № 11. отд. I, стр. 268–270).

Датируется по нахождению в тетради XI.

Кому адресовано стихотворение, окончательно не установлено.

«Ужасная судьба отца и сына» (стр. 234, 362)

Печатается по авторизованной копии – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 42–41 об. Эта копия представляет наиболее позднюю редакцию текста. Имеется также автограф – ИРЛИ, оп. 1, № 11 (тетрадь XI), л. 29 об.

Впервые опубликовано в «Русск. архиве» (1872, № 9, стлб. 1850).

Датируется осенью 1831 года по содержанию.

В этом стихотворении Лермонтов говорит о смерти отца. Юрий Петрович Лермонтов умер 1 октября 1831 года в своей деревне Кропотово Тульской губернии.

Стихотворение содержит намеки на семейные раздоры, которые привели к разлуке Лермонтова с отцом.

«Свершил свой подвиг» – идиоматическое выражение, обозначающее завершение жизненного пути, смерть (см. «Лит. газету», 1941, от 5 января).

ние сочинений в шести томах. Том 1. Стихотворения 1828–1831. Михаил Юрьевич Лермонтов Termontovmikhaila
«Пусть я кого-нибудь люблю» (стр. 236, 363)
Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 11 (тетрадь XI), л. 30 об. Есть копия – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 42 об.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Ефремова (т. 2, 1880, стр. 253).

Датируется концом 1831 года по нахождению в тетради XI и по содержанию.

В автографе стихотворение состояло первоначально из трех строф и было озаглавлено «Стансы». Затем заголовок, строфы 1 и 3 зачеркнуты.

К другу («Забудь опять», стр. 237, 364)

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 11 (тетрадь XI), л. 31.

Впервые опубликовано в «Русск. мысли» (1884, № 4, стр. 59–60).

Датируется второй половиной 1831 года по положению в XI тетради. Адресат стихотворения не установлен.

«Пора уснуть последним сном» (стр. 238)

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 11 (тетрадь XI), л. 31 об.

Впервые опубликовано в «Русск. мысли» (1882, № 2, стр. 180).

Датируется второй половиной 1831 года по положению в тетради XI.

Из Паткуля (стр. 239, 364)

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 19 (тетрадь XVIII), л. 32 об.

Впервые опубликовано полностью в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 203).

Датируется осенью 1831 года по положению в тетради XVIII.

Иоганн-Рейнгольд Паткуль (1660–1707) – ливонский политический деятель, возглавивший борьбу против шведского господства в Прибалтике и казненный Карлом XII. В своих письмах, написанных перед казнью (изданы Московским университетом в 1806 году), Паткуль изображает себя борцом за счастье отчизны. Романтическим ореолом окружено имя Паткуля и в романе Лажечникова «Последний Новик», 1 том которого вышел из печати в августе 1831 года. Все эти литературные факты привлекли внимание Лермонтова. Мысли о Паткуле связываются в представлении поэта с его собственными мечтами о подвиге во имя родины (см. ниже примечание к стихотворению «Настанет день – и миром осужденный»).

Портрет (стр. 240, 364)

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 4 (тетрадь IV), л. 11 об. В автографе заглавие заключено в скобки.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 48).

Датируется концом 1831 года по положению в тетради IV.

«Настанет день – и миром осужденный» (стр. 241, 364)

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 4 (тетрадь IV), лл. 11 об. – 12.

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1859, т. 125, № 7, отд. I, стр. 49).

Датируется концом 1831 года по положению в тетради IV.

Мотив, легший в основу этого стихотворения, – предчувствие трагической гибели в борьбе «за дело общее» – повторяется во многих стихотворениях 1830–1831 годов (см. «Когда твой друг с пророческой тоскою», «Когда к тебе молвы рассказ», «Послушай, вспомни обо мне». «1831-го июня 11 дня», «Из Андрея Шенье», «Из Паткуля» и др.).

К д. (стр. 243, 365)

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 4 (тетрадь IV), л. 12.

ние сочинений в шести томах. Том 1. Стихотворения 1828–1831. Михаил Юрьевич Лермонтов *Lermontovmikhail*
Впервые опубликовано в «Отч. записках» (1859, т. 125, № 7, отд. I, стр. 49–50).

Датируется концом 1831 года по положению в тетради IV.

Адресат стихотворения «К Д.» не установлен. Высказывавшееся в «Лит. наследстве» (т. 43–44, «М. Ю. Лермонтов», 1, стр. 642) предположение о том, что стихотворение относится к В. Лопухиной маловероятно (заголовок «К Д.» расшифровывается – «К другу»).

Песня («Желтый лист о стебель бьется», стр. 244, 365)

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 4 (тетрадь IV), л. 12 об. Есть копия – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), лл. 42 об. – 43.

Опубликовано впервые в «Отч. записках» (1859, т. 125, № 7, отд. I, стр. 50).

Датируется концом 1831 года по положению в тетради IV.

К Нэере (стр. 245)

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 4 (тетрадь IV), л. 12 об.

Впервые опубликовано в «Стихотворениях М. Ю. Лермонтова, не вошедших в последнее издание его сочинений» (Берлин, 1862, стр. 17).

Датируется концом 1831 года по положению в тетради IV.

Имя Нэеры по традиции, установившейся в античной литературе, символизировало в поэтическом обращении возлюбленную поэта. Эта традиция в первой трети XIX века поддерживалась переводами из древних, помещавшимися в популярных журналах. Так, в «Вестнике Европы» было напечатано стихотворение Мерзлякова «К Нэере» (1811, № 10); в «Моск. телеграфе» опубликован перевод А. Киреева из Тибулла также с заголовком «К Нэере» (1829, № 12); в 1830 году были изданы «Опыты перевода Горациевых од» В. Орлова, где XV эпода посвящена Нэере. Из этих литературных источников Лермонтов, возможно, заимствовал имя Нэеры. В его творчестве античные образы и сюжеты чрезвычайно редки.

Отрывок («Три ночи я провел без сна – в тоске», стр. 246, 365)

Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 4 (тетрадь IV), л. 13. Существует и копия стихотворения – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 43–43 об.

Первоначальное заглавие в автографе – «Монолог».

Впервые опубликовано в «Отч. записках» (1859, т. 125, № 7, отд. I, стр. 50–51). В первопечатном издании строка 35 – «Завидуя судьбе его Творца» – выпущена, очевидно, из цензурных соображений.

Датируется концом 1831 года по положению в тетради IV. В это время Лермонтовым была задумана историческая поэма о Мстиславе Черном (см. запись сюжета в настоящем издании, т. 6), «Отрывок» является наброском к поэме.

Баллада («В избушке поздней порою», стр. 248)

Печатается по копии – ИРЛИ, оп. 2, № 41 (тетрадь из собрания А. А. Краевского), лл. 4–5.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Русск. мысли» (1881, № 12, стр. 20).

Датируется 1831 годом, так как связано с относящимся к этому времени замыслом исторической поэмы о Мстиславе Черном и его борьбе с татарами.

Силуэт (стр. 250, 366)

Печатается по авторизованной копии – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 43 об. Имеется черновой автограф – ИРЛИ, оп. 1, № 4 (тетрадь IV), л. 13 об.

Опубликовано впервые по автографу в «Отч. записках» (1859, т. 125, № 7, отд. 1, стр. 53). Впервые по сокращенной копии – в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 52).

ние сочинений в шести томах. Том 1. Стихотворения 1828–1831. Михаил Юрьевич Лермонтов Termontovmikh
Датируется 1831 годом по положению в тетради IV.

Стансы («Мгновенно пробежав умом», стр. 251, 366)
Печатается по копии – ЦГЛА, ф. 1336, оп. 1, № 21 (альбом М. Д. Жедринской), л. 39. Копия представляет последнюю редакцию текста. Автограф – в ИРЛИ, оп. 1, № 6 (тетрадь VI), л. 18–18 об.

Впервые опубликовано в «Лит. газете» (1939, 15 октября, № 57). Относится к 1831 году по дате в альбоме Жедринской.

Автограф, представляющий раннюю редакцию текста, датируется 1830 годом по нахождению в тетради VI.

«Как дух отчаянья и зла» (стр. 252)
Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 4 (тетрадь IV), л. 14 об.

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1859, т. 125, № 7, отд. I, стр. 53).

Датируется концом 1831 года по положению в тетради IV.

«Я не люблю тебя; страстей» (стр. 253, 368)
Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 4 (тетрадь IV), л. 14 об. Существует также копия – ИРЛИ, оп. 2, № 40 (копии из альбома А. М. Верещагиной), л. 8, текст которой совпадает с публикацией «Библ. для чтения».

Впервые с небольшими разночтениями опубликовано в «Библ. для чтения» (1844, т. 64, № 6, отд. I, стр. 132). Последняя строка, очевидно, из цензурных соображений заменена в этом издании точками. С теми же разночтениями, но полностью – в издании «Записок» Сушковой 1870 г. (стр. 102).

Датируется концом 1831 года по положению в тетради IV.

«Унылый колокола звон» (стр. 254)
Печатается по копии – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), лл. 32 об. – 33.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Сев. вестнике» (1889, № 1, отд. I, стр. 11–12).

Датировалось до сих пор 1830 или 1831 годом по положению в тетради XX. Однако по содержанию это стихотворение несомненно развивает мысль двух других стихотворений Лермонтова, написанных им в 1831 году – «Метель шумит и снег валит» и «Кто в утро зимнее, когда валит». Обращает внимание и сходство образной системы всех трех стихотворений. На этом основании стихотворение «Унылый колокола звон» относим к 1831 году.

<Новогодние мадригалы и эпиграммы>
Следующие семнадцать стихотворений, автографы которых находятся в тетради IV, написаны Лермонтовым к новогодней маскарade в Благородном собрании, где поэт и огласил их. А. П. Шан-Гирей рассказывает об этом следующее: «Мне известно, что они были написаны по случаю одного маскарада в Благородном собрании, куда Лермонтов явился в костюме астролога, с огромной книгой судеб подмышкой, в этой книге должность кабалистических знаков исправляли китайские буквы, вырезанные мною из черной бумаги, срисованные в колоссальном виде с чайного ящика и вклеенные на каждой странице; под буквами вписаны были приведенные Г. Дудышкиным стихи, назначенные разным знакомым, которых было вероятно встретить в маскараде» (А. П. Шан-Гирей. «М. Ю. Лермонтов». В книге: «Записки» Сушковой, 1928, стр. 364–365).

Н. Ф. И. (стр. 256, 368). Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 4 (тетрадь IV), л. 14 об.

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1859, т. 125, № 7, отд. I, стр. 54).

Датируется последними днями 1831 года по положению в тетради IV.

Адресовано Н. Ф. Ивановой (см. стр. 397, «Н. Ф. И...вой»).

ние сочинений в шести томах. Том 1. Стихотворения 1828–1831. Михаил Юрьевич Лермонтов *Termonovmikh* Бухариной (стр. 256, 368). Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 4 (тетрадь IV), л. 15.

Впервые опубликовано в «Отч. записках» (1859, т. 125, № 7, отд. 1, стр. 54).

Датируется последними днями 1831 года по положению в тетради IV.

Вера Ивановна Бухарина (1812–1902) – дочь рязанского губернатора, впоследствии сенатора, И. Я. Бухарина. С осени 1830 года жила в Москве. В доме Бухариных собиралась московская знать, писатели и музыканты.

Трубецкому (стр. 256, 368). Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 4 (тетрадь IV), л. 15.

Впервые опубликовано в «Отч. записках» (1859, т. 125, № 7, отд. I, стр. 54).

Датируется последними днями 1831 года по положению в тетради IV. Обращено, по всей вероятности, к кн. Николаю Николаевичу Трубецкому, женившемуся в 1833 году на Е. А. Лопухиной. Лермонтов был близок к семейству Лопухиных, в доме которых в Москве мог часто встречаться с Трубецким (ум. в 1879 году).

Г<ну> Павлову (стр. 257, 368). Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 4 (тетрадь IV), л. 15.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 58).

Стихи 6–10 в автографе зачеркнуты.

Датируется последними днями 1831 года по положению в тетради IV.

Эпиграмма обращена к писателю Николаю Филипповичу Павлову (1805–1864). В конце 20–начале 30–х годов он выступал со своими стихами и переводами в «Моск. телеграфе», «Моск. вестнике», «Телескопе», в альманахах, которые были известны Лермонтову. Например, в «Мнемозине» и «Драматическом альбоме» печатались отрывки из павловского перевода в стихах французской переделки трагедии Шиллера «Мария Стюарт». В той же переделке трагедия шла и на московской сцене. Известно, с каким пренебрежением отзывался Лермонтов об этом роде литературы. Так, например, в письме к М. А. Шан-Гирей (1831) поэт, сожалея об «исковерканном» Шекспире, резко порицает шедшие в московском театре переделки Дюсиса, отвечавшие «приторному вкусу французов, не умеющих обнять высокое». В этом свете выглядят вполне последовательными саркастические интонации Лермонтова в эпиграмме на Павлова, написанной в том же году, что и письмо к М. А. Шан-Гирей.

Алябьевой (стр. 257, 368). Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 4 (тетрадь IV), л. 15.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Ефремова (т. 2, 1880, стр. 70).

Датируется последними днями 1831 года по положению в тетради IV.

Стихотворение посвящено Александре Васильевне Алябьевой (1812–1891). красота которой была неоднократно воспета современниками.

... Влиянье красоты

Ты живо чувствуешь. С восторгом ценишь ты
И блеск Алябьевой и прелесть Гончаровой, –
писал Пушкин, обращаясь к кн. Н. Б. Юсупову в стихотворении «К вельможе». Восхищался «классической красотой» Алябьевой и П. А. Вяземский («Пушкин и его современники», т. 7, вып. 25–27, 1917, стр. 23–24). В 1832 году Алябьева вышла замуж за А. Н. Киреева.

Нарышкиной (стр. 257, 369). Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 4 (тетрадь IV), л. 15 об. Есть копия – ИРЛИ, оп. 4, № 26, отд. I (тетрадь В. Х. Хохрякова), л. 3, с заголовком «А М-лле [L.] Е. Narichkine». Инициал «Е» в автографе зачеркнут.

Впервые опубликовано в «Отч. записках» (1859, т. 125, № 7, отд. I, стр. 54–55).

ние сочинений в шести томах. Том 1. Стихотворения 1828–1831. Михаил Юрьевич Лермонтов Termontovmikhaila
Датируется последними днями 1831 года по положению в тетради IV.

Выдвигалось предположение, что стихотворение обращено к Елизавете Ивановне Нарышкиной (урожд. Метем), жене статского советника И. В. Нарышкина (Соч. изд. «Academia», т. I, стр. 498). Однако стихотворение не может относиться к Е. И. Нарышкиной, родившейся в 1787 году и в 1831 году имевшей взрослую дочь Екатерину (род. в 1816 году). Возможно, что именно к Екатерине Ивановне Нарышкиной и обращен мадригал. Этому предположению соответствуют и поправки в заголовке стихотворения, сделанные Хохряковым, очевидно, знавшим адресат стихотворения. Хохряков уточнил, что имеется в виду «M-lle Нарышкина», и снова восстановил инициал «Е».

Толстой (стр. 258). Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 4 (тетрадь IV), л. 15 об.

Впервые опубликовано в «Отч. записках» (1859, т. 125, № 7, отд. I, стр. 55).

Датируется последними днями 1831 года по положению в тетради IV.

Какая Толстая имеется в виду, не установлено.

Бартеневой (стр. 258, 369). Печатается по беловому автографу ИРЛИ, ф. 244, оп. 1, № 1589 (альбом П. А. Бартеневой), л. 61; автограф-на отдельном листке, вклеенном в альбом между лл. 56 и 57. На оборотной стороне листа надпись неизвестной рукой: «A M-lle Bartenieff». Имеется также черновой автограф – ИРЛИ, оп. 1, № 4 (тетрадь IV), л. 15 об. В заголовке автографа – «Бартеневой».

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 55–56).

Датируется последними днями 1831 года по положению в тетради IV.

Прасковья Арсеньевна Бартенева (1811–1872) – известная певица, «московский соловей», как ее называли современники. В начале 30-х годов Бартенева уже часто выступала на великосветских концертах и балах. Позднее Бартенева получила звание камер-фрейлины и пела в Петербурге. Пресса 30-х годов богата восторженными отзывами о таланте Бартеневой. Многие поэты воспевают силу и красоту ее голоса.

Она поет... и сердцу больно,
И душу что-то шевелит,
И скорбь невнятная томит,
И плакать хочется невольно,
– писала в 1831 году поэтесса Е. Д. Сушкова (Ростопчина). Лермонтов, бывая на балах московской знати, где пела Бартенева, одним из первых среди поэтов-современников посвятил ей стихотворение.

Мартыновой (стр. 258). Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 4 (тетрадь IV), л. 16.

Впервые опубликовано в «Отч. записках» (1859, т. 125, № 7, отд. I, стр. 55).

Датируется последними днями 1831 года по положению в тетради IV.

Мадригал адресован одной из сестер Н. С. Мартынова-убийцы Лермонтова. Вернее всего, он обращен к Елизавете Соломоновне (род. в 1812 году) или Екатерине Соломоновне (род. в 1813 году).

Додо (стр. 258, 369). Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 4 (тетрадь IV), л. 16.

Впервые опубликовано в «Отч. записках» (1859, т. 125, № 7, отд. I, стр. 55).

Датируется последними днями 1831 года по положению в тетради IV.

Додо-Евдокия Петровна Сушкова, впоследствии Ростопчина (1811–1858), поэтесса, друг Лермонтова.

«Талисман», упоминаемый в мадригале, – название стихотворения Ростопчиной, напечатанного П. А. Вяземским в альманахе «Северные цветы» на 1831 год.

Башилову (стр. 259, 370). Печатается по автографу – ирли, оп 1, № 4 (тетрадь IV), л. 15. Копия – ирли, оп. 4, № 26 (тетрадь I В. Х. Хохрякова), л. 3, под заголовком: «A Son Excellence M-r Bachiloff» («Его превосходительству г-ну Башилову». – франц.)

Впервые опубликовано в «Отч. записках» (1859, т. 125, № 7, отд. I, стр. 55–56).

Датируется последними днями 1831 года по положению в тетради IV.

Александр Александрович Башилов (1777–1847) – тайный советник, сенатор, в 1831 году-директор комиссии строений в Москве.

Кропоткиной (стр. 259). Печатается по автографу – ирли, оп. 1, № 4 (тетрадь IV), л. 16 об. Автограф зачеркнут.

Впервые опубликовано в Соч. под ред. Висковатова (т. 1, 1889, стр. 56).

Датируется последними днями 1831 года по положению в тетради IV.

Какая Кропоткина имеется в виду, не установлено. Возможно, это племянница князя А. П. Кропоткина, Елизавета Ивановна, тогда невеста, а впоследствии жена Тиличеева, товарища Лермонтова по Московскому университету.

Щербатовой (стр. 259, 370). Печатается по автографу – ирли, оп. 1, № 4 (тетрадь IV), л. 16 об. Копия – ирли, оп. 4, № 26 (тетрадь В. Х. Хохрякова), № 3, под заголовком «A la Princesse A. Tcherbatoff». («Княжне А. Щербатовой». – франц.)

Впервые опубликовано в «Русск. мысли» (1882, № 2, стр. 174).

Датируется последними днями 1831 года по положению в тетради IV.

Княжна Анна Александровна Щербатова (1808–1870), в 30-х годах – фрейлина, в воспоминаниях и письмах современников упоминается как одна из красивейших женщин современной Лермонтову Москвы.

Булгакову (стр. 260, 371). Печатается по автографу – ирли, оп. 1, № 4 (тетрадь IV), л. 16 об.

Впервые опубликовано в «Отч. записках» (1859, т. 125, № 7, отд. I, стр. 56).

Датируется последними днями 1831 года по положению в тетради IV.

Константин Александрович Булгаков (1812–1862) – сын московского почт-директора А. Я. Булгакова, впоследствии гвардейский офицер, гуляка и повеса, пользовавшийся особой благосклонностью вел. кн. Михаила Павловича. Лермонтов учился с Булгаковым в Московском благородном пансионе, где возникло впервые то неприязненное отношение к Булгакову, которое с такой резкостью звучит в эпиграмме. Незадолго до написания эпиграммы, 11 ноября 1831 года, К. Булгаков, как лучший танцор, был выбран с пятью товарищами на бал к князю С. М. Голицыну. В одном из своих писем А. Я. Булгаков извещал брата об успехах сына: «Когда Костя танцевал французскую кадрили, то государь глядел на него и сказал, кажется, Олсуфьеву: C'est le seul de tous ces messieurs, qui dance bien et qui soit bien tourné. («Из всех этих господ нет ни одного, кто бы так легко танцевал и был бы так строен». – франц.) («Русск. архив», 1902, кн. 1, стр. 138). Возможно, что именно этот эпизод имел в виду Лермонтов, когда писал:

Недавно в платье Арлекина
Ты молодецки танцевал...

Образ К. А. Булгакова послужил прототипом для фигуры Углакова в романе А. Ф. Писемского «Масоны» (1880).

Сабуровой (стр. 260). Печатается по автографу – ирли, оп. 1, № 4 (тетрадь IV), л. 16 об.

Впервые опубликовано в «Русск. мысли» (1882, № 2, стр. 173).

Датируется последними днями 1831 года по положению в тетради IV.

Какая Сабурова имеется в виду, не установлено.

Уваровой (стр. 260). Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 4 (тетрадь IV), л. 17.

Впервые опубликовано в «Русск. мысли» (1882, № 2, стр. 173).

Датируется последними днями 1831 года по положению в тетради IV.

Какая Уварова имеется в виду, не установлено.

«Вы не знали князь Петра» (стр. 261, 371). Печатается по автографу – ИРЛИ, оп. 1, № 4 (тетрадь IV), л. 17.

Впервые опубликовано в «Отеч. записках» (1859, т. 125, № 7, отд. I, стр. 56).

Датируется последними днями 1831 года по положению в тетради IV.

Эпиграмма относится к князю Петру Ивановичу Шаликову (см. примечание к «Эпиграммам» 1829 г., стр. 390).

В одном из номеров издававшегося Шаликовым «Дамского журнала» (1832, ч. 37, № 3, стр. 46–48) помещен отчет о том самом маскараде, на котором Лермонтов читал свои мадригалы.

1830–1831

Звезда («Вверху одна», стр. 262, 371)

Печатается по копии – ИРЛИ, оп. 2, № 40 (копии из альбома А. М. Верещагиной), л. 3. Копия (без заглавия) представляет наиболее позднюю редакцию текста. Имеется также авторизованная копия – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 1.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Библ. для чтения» (1844. т. 64, № 6, отд. I, стр. 130).

Датируется 1830 или 1831 годом по положению в тетради XX.

Раскаянье (стр. 263)

Печатается по авторизованной копии – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 2–2 об.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Библ. для чтения» (1845, т. 68, № 1, отд. I, стр. 5–6).

Датируется 1830 или 1831 годом по положению в тетради XX.

Венеция (стр. 265, 372)

Печатается по авторизованной копии – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), лл. 2 об.–3.

Автограф не известен.

Опубликовано впервые в «Сев. вестнике» (1889, № 3, отд. I, стр. 81–82).

Датируется 1830 или 1831 годом по положению в тетради XX.

«Я видел раз ее в веселом вихре бала» (стр. 267, 372)

Печатается по авторизованной копии – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 3.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Сарат. листке» (1875, № 256).

Датируется 1830 или 1831 годом по положению в тетради XX.

Подражание Байрону (стр. 268)

Печатается по копии – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 7–7 об.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Сев. вестнике» (1889, № 2, отд. I, стр. 121).

Датируется 1830 или 1831 годом по положению в тетради XX.

С каким-либо конкретным произведением Байрона не связано. По содержанию примыкает к циклу автобиографической лирики.

К Дурнову («Довольно любил я, чтоб вечно грустить», стр. 269)
Печатается по копии – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 11 об.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Сев. вестнике» (1889, № 3, стр. 84).

Датируется 1830 или 1831 годом по содержанию и по положению в тетради XX.

О Д. Д. Дурнове см. примечание к стихотворению: «К Д... ву» (1829), стр. 385.

Арфа (стр. 270)
Печатается по копии – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 11 об.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Сев. вестнике» (1889, № 2, отд. I, стр. 122).

Датируется 1830 или 1831 годом по положению в тетради XX.

«На темной скале над шумящим Днепром» (стр. 271)
Печатается по копии – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 12–12 об.

Автограф не известен.

Опубликовано впервые в «Сев. вестнике» (1889, № 3, отд. I, стр. 84).

Датируется 1830 или 1831 годом по положению в тетради XX.

Песня («Не знаю, обманут ли был я», стр. 272)
Печатается по копии – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 13–13 об.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Сев. вестнике» (1889, № 3, отд. I, стр. 85).

Датируется 1830 или 1831 годом по положению в тетради XX.

Пир Асмодея (стр. 274)
Печатается по авторизованной копии – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), лл. 13–14 об.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Сев. вестнике» (1891, № 8, отд. 1, стр. 6–8).

Датируется концом 1830 или началом 1831 года по содержанию.

В стихотворении имеются в виду революции 1830 года во Франции, Бельгии и Польше, а также холерная эпидемия 1830 года в России.

В рукописи имя императора Павла I, изображенного в гротескных тонах, заменено четырьмя звездочками.

Сон («я видел сон: прохладный гаснул день», стр. 277)
Печатается по копии – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 14 об.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Сев. вестнике» (1889, № 2, отд. I, стр. 122–123).

Датируется 1830–1831 годами по положению в тетради XX.

На картину Рембрандта (стр. 278)

Печатается по авторизованной копии – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 15.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Библ. для чтения» (1845, т. 68, № 1, отд. I, стр. 6–7).

Датируется 1830–1831 годами по положению в тетради XX.

Лермонтов имел в виду рембрандтовский «Портрет молодого человека в одежде францисканца» («Лит. наследство», т. 45–46, «М. Ю. Лермонтов», 2, стр. 281).

К *** («О, полно извинять разврат», стр. 279)

Печатается по копии – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 15–15 об.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Сев. вестнике» (1889, № 1, отд. I, стр. 10). Слово «порфира» во втором стихе заменено точками из цензурных соображений.

Возможно, что в копии в стихе 10 ошибочно «рано» вместо «равно» («М. Ю. Лермонтов». Временник Государственного Музея «Домик Лермонтова», Пятигорск, 1947, стр. 76–78).

Датируется 1830 или 1831 годом по нахождению в тетради XX.

Чье имя зашифровано тремя звездочками в заголовке, до сих пор окончательно не установлено. Политически острое содержание стихотворения, утверждавшего идеал поэта–гражданина, независимого певца свободы и обличителя самодержавного «разврата», делает особенно важным вопрос о его адресате.

Большинство исследователей склоняется к точке зрения, высказанной еще в 1909 году А. М. Горьким, о том, что Лермонтов обратился со словами суровой укоризны к Пушкину, написавшему стихотворения «Стансы», «Друзьям», «К вельможе», которые были восприняты некоторыми современниками как компромисс поэта с самодержавием.

Существовало и другое, опровергнутое ныне, предположение о том, что стихотворение Лермонтова является откликом на поэмы Полежаева «Эрпели» и «Чир-Юрт» («Лит. наследство», т. 58, М., 1952, стр. 393–400).

Прощанье («Прости, прости!», стр. 280)

Печатается по копии – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 15 об.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Сев. вестнике» (1889, № 3, отд. I, стр. 85–86).

Датируется приблизительно 1830 или 1831 годом по положению в тетради XX.

К приятелю (стр. 282)

Печатается по копии – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 16.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Библ. для чтения» (1845, т. 68, № 1, отд. I, стр. 7–8).

Датируется 1830–1831 годами по положению в тетради XX.

Смерть («Оборвана цепь жизни молодой», стр. 283)

Печатается по копии – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 16–16 об.

Автограф не известен.

ние сочинений в шести томах. Том 1. Стихотворения 1828–1831. Михаил Юрьевич Лермонтов *Lermontovmikhail*
Впервые опубликовано в «Сев. вестнике» (1889, № 2, отд. I, стр. 123–124).

Датируется 1830–1831 годами по положению в тетради XX.

Волны и люди (стр. 284)

Печатается по копии – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 16 об. В тексте копии в стихе 5 ошибочно «не воля» вместо «воля» («М. Ю. Лермонтов». Временник Государственного Музея «Домик Лермонтова», Пятигорск, 1947, стр. 70–76).

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Библ. для чтения» (1845, т. 68. № 1, отд. I, стр. 8).

Датируется 1830–1831 годами по положению в тетради XX.

Звуки (стр. 285)

Печатается по копии – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), лл. 16 об. – 17.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Сарат. листке» (1875, № 256).

Датируется 1830 или 1831 годом по положению в тетради XX.

11 июля (стр. 286)

Печатается по копии – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 17.

Автограф не известен.

Опубликовано впервые в «Библ. для чтения» (1845, т. 68, № 1, отд. I, стр. 8–9).

Датируется 11 июля 1830 или 1831 года по положению в тетради XX.

Первая любовь (стр. 287)

Печатается по копии – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 17 об.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Сарат. листке» (1875, № 256).

Датируется 1830 или 1831 годом по положению в тетради XX.

Поле Бородина (стр. 288)

Печатается по копии – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), лл. 17 об. – 18 об.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано с незначительными разночтениями в Соч. под ред. Дудышкина (т. 2, 1860, стр. 102–105) под заглавием «Бородино».

Датируется 1830 или 1831 годом по положению в тетради XX.

Представляет раннюю редакцию стихотворения «Бородино» (1837, настоящее издание, т. 2). Лермонтов стремился всесторонне изучить историческую обстановку Бородинского сражения. В материалах В. Х. Хохрякова (ИРЛИ, оп. 4, № 85, л. 21) после текста стихотворения «Поле Бородина» следует запись: «К обработке этого сюжета относится и сохранившаяся записка о Бородинском сражении: „Le champ de Bogodino“». Затем на французском языке приводится сама записка, содержащая прозаический рассказ о Бородинской битве. Та же записка помещена в другой хохряковской тетради (ИРЛИ, оп. 4, № 26, л. 2) с подписью Лермонтова на французском языке: «M. Lermantoff».

Мой дом (стр. 291)

Печатается по копии – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), лл. 19 об. – 20.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Сев. вестнике» (1889, № 3, отд. I, стр. 88).

Датируется 1830 или 1831 годом по положению в тетради XX.

Смерть («Ласкаемый цветущими мечтами», стр. 292)
Печатается по копии – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX) лл. 20–21.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Сев. вестнике» (1889, № 2, отд. 1, стр. 124–127).

Датируется 1830 или 1831 годом по положению в тетради XX.

Вторая половина стихотворения (со стиха 70) является новой редакцией конца стихотворения 1830 года «Ночь. I» («Я зрел во сне, что будто умер я», со стиха 48, стр. 83–84). В тексте стихотворения исправлены очевидные описки в стихах 52 («перед мной» вм. «предо мной»), 69 («захотелось» вм. «захотелось»), 77 («поедали», вм. «глодали») и 101 («хладны» вм. «хладные»).

Стансы («Мне любить до могилы творцом суждено», стр. 296)
Печатается по копии – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 21 об.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Сев. вестнике» (1889, № 2, отд. I, стр. 127).

Датируется 1830 или 1831 годом по положению в тетради XX.

Солнце осени (стр. 297)
Печатается по копии – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 25 об.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Сев. вестнике» (1889, № 3, отд. 1, стр. 88–89).

Датируется 1830 или 1831 годом по положению в тетради XX.

Поток (стр. 298, 372)
Печатается по копии – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), лл. 25 об. – 26.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Сев. вестнике» (1889, № 1, отд. I, стр. 9).

Датируется 1830 или 1831 годом по положению в тетради XX.

К *** («Не ты, но судьба виновата была», стр. 299)
Печатается по авторизованной копии – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 26–26 об.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Сев. вестнике» (1889, № 1, отд. I, стр. 18–19).

Датируется 1830 или 1831 годом по положению в тетради XX.

Адресовано Н. Ф. Ивановой (см. стр. 397, «Н. Ф. И... вой»).

Ночь («В чугуны печальный сторож бьет», стр. 300)
Печатается по копии – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), лл. 26 об. – 27.

Автограф не известен.

Опубликовано впервые в «Сев. вестнике» (1889, № 1, отд. I, стр. 10–11).

Датируется 1830 или 1831 годом по положению в тетради XX.

К себе (стр. 302)
Печатается по копии – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 31–31 об.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Сев. вестнике» (1889, № 1, отд. 1, стр. 19).

Датируется 1830 или 1831 годом.

«Душа моя должна прожить в земной неволе» (стр. 303, 372)
Печатается по копии – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 31 об.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Сев. вестнике» (1889, № 1, отд. I, стр. 19).

Датируется 1830 или 1831 годом по положению в тетради XX.

Песня («Колокол стонет», стр. 304)
Печатается по копии – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), лл. 31 об. – 32.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Сев. вестнике» (1889, № 3, стр. 89).

Датируется 1830 или 1831 годом по положению в тетради XX.

«Пускай поэта обвиняет» (стр. 305)
Печатается по копии – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 32.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Сарат. листке» (1876, № 43, от 26 февраля).

Датируется 1830 или 1831 годом по положению в тетради XX.

Слава (стр. 306)
Печатается по копии – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 32–32 об.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Сев. вестнике» (1889, № 3, отд. I, стр. 90–91).

Датируется 1830 или 1831 годом по положению в тетради XX.

Вечер (стр. 308)
Печатается по копии – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 32 об.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Сев. вестнике» (1889, № 1, отд. I, стр. 15–16).

Датируется 1830 или 1831 годом по положению в тетради XX.

«Хоть давно изменила мне радость» (стр. 309, 373)
Печатается по копии – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 33–33 об.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Сев. вестнике» (1889, № 1, отд. I, стр. 16).

Датируется 1830 или 1831 годом по положению в тетради XX.

Звуки и взор (стр. 310)
Печатается по копии – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), лл. 33 об. – 34.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Сев. вестнике» (1889, № 1, отд. I, стр. 20).

ние сочинений в шести томах. Том 1. Стихотворения 1828–1831. Михаил Юрьевич Лермонтов Termontovmikhaila
Датируется 1830 или 1831 годом по положению в тетради XX.

Земля и небо (стр. 311)

Печатается по копии – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 34.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Сев. вестнике» (1889, № 3, отд. I, стр. 92).

Датируется 1830 или 1831 годом по положению в тетради XX.

К *** («Дай руку мне, склонись к груди поэта», стр. 312)

Печатается по копии – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 34–34 об.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Сев. вестнике» (1889, № 1, отд. I, стр. 20).

Датируется 1830 или 1831 годом по положению в тетради XX.

Из Андрея Шенье (стр. 313)

Печатается по копии – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 34 об.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Сев. вестнике» (1889, № 1, отд. I, стр. 12–13).

Датируется 1830 или 1831 годом по положению в тетради XX.

У Шенье такого стихотворения нет. Именем этого поэта Лермонтов вслед за Пушкиным (в памяти современников еще свеж был политический процесс 1826–1828 годов о распространении отрывка из элегии Пушкина «Андрей Шенье» с надписью «На 14-ое декабря») маскировал свои гражданские взгляды, например размышления о роли поэта в революции, мысль о политическом изгнании.

Автобиографические мотивы в стихотворении «Из Андрея Шенье» сходны с мотивами других стихотворений того же периода. Так, стих 3 и следующие совпадают по мысли со стихотворениями «Слава» (1830–1831) и «Унылый колокола звон» (1831), написанными от лица Лермонтова.

К *** («Не медли в дальной стороне», стр. 314)

Печатается по копии – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 35.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Сев. вестнике» (1899, № 2, отд. I, стр. 130).

Датируется 1830 или 1831 годом по положению в тетради XX.

Сосед («Погаснул день на вышинах небесных», стр. 315)

Печатается по копии – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), лл. 35–36 об.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Сев. вестнике» (1889, № 1, отд. I, стр. 13).

Датируется 1830 или 1831 годом по положению в тетради XX.

Стансы («Не могу на родине томиться», стр. 316)

Печатается по копии – ИРЛИ, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), лл. 35 об. – 36.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Сев. вестнике» (1889, № 1, отд. I, стр. 16–17).

Датируется 1830 или 1831 годом по положению в тетради XX.

Посвящено Н. Ф. Ивановой (см. стр. 397, «Н. Ф. И... вой»).

Мой демон (стр. 318)

Печатается по копии – ирли, оп. 1, № 21 (тетрадь XX), л. 36–36 об.

Автограф не известен.

Впервые опубликовано в «Сев. вестнике» (1889, № 1, отд. 1, стр. 13–14).

Датируется 1830 или 1831 годом по положению в тетради XX.

В 1829 году Лермонтовым было написано одноименное стихотворение (см. примечание, стр. 393). Тема этих стихотворений Лермонтова связана с началом его работы над поэмой «Демон».

Романс («Хоть бегут по струнам моим звуки веселья», стр. 320, 373)

Печатается по тексту «Библ. для чтения» (1844, т. 64, № 6, отд. I, стр. 131), где было впервые опубликовано.

Автограф не известен.

Без существенных разночтений помещено в «Записках» Е. А. Сушковой (стр. 152), где датировано 1831 годом. Однако в тексте самих «Записок» есть противоречивое указание на то, что «пьеса» эта хранилась у А. М. Верещагиной с 1830 года.

Иллюстрации

1. М. Ю. Лермонтов. Портрет маслом П. Е. Заболотского, 1837 г.

Третьяковская галерея, Москва

2. М. Ю. Лермонтов–ребенок. Портрет маслом неизвестного художника,

1820–1822 гг. Институт русской литературы Академии Наук СССР, Ленинград.

3. Автограф стихотворения М. Ю. Лермонтова «Мой демон», 1829 г.

Институт русской литературы Академии Наук СССР, Ленинград.

4. Морской пейзаж. Рисунок акварелью М. Ю. Лермонтова,

1821–1831 гг. Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ленинград.

5. Чета белеющих берез. Рисунок акварелью М. Ю. Лермонтова,

1829–1831 гг. Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ленинград

Выходные данные

Утверждено к печати Институтом русской литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР

Редакция издания: Н. Ф. Бельчиков, Б. П. Городецкий, Б. В. Томашевский

Редактор I тома Н. Ф. Бельчиков

Контрольный рецензент И. Л. Андроников

Редактор издательства А. И. Соболева

Художник С. Н. Тарасов

Технический редактор Р. С. Певзнер

Корректоры О. Б. Билинкис и Н. М. Шилова

РИСО АН СССР № 9–2 в.

Подписано к печати 30/1 1954 г. М-16931.

Бумага 60×92/16. Бум. л. 14 1/8. Печ. л. 28 1/4. Уч. – изд. л. 16.18+5 вкл.
(0.24 уч. – изд. л.).

Тираж 1–25000. Зак. № 763. Цена 15 руб.

1-я типография Издательства Академии Наук СССР.

Ленинград, В. О., 9-я линия, д. 12.

Примечания

1 Если бы мы не любили так нежно. (Англ.) – Ред.

2 Прощай. (Англ.). – Ред.

3 Сентенция. (Англ.). – Ред.

4 Это слишком пошло! (Франц.). – Ред.

5 Л. Б. Модзалевский. Краткое описание автографов М. Ю. Лермонтова в Институте русской литературы (Пушкинском Доме) Академии Наук СССР. Бюллетени Рукописного отдела Пушкинского дома, II, 1950, стр. 5–22.

6 А. Н. Михайлова. Рукописи М. Ю. Лермонтова. Описание. Труды Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, т. II, л., 1941.

7 Соч. изд. «Академической библиотеки», т. V, стр. 37–38.

8 Центральный Государственный литературный архив СССР. Путеводитель. Главное архивное управление МВД СССР, М., 1951, стр. 147, 330.

9 «М. Ю. Лермонтов». Статьи и материалы Государственной библиотеки СССР имени Ленина. Соцэкгиз, М., 1939, стр. 83–85, раздел «Автографы и рисунки М. Ю. Лермонтова, находящиеся в Отделе рукописей».

10 Вслед за названием архивохранилища в примечании дается шифр, под которым хранится тот или иной источник. После шифра в скобках дано название рукописи, например: тетрадь XI, альбом Н. И. Поливанова и т. д.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://lermontovmikhail.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!